

ВЕНОК ПУШКИНУ

Salle Pleyel galerie du 1er étage

du 15 au 17 Avril

Exposition

1837

1937

Pouchkine

Jean Cocteau

organisée
par
Serge Lifar

administration
Mary Bran

252 F^o 5e Honoré
tél: Grand 06.30 - c. suite

• ВЕНОК ПУШКИНУ •

ВЕНОК
ПУШКИНУ

•
ИЗ ПОЭЗИИ

ПЕРВОЙ

ЭМИГРАЦИИ

В Е Н О К П У Ш К И Н У

К 200-летию поэта

И. А.

А. С. ПУШКИН

В. Завенцов

В Е Н О К П У Ш К И Н У

ИЗ ПОЭЗИИ

ПЕРВОЙ

ЭМИГРАЦИИ

МОСКВА
· ЭЛЛИС ЛАК ·

1994

ББК 84 Р-5
В 29

В книге использованы архивные, плохо сохранившиеся фотографии, представляющие, однако, по мнению издательства, безусловный историко-культурный интерес.

Составление, предисловие, комментарии
М. Д. Филина

Оформление художника
А. Т. Яковлева

Фотосъемка
В. А. Соломатина

В 29 Венок Пушкину. Из поэзии первой эмиграции / Сост., предисл. и коммент. М. Д. Филина. — М.: Эллис Лак, 1994—288 с.: ил.

ISBN 5—7195—0028—6

В книгу включены произведения более 50 поэтов Русского Зарубежья. Большинство стихов и поэм воспроизведено по публикациям в труднодоступных эмигрантских изданиях.

Для широкого круга читателей.

В 4702010000-028 Без объявл.
130(03)-94

ББК 84 Р-5

© Составление, предисловие и комментарии. М. Д. Филин, 1994

© Художественное оформление.
А. Т. Яковлев; 1994

ISBN 5-7195-0028-6

Венок на далекую могилу,
или Русский пароль в изгнании.

*Это мы уславливаемся,
каким именем нам аукаться,
как нам перекликаться в
надвигающемся мраке.*

*Слова В.Ф. Ходасевича,
сказанные в 1921 г.,
накануне отъезда из
России*

В наше время, тревожное и печальное, во дни уничтожения устоев и нравственных скреп, не много духовных прибежищ осталось для человека, родившегося в России и чувствующего — несмотря ни на что — свою неразрывную связь с этой великой и грешной землей. Именно таким уцелевшим оплотом сегодня является Пушкин — наш земной учитель жизни, кастанльский ключ вдохновения, мирской символ державы, когда-то несокрушимой, а ныне — униженной и поверженной.

Истоическое бытие России с некоторых пор немислимо и неосуществимо без поэта — как бы ни пытались иные доказать обратное. Вдумаемся: какое же место в ее духовном строе принадлежит Пушкину, если лик его не меняется даже под воздействием обстоятельств, грозящих катастрофой самой нации? Многим любезен он народу — или, по крайней мере, части народа; и вряд ли можно

установить, какая из заслуг наиглавнейшая. Уместно, в частности, напомнить и о том, что волею судеб Пушкин стал для этой страны именем если не объединяющим, то хотя бы примиряющим, заставляющим противников хоть на миг зачехлить мечи.

За последний век на глобальном уровне такое примирение имело место дважды.

Сперва — на московских пушкинских торжествах 1880 года, где преисполненное глубокого смысла рукопожатие доселе враждовавших Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева возродило людскую надежду на возможность всепартийного строительства будущей общей России, на великорусский лад. Увы — уже через год эта надежда была безжалостно и бездумно взорвана лихими бомбистами.

Другой раз ожесточение временно отступило в памятном 1937 году, в дни празднования столетия с момента кончины поэта. Многое было сделано тогда большевиками (хотя вряд ли бескорыстно), но, кажется, еще больше — Русским Зарубежьем. Именно им, известным и позабытым изгнанникам, и посвящена данная книга.

В том далеком юбилейном году размах пушкинских празднований за рубежом был таков, что и спустя более полувека вызывает удивление и редкое ныне чувство гордости. В изгнании возникло 166 Пушкинских Комитетов. Как подсчитали впоследствии, поэта чествовали «во всех пяти частях света: в Европе в 24 государствах и в 170 городах, в Австралии в 4 городах, в Азии в 8 государствах и 14 городах, в Америке в 6 государствах и 28 городах, в Африке в 3 государствах и в 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе»¹. Снисходительному миру было явлено настоящее общерусское торжество, истинное про-

¹Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана. Париж, 1966. С. 34.

щенное Пушкинское воскресенье. Центром событий на долгие месяцы стал Париж, где активно действовал Центральный Пушкинский Комитет под председательством В. А. Маклакова; в товарищи председателя избрали И. А. Бунина, П. Н. Милюкова и М. М. Федорова, а секретарем Комитета — Г. Л. Лозинского¹. Трудно перечислить, что сумели сделать подвижники за короткое время, невзирая на острую нехватку средств. Вот лишь некоторые фрагменты летописи, сложившейся из сообщений эмигрантской прессы 1937 года².

3 февраля вышла в свет однодневная газета «Пушкин», в создании которой приняли участие многие первостатейные писатели и мыслители, цвет эмиграции (М. Алданов, К. Бальмонт, И. Бунин, Б. Зайцев, П. Струве, С. Франк, М. Цветаева, И. Шмелев и др.). Редактором газеты были профессор-историк Н. К. Кульман.

8 февраля в зале Плейель состоялся торжественный Пушкинский концерт. Среди выступавших — С. Лифарь, А. Ремизов, квартет Н. Кедрова и прочие.

11 февраля в зале Иена прошло собрание деятелей русской культуры. Председательствовал В. А. Маклаков, говорили Бунин, Мережковский, Шмелев... В тот же день во всех православных храмах Парижа служились панихиды по Пушкину.

18 февраля в малом зале Мютюалитэ был Пушкинский вечер для негров, проживающих во Франции. На нем

¹Подробнее о деятельности Центрального Пушкинского Комитета см., напр.: *Струве Н.* Русская эмиграция и Пушкин. — Вестник РХД, Париж; Нью-Йорк; Москва. 1987. № 149.

²Летопись составлена преимущественно по материалам парижских газет «Возрождение» и «Последние новости».

выступила Марина Цветаева, читавшая стихи поэта в собственных переводах на французский язык.

Вечер Союза деятелей русского искусства собрал публику 21 февраля в зале Иена. Тон здесь задавали О. А. Глебова-Судейкина, А. А. Александровский и Б. К. Зайцев.

27 февраля состоялось научное заседание, организованное редакцией журнала «Современные записки». С докладом «Государство и общество в их отношениях к Пушкину» выступил видный историк П. Н. Милюков.

А 2 марта в зале Социального музея с большим успехом прошел вечер Марины Цветаевой, посвященный опять-таки памяти Пушкина.

Еще один литературно-музыкальный вечер в честь Пушкина был проведен 6 марта «в частном доме». В программе — трио П. И. Чайковского, романсы на стихи поэта, а также чтение его произведений (И. А. Бунин, М. А. Крыжановская, Г. М. Хмара).

15 марта многие русские парижане пришли на литературно-музыкальный вечер, посвященный Царскому Селу. Выступали А. И. Куприн, П. Н. Милюков и Н. А. Оцуп. Стихи Пушкина звучали в исполнении Нины Берберовой, Антонина Ладинского и других.

На следующий день, 16 марта, открылась долгожданная великолепная выставка «Пушкин и его эпоха». Инициатором и душой ее был балетмейстер и коллекционер С. М. Лифарь. Здесь, в большой галерее зала Плейель, и происходили затем главные мероприятия, связанные с юбилеем. Выставка, получившая широкое международное признание, работала до 18 апреля.

Наконец, 21 марта в зале Армии и Флота был устроен большой Пушкинский праздник для детей и юношества.

Торжества продолжались и далее, практически до

конца года и по всему свету. Выходили книги и сборники, появилось бесчисленное множество журнальных и газетных статей. Заседания перемежались вечерами и концертами; в залах и президиумах более или менее мирно соседствовали и выступали, сменяя друг друга, — монархисты, либералы, отставные революционеры разных толков...

Но юбилейный 1937-й год — лишь вершинный для первой эмиграции на ниве пушкиноведения. Трудов, начавшихся с самых первых дней Русского Исхода и никогда не прерывавшихся. Достаточно сказать, что до начала второй мировой войны в различных странах изгнанниками было издано около ста книг о поэте. Многие издания не пережили лихолетий; сохранившиеся раритеты труднодоступны. Видимо, еще не пришло время для широких обобщений и окончательных выводов, но уже теперь ясно, что Пушкиниана Русского Зарубежья — крупный историко-культурный феномен, убедительное свидетельство несломленности духа апатридов.

В предшествующие десятилетия отечественное пушкиноведение не слишком пристально вглядывалось в процессы, происходившие на «других берегах»; всяк живущий в России знает причины этого невнимания. Быстрые перемены во второй половине 1980-х годов застигли врасплох почти всех. И уже вскоре выяснилось, что в глухие времена многое было подпольно и наспех прочитано, кое-что даже «обшептано», да — мало осмыслено. Еще меньше — собрано воедино, систематизировано и подготовлено к печати ко дню снятия «умственных барьеров». Вожделенный срок настал — но дело пришлось начинать едва ли не с нуля.

Так Пушкиниана Русского Зарубежья оказалась на периферии общественных и научных интересов. Надо оговориться: имеется в виду не «пушкиноведение» третьей

волны, собравшее ныне обильную и подчас скандальную прессу, а труды первых изгнанников, — настоящая классика. Факт сам по себе весьма примечательный: ведь именно пушкиноведение на Руси издавна пользовалось огромным авторитетом — и среди ученого сословия, и у просвещенной публики. Несомненно, что его умаление произошло вследствие тотальной и чрезмерной политизации жизни; а Пушкин, как известно, не самый подходящий союзник на убогих митингах, в пошлых «журнальных драках» и интригах. Сказалась и тирания торгашества в издательском деле, которое отвернулось от знаменитого, но вроде бы малоприбыльного автора. Оба названных обстоятельства существенны, но они вне литературы. В том же неблагоприятном хронотопе довольно успешно шло изучение и издание произведений других писателей и литературоведов, творивших в изгнании. Академическое же пушкиноведение — и здесь кроется главная причина — оказалось неподготовленным к настоящей встрече с Пушкинианой эмиграции. Обрывочные сведения из заграничных справочников да нащипанное наугад пестрое собрание ксерокопий, лихорадочно превращенных в журнальные и иные публикации — вот, пожалуй, главное достижение последних лет. «Мы ленивы и не любопытны»...

Впрочем, количество напечатанных статей «из наследия» достаточно велико — по самым приблизительным меркам, их около 50. Есть обзоры и аналитические работы. Появилось и два солидных издания, посвященных Пушкиниане Русского Зарубежья¹. Но эти локальные уда-

¹Пушкин в русской философской критике (Конец XIX — первая половина XX вв.) / Сост. Р. А. Гальцева. М.: Книга, 1990; Пушкин: Однодневная газета (Русский Рубеж. Приложение к Литературной России, № 5). — М., 1992.

чи лишь в самой малой степени компенсируют потери, выявившиеся после начала мощных эдиционных процессов в России.

Книга «Венок Пушкину», которую изволил раскрыть любезный читатель, может рассматриваться как робкая попытка хоть чуть-чуть видоизменить ситуацию, причем только в одной отдельно взятой области пушкиноведения.

Традиция «Венков» поэту давно укоренилась в русской культуре. Еще в XIX веке вышло в свет несколько сборников, где были опубликованы стихи, обращенные к Пушкину¹. В последующем издания подобного рода продолжались². Однако в них по понятным причинам отсутствовала поэзия Русского Зарубежья. Лишь в самых последних книгах нашлось место Бунину, Ходасевичу, Цветаевой и некоторым другим изгнанникам³. Но поэтическая Пушкиниана первой эмиграции как явление до сих пор не изучена. Более того — этот стихотворный корпус даже не выявлен.

А между тем он заслуживает самого пристального внимания и пиетета — уже за одно то, что доминирует здесь эсхатологическое (в широком смысле) чувство. Давно отмечено, что настоящий русский писатель, писа-

¹Русские поэты о Пушкине: Юбилейный сборник стихотворений / Сост. М. Н. Арапова. СПб., 1899; Русские поэты о Пушкине / Сост. В. В. Каллаш. М., 1899 (Дополнения: Puschkiniana. Вып. 1-2. Киев, 1902—1903); Поэты — поэту / Сост. И. И. Божерянов. СПб., 1899; и др. Попутно отметим, что многие «Венки» включали в себя не только поэзию, но и прозу, драматургию и т. д.

²Пушкин в русской поэзии / Сост. С. Фомин. М., 1937; Русские писатели XIX века о Пушкине / Под ред. А. Долинина. Л., 1938; и др.

³См., напр.: Светлое имя Пушкин / Сост. В. В. Кунин. М., 1988.

тель милостью Божией, не мог и не сможет завершить свой земной и творческий путь, не обратившись к Пушкину. Поэт стал светским духовником для подлинного художника. Духовником, потребность в коем особенно остро ощущается на краю бездны. Для изгнанников такой бездной стала гибель России и вынужденная вечная разлука с Родиной. Ощущение катастрофы усиливалось и по иной причине — глухие подземные толчки надвигающихся военных испытаний уже волновали мир. И Русское Зарубежье ничтоже сумняшеся призвало на помощь Пушкина. «Это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке», — сказал в 1921 году Владислав Ходасевич, прощаясь с Петроградом и Россией. Он, этот язвительный скептик, оказался прав: из всех мирских паролей, когда-либо звучавших впоследствии в раздираемой распрями эмигрантской среде, пожалуй, лишь этот, это «веселое имя», смягчало черствевшие измученные души.

Поэтическая Пушкиниана первой эмиграции обширна и разнообразна. Вряд ли уместно подходить к ней с формально-эстетских позиций — слишком многое тогда безвозвратно исчезнет. Исчезнет, например, никому не ведомый православный священник, сложивший искренние неумелые вирши. Канет в небытие юная гимназистка, позабывшая ради Пушкина о романтических темах. Позабудутся и прочие наши соотечественники, почтившие когда-то память национального поэта. Безусловно, имена Бальмонта, Набокова, Ходасевича, Цветаевой и иных поэтов подобного уровня значат многое, но будет ли справедливой такая история; история избранных, малолюдная и с выхолощенным литературным бытом? Едва ли. Именно поэтому в данной книге присутствуют наряду с «высокохудожественными» опытами и образчики непритязательного творчества дилетантов. Малоизвестных или не-

известных вовсе дилетантов-изгнанников, тоже внесших вклад, по-своему неповторимый и ценный, в создание единой русской зарубежной Пушкинианы.

Ради справедливости надо сказать и о том, что создание «Венка» поэту продолжалось в Зарубежье и после того, как представители первой эмиграции постепенно сходили со сцены. Шедших им на смену было уже не так много, но они все-таки были. Вспомним хотя бы Дмитрия Кленовского (Крачковского):

«Есть давно утерянные годы,
Есть давно умолкнувшее детство,
Есть стихами прозвеневший город —
Пушкинское стройное наследство.

В мае там сирень, в апреле — вербы,
В сентябре — рябина, дождик, слякоть...
Как туда вернуться я хотел бы —
Просто для того, чтобы заплакать». (1963)¹.

Но тут, со второй волны, начинается уже другая история, перекликающаяся с историей послереволюционных изгнанников, но и своеобразная, с собственными взлетами и падениями. Быть может, и до нее когда-нибудь дойдут руки пытливых и памятливых...

Пушкин был провидцем. Накануне смерти, в своем завещании — «Памятнике» — он предрек:

«И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит».

¹Значительная часть его Пушкинианы собрана в кн.: *Кленовский Д.* Стихи. Избранное из шести книг и новые стихи (1965—1966). Мюнхен: Международное Литературное содружество, 1967.

Разумеется, не о пересудах «будущих невежд» шла речь. Поэт — гениальный или даже посредственный — это особый мир, более или менее чуждый всепроникающему рационализму и той «цивилизации», которую Константин Леонтьев верно означил словом «удобства». Пока живы поэты, есть и некое духовное пространство, неподвластное тлену. И наоборот — отсутствие этого пространства, отсутствие «воздуха» (А. Блок) губительно для поэзии и ее служителей. Только тут, в живительной атмосфере, место и слава Пушкину, «растущему и живому», как сказал когда-то один из крупнейших мыслителей эмиграции¹.

Русская эмиграция первой волны всеобщими усилиями создала и сохранила такое пространство. Поэтическая Пушкиниана заняла в нем заметное место. На нашу же долю выпало спасти от забвения и репатриировать ее. Хотелось бы верить, что данная книга — неполная и небезгрешная — послужит-таки этой цели.

Михаил ФИЛИН

¹Именно так — «Растущий и живой Пушкин» — назвал П. Б. Струве статью, помещенную в однодневной газете «Пушкин» (Париж, 1937). См. также: *Струве П. Дух и Слово*. Париж: YMCA-Press, 1981. — С. 17—22. Достоин внимания, что книга П. Н. Милюкова называлась «Живой Пушкин» (Париж: Родник, 1937). Можно привести и другие типологически близкие примеры.

В Е Н О К П У Ш К И Н У

Александр Биск

РУСЬ

Вот Русь моя: в углу, киотом,
Две полки в книгах — вот и Русь.
Склонясь к знакомым переплетам,
Я каждый день на них молюсь.

Рублевый Пушкин; томик Блока;
Все спутники минувших дней —
Средь них не так мне одиноко
В стране чужих моих друзей.

Над ними — скромно, как лампада,
Гравюра старого Кремля,
Да ветвь из киевского сада —
Вот Русь моя.

Варна, 1921

Г. Р О С И М О В Ъ

СТИХИ
ОБЪ УТЕРЯННОМЪ

Б Е Р Л И Н Ъ 1 9 2 1

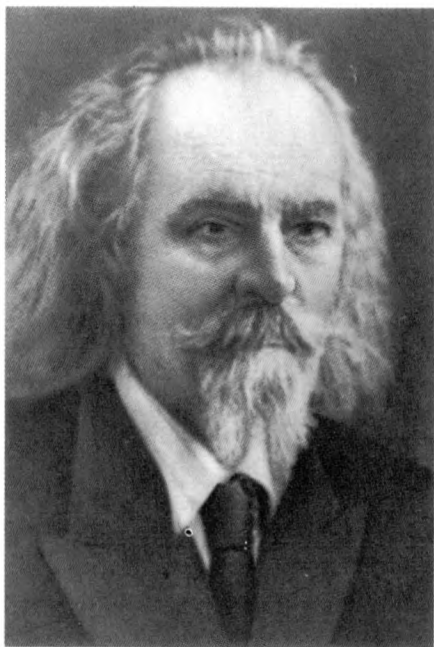
Г. Росимов

Жил на свете рыцарь бедный...

А. Пушкин

И вновь приду к тебе, покорный,
С моих запутанных дорог...
В глазах все тот же пламень черный
И твой привет, как прежде, строг.
Скажу тебе, что были битвы,
Что плачет сердце, болен дух,
Что вновь хочу твои молитвы
Твердить по-детски четко вслух,
Что я изведаль все потери,
Мои пути — не те, не те...
Но я по-прежнему лишь верен
Одной жестокой красоте.
Рукой меня коснешься бледной,
В усмешке дрогнет чуть губа,
И скажешь тихо: «Рыцарь бедный...
Ты знаешь — я твоя судьба».

В. Обухов

И Пушкин был влюблен в одну звезду...
Когда волна дробила Крымский берег,
Следил он «облаков летучую грядку»
И думал о слепительной Венере.

С прошедшим настоящее роднит
В блестящих строфах мерное дыханье, —
И мы о нем в отторгнутые дни
Торжественно храним воспоминанье.

Грядущее так пламенно горит...
Да воспоет великий мэтр в грядущем
Лучи твоей рубиновой зари
Пером нержавым, мощным и цветущим.

1922

М. РОСТОВСКИЙ

ДОРОГА ПУШКИНА

Он тяжелой запахнулся шубой;
В небе было мало синевы;
Ветер, налетающий и грубый,
Завывал у берегов Невы.

— Где же ящик? Да какие сани?
— Эти вот; а ящик — на скамье...
— Ну, так едем! — Силуэты зданий
Расплылись в туманной пелене.

Некрасивый лик казался весел,
Только взор рассеянно-смятен;
Воронцовой маленькой отвесил,
Улыбнувшись, ласковый поклон.

Повернули к Троицкому мосту,
А навстречу плыл людской поток.
Говорил находчиво и остро
Каламбурами звенящих строк.

В снежной пыли промелькнули лица
Надоевших женщин и мужчин;
Что-то прокричал ему Голицын,
И махнул рукою Головин.

А потом — стрела пустынных улиц,
Ветер, бледный сумрак, тишина;
Ветви оголенные тянулись,
И вставала длинная стена.

Впереди, у рыхлого сугроба,
Зачернел возок и вновь исчез:
Это ехал тою же дорогой
На дуэль кавалергард Дантес.

1922

Ритикотворения

В. Сибатова

Издание Книжното магазин „Градъ-Книгожъ“

Милкоп 1922

В. Сумбатов

УСАДЬБА

Над парком небеса, по-вешнему бездонны,
Лазурную эмаль сливают с серебром,
Над заводью реки несут фронтон с гербом
Четыре стройные коринфские колонны.

Чугунная скамья в сиреновой глуши
Стоит, маня к себе задумчивым уютом,
И в шелесте листвы над ласковым приютом
Мне шепот чудится: «Я жду тебя... Спеши!..»

Вот здесь, в тени берез, средь тмина и бурьяна,
Онегина ждала влюбленная Татьяна
И в каждом шорохе ловила шум шагов,

Вот здесь ей прочитал Онегин назиданья,
И, льдом окованный его холодных слов,
Вдруг в сердце девичьем увял цветок мечтанья...

Николай Агнивцев

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый «Летний сад».
Там, среди толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит!..

Ах, Санкт-Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!
А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна,
На «Петропавловскую крепость»
Глядеть из темного окна!..
И, лишь запрут в «Гостином» лавки,
Несутся к небу до утра
Рыданье Лизы у «Канавки»

И топот Медного Петра!..
Ах, Санкт-Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеевич Пушкин
У парапета над Невой!..

ДАМА ИЗ ЭРМИТАЖА

Ах, я устала, так что даже
Ушла, покинув царский бал!..
Сам Император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне, до сей поры, все мнится:
Блеск императорских погон.
И комплимент Императрицы,
И Цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры,
И камергеры, и пажи!

Но больше, чем все кавалеры,
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор!

И я ответила ему бы,
Но тут вот, в довершенье зол,

Н. Аглицевъ
Бюстальный
Санктъ Петербургъ

Издание
И. П. Ладмишкова

Възд. Копейкинъ

К нему, сжав вздрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошел!..

Pardon!* Вы, кажется, спросили,
Кто муж мой? Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его, увы, нельзя назвать!..

Но он в руках моих игрушка!
О нем слышали вы? иль нет?
«Александр Сергеич Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..»

*Простите! (фр.)

„KADEWE“ BERLIN

В. Сирин

ПАМЯТИ ГУМИЛЕВА
(Гексаметры)

Гордо и ясно ты умер, — умер, как муза учила.
Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем
медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин.

1923

* * *

Санкт-Петербург — узорный иней,
ex libris¹ беса, может быть,
но дивный... Ты уплыл, и ныне
мне не понять и не забыть.

Мой Пушкин бледной ночью, летом,
сей отблеск объяснял своей
Олениной, а в пенье этом
сквозная тень грядущих дней.

¹«Из книг», эксlibрис (лат.).

И ныне: лепет любопытных,
прах, нагота, крысиный шурк
в книгохранилищах гранитных;
и ты уплыл, Санкт-Петербург.

И, долетая сквозь туманы
с воздушных площадей твоих,
меня печалит музы пьяной
скуластый и осипший стих.

Берлин, 25.9.23

Георгий Адамович

По широким мостам... Но ведь мы
все равно не успеем,
Этот ветер мешает, ведь мы
заблудились в пути,
По безлюдным мостам, по широким
и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и
остановить и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает
тревожно столица,
Рестораны распахнуты. Стынет
дыханье в груди.
Отчего нам так страшно? Иль может
быть все это снится?
Ничего нет в прошедшем и нет
ничего впереди!

Море близко. Светает. Шаги уже
меряют где-то,
Но как скошены ноги... Я больше
бежать не могу.
О, еще б хоть минутку... И шелкнул

курок пистолета.
Все погбло. Все кончено. Видишь ты —
кровь на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце.
Ни слова!
Тридцать градусов холода. Тускло
сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит
Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно
глядит.

Владислав Ходасевич

РОМАНС

«В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Догаресса молодая»¹
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит.

Тяжко долгое молчанье,
Но, осмелясь наконец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызнова живет,
И супругу он по праву
Томно за руку берет .

¹Окончание пушкинского наброска. Первые пять стихов написаны Пушкиным в 1822 году. (Примеч. В. Ф. Ходасевича).

Но супруга молодая
В море дальное глядит.
Не ропща и не вздыхая,
Ничего не говорит.

Охлаждаясь поневоле,
Дождь поникнул головой.
Ночь тиха. В небесном поле
Ходит Вesper золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указывает
Возвращаться ко дворцу.

20 марта 1924. Венеция

В. Сирин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ко мне, туманная Леила!
Весна пустынная, назад!
Бледно-зеленые ветрила
дворцовый распускает сад.

Орлы мерцают вдоль опушки.
Нева, лениво шелестя,
как Лета льется. След локтя
оставил на граните Пушкин.

Леила, полно, перестань,
не плачь, весна моя былая.
На вывеске плавучей — глянь —
какая рыба голубая.

В Петровом бледном небе — штиль,
флотилия туманов вольных,
и на торцах восьмиугольных
все та же золотая пыль.

Берлин, 26.5.24

Константин Бальмонт

КОМУ СУДЬБА

Кому судьба быть перепелкой,
Кому судьба дверной быть щелкой,
В которую — для духа снедь
Влюбленных можно подсмотреть,
Кому — на лошади быть челкой
И знать, что можно крепость взять
И победительно сиять.
Кому — быть деловитой пчелкой
И в мед цветы пресуществлять.
Кому — мечтой в раю гулять.
Кому — к лесной прильнув опушке,
Свирелить стих полсотни лет
И в мире называться Фет.
Кому — быть солнцем. Имя — Пушкин.

St.-Brévins-les-Pins. 1922. 12 сентября

Игорь Северянин

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодеет не от них ли
Стареющая молодежь?..
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?

Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны,
Величественные слова!

При звуках тех теряет даже
Свой смертоносный смысл в дали
Веков дрожащая в предаже
Посредственная Nathalie...

При них, как перед вешним лесом,
Оправдываешь, не кляня,
И богохульный флёрт с Дантесом —
Змею Олегова коня...

Тойла. 1924

В. Сирин

СМЕРТЬ ПУШКИНА

Он первый подошел к барьеру; очи
так пристально горели, что Дантес
нажал курок. И был встревожен лес:
— сыпучий снег, пугливый взмах
сорочий...

Пробита печень. Мучился две ночи.
На ране — лед. В бреду своем он лез
По книжным полкам, — выше...
до небес...

Ах, выше!.. Пот блестел на лбу.
Короче, —

— он умирал; но долго от земли
уйти не мог. «Приди же, Натали,
да накорми моченою морошкой...»

И верный друг, и жизни пьяный пыл,
и та рука с протянутою ложкой —
отпало все. И в небо он поплыл.

1924

Владислав Ходасевич

27 МАЯ 1836

Оставил дрожки у заставы,
Побрел пешком.
Ну вот, смотри теперь: дубравы
Стоят кругом.

Недавно ведь мечтал: туда бы,
В свои поля!
Теперь несносны рощи, бабы
И вся земля.

Уж и возвышенным, и низким
По горло сыт,
И только к теням застигийским
Душа летит.

Уж и мечта, и жизнь — обуза
Не по плечам.
Умолкни, Парка! Полно, Муза!
Довольно вам!

1924

Марина Цветаева

ИЗ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ «ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ»

1.

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева — крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба...

Запах, из детства, какого-то дыма,
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! — Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути!
И побледнел бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти...

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
— Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаше аллей,

Марионеток и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
— Ах — Мариулу твою!

Треск барабана, мундир властелина,
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, королю!
Сердце свое — и свое отраженье
В зеркале... Как я люблю...

Кончено... Я бы уж не говорила.
Я посмотрела бы вниз.
Вы бы молчали, так грустно, так мило,
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И потому что от худшей печали
Шаг — и не больше! — к игре,
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

2.
НАТАША

Счастье или грусть —
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках —

Длиннобровой,
Ни к кому не суровой
Гончаровой.

Сон или смертный грех —
Быть, как веер, как шаль, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно — кусать губу,
И потом, в гробу,
Вспоминать Ланского.

3.
ПСИХЕЯ

Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин.
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая. Пунш — и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
Я — проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) — Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках — как пэри! —
Пируэтом — привиденьем —
Выпорхнула.

Пунш — и полночь.

Вновь впорхнула. — «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонэза...»

Плащ накинув
На одно плечо — покорно —
Под руку поэт — Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Ножки в плэд ей
Сам укутывает, полость
Сам запахивает... — С Богом!

А Психея,
К спутнице припав — слепому
Пугалу в чепце — трепещет:
Не прожег ли ей перчатки
Пылкий поцелуй арапа.

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат — и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале.

Константин Бальмонт

ОТЧЕГО?

(Из книги «В раздвинутой дали»)

Отчего, хоть нежен Фет, —
Если в грезе, на опушке
Неземной, предстанет Пушкин,
Вопросив: «Кто твой поэт?»,
Молвлю, чуя ход планет: —
«Ты, конечно, спору нет».

Отчего, — хоть Тютчев мудрый,
Люб мне Лермонтов, я рад
Каждой грезе златокудрой,
Песням всем, где Русский лад, —
Молвлю, радостный стократ: —
«Только Пушкин — весь наш клад».

Оттого, что только зори
Вводят душу в ряд светил.
Тот, кто с Солнцем в договоре,
Слыша в сердце звон кадил,
Вступит в мир — и звездных сил.
Пушкин — утро освятил.

В раннем часе Русской речи,
В дыме дремлющих годов,
Им разосланы предтечи
В сто подвластных городов,
Чтобы праздник был готов
Нежной завязи цветов.

В трудный час родного слова,
Как еще качалась тень
Сна, немотства векового,
Златорогий мчал олень,
С края Солнца взятый, день,
В нем же — корень Одолень.

Звонкий отрок, певший Леду
И родной страны успех,
Длиннокрылую Победу
Обольстил на радость всех,
Брызнул в рой земных утех
Звон по гусям, светлый смех.

Верной дланью исполина,
Оком, зрящим сквозь века,
Им построена плотина,
Чтоб вспененная река,
Задержав свой ход слегка,
Мчала бег наверняка.

Самосдержанная буря,
Юным бунтом всплескав,
Просияла, взор не хмуря,
Свой постигла Божий нрав.
В жизни, в песне, в сне забав,
В каждом миге Пушкин прав.

И в игре недовершенной
В вещем лике опочил.
Вдохновенный, благозвонный,
Разбросав зачатки сил,
Наши песни предрешил: —
К утру ход ночных светил.

Châtelaillon 1924. 3 июля

Иван Бунин

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, град Петров и стой
Неколебимо, как Россия...»

О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!
Где Град Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.

И все ж придет, придет пора
И воскресенья и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Камени созиждет храм
И скажет: «Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней».

28.1.25

В. Сирин

ИЗГНАНЬЕ

Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что если б Пушкин был меж нами —
— простой изгнанник, как и мы?

Так, удалясь в края чужие,
он вправду был бы обречен
«вздыхать о сумрачной России»,
как пожелал однажды он.

Быть может, нежностью и гневом —
как бы широким шумом крыл, —
еще неслышанным напевом
он мир бы ныне огласил.

А может быть и то: в изгнание
свершая страннический путь,
на жарком сердце плащ молчанья
он предпочел бы запахнуть, —

боясь унижить даже песней,
высокой песнею своей,
тоску, которой нет чудесней,
тоску невозвратимых дней...

Но знал бы он: в усадьбе дальней
одна душа ему верна,
одна лампада тлеет в спальне,
старуха вяжет у окна.

Голубка дряхлая дождется!
Ворота настезь... Шум живой...
Вбежит он, глянет, к ней прижмется,
и все расскажет — ей одной...

1925

Вадим Андреев

СОНЕТ

Еще любовью пахнет горький порох,
Еще дымится теплый пистолет,
Еще звезда хранит тугой рассвет
И туч растерянный и долгий шорох.

Еще — и не забыть суровый бред,
И в чернореченских, скупых просторах
Снега и стольких лет смятенный ворох —
Глубокий снегом занесенный след.

Еще — ах, снежной пылью серебрится
Опять его бобровый воротник,
И утром невообразимо дик

Покой непробудившейся столицы.
И слово «смерть» в конце земной страницы
Коснеющий не вымолвит язык.

1926

Игорь Северянин

ПУШКИН

Есть имена, как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!

Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи,
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

Виктор Колосовский

Из книги «МОЯ ЛИРИКА О ПУШКИНЕ»

XXII

Он был великий дворянин
И прославился здесь на весь свет,
Как Пожарский и Минин,
Также и истинный поэт.
Конечно, он известный вам,
Это был Пушкин сам!

XXIII

Он переписку вел с царями,
Вел с вельможами, с псарями,
И равно на всех глядел,
И также песни им всем пел.
Ему, конечно, все равно,
Кто бы ни был он такой,
Пусть с портфелем, иль с сумой —
Лишь бы честный человек.
Он даже жаловал калек.
А, может, Богом суждено,

Чтобы он суму носил,
И ходил по миру, и просил.
И согласитесь вы в том,
Что он правый был во всем!

.....

Апрель, 1926 год. Лесковец

Лидия Нелидова-Фивейская

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Тогда кругом сады зазеленели вновь,
Бросая на траву причудливые тени,
Когда в душе моей проснулась вдруг любовь...
И был он — пушкинский Евгений...
Тогда цвели акаций пышные кусты;
В душистых яблонях так звонко пели птицы,
И просыпалась грусть и смутные мечты,
Когда читала я заветные страницы.
Бывало, вечером, в аллее белых роз,
Мечтаю в сумерках таинственно-прозрачных,
Закрывши книгу, я — и в дымке детских грез
Он мне рисуется скучающий и мрачный.
В именье к Лариным мечтами улетев,
С Татьяной вместе мы о нем в тиши грустили,
Свирели слушая предутренний напев...
Как будто бы мы все в одной эпохе жили.
Нарочно медленно читала книгу я,
Боясь с Онегиным так скоро разлучиться...
Как пусто стало вдруг на сердце у меня,
Когда окончилась последняя страница!..

Игнат Побегайло

(ЕСЕНИН)

Вековая просинь —
Наша сторона...
Если Пушкин — осень,
Он у нас — весна.

Д. Ратгауз

В ГОДЫ ЭТИ

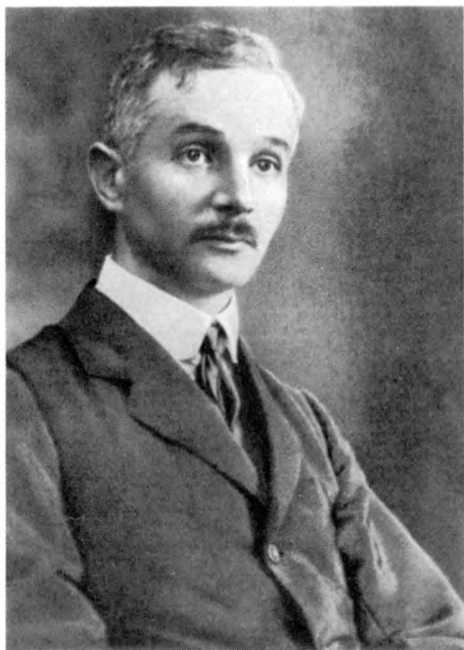
Какие дни, какой позор!
Кровавой мглой вся Русь объята.
Ползут кроты из темных нор
И подрывают все, что свято.

Где ныне Пушкин, где Толстой?
Кому нужны теперь пророки,
Когда кругом звериный вой
И небесам мы так далеки!

Тоска и мука без конца,
Лежат надежды в сорной груди...
Какие черствые сердца,
Какие маленькие люди!..

Какие тягостные дни,
Как эта мысль наш ум волнует,
Что все великое — в тени,
А все ничтожное ликует!

(1922)

Саша Черный

НЯНЯ ПУШКИНА

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...*

Пушкин

Сквозь льдистое оконце
С морозной вышины
Глядит литое солнце
Серебряной луны.
По кровле ветер пляшет,
Гудит в ночном саду,
И снег волнистый пашет
На скованном пруду...
Но здесь, в углу родимом,
Ночной не страшен клик:
Лампада алым дымом
Ласкает темный лик.
Не спится старой няне.
Лежанка, как огонь...
Прошелестели сани,
Зафыркал бодрый конь.
Бревно в углу стрельнуло,
Мороз, что час, лютей.
Кот моется у стула,
Зовет-сулит гостей.
Прислушалась, привстала:

Часов старинных хрип,
И за стеной средь зала
Шагов знакомых скрип.

* * *

Вошла ворчунья в зальце,
Зажав в руке костыль...
Со свечки каплет сальце,
Трещит-чадит фитиль,
Бумага грудой белой
Разрыта на столе,
Лесок оледенелый
Сверкает на стекле.
Над ширмой, как заплата,
Сухой полыни клочок.
Цветная кисть халата
Взлетает мерно вбок...
«Опять, неугомонный,
Проходишь до утра,
Как домовый бессонный?
Давно в постель пора!»
Сняла нагар со свечки.
Кот входит важно в зал.
Поэт у жаркой печки,
Скрестивши руки, стал.
В саду — глухие вскрики
И лунные межи...
«Дай, старая, брусники,
Да сказку расскажи...»
На стареньком диване
У мерзлого окна
Дремотный голос няни,
Как плеск веретена.
В руках мелькают спицы,
Трясется голова,

И вьются небылицы, —
Волшебные слова:
Про лешего Антипку,
Про батрака Балду,
Про золотую рыбку,
Про кузнеца в аду...
Зарделось в зале лето,
Шумит-шуршит травой.
В простенке тень поэта
С курчавой головой...
А кот все горбит шубу,
Не тот ли это кот,
Что был прикован к дубу
У синих-синих вод?
«Распелась... Вот чечетка!
Смотри, в саду — светло».
И крестит няня кротко
Любимое чело.

* * *

Не спится дряхлой няне.
Все косточки болят...
В оранжевом тумане
Мерцает тихий сад.
Завыли псы. Не волк ли?
В огне сугроб — копной.
Шаги за стенкой смолкли.
«Улегся. Спи, родной...»
За снежным перелеском —
Не гость ли? Ох, Творец! —
Залился ровным плеском
Веселый бубенец.
Быть может, друг столичный?
Пойти бы на крыльцо...

Беседы, хохот зычный,
Шипучее вино...
Вот Сашеньке б утеха!
Сидит в снегах, как волк.
Но отзвенело эхо,
И колокольчик смолк.
Пора вставать. Поспала.
В углу белеет печь...
Баранки обещала
Она ему испечь.

Георгий Иванов

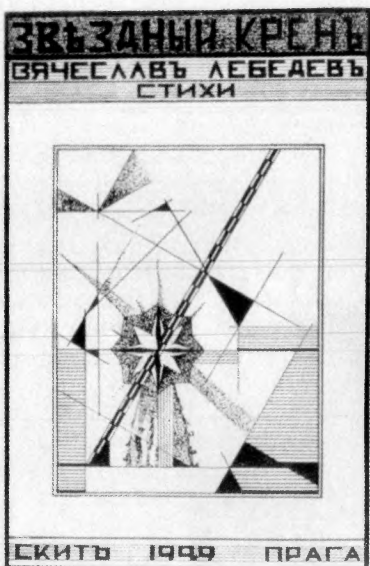
Медленно и неуверенно
Месяц встает над землей.
Черные ветки качаются,
Пахнет весной и травой.

И отражается в озере,
И холодеет на дне
Небо, слегка декадентское,
В бледно-зеленом огне.

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

(1928)

Вячеслав Лебедев

СТИХИ К МУЗЕ

Так часто в тишине ночной
Росло крылатое движенье —
Небесное отображенье
Угрюмой горечи земной.

И сердце чуткое мое
Воздушные вбирало волны
И подымало острие
Преемником певучих молний.

И ты, вдыхая воздух талый
В весенней, звонкой вышине,
Вот так же к Пушкину слетала,
Как и слетаешь ты ко мне.

И помнишь все еще, быть может,
Сквозные лепестки свечей
И гулкий зал, такой несхожий
С дешевой комнатой моей.

И вот всплывает профиль смуглый
В воспоминаниях твоих...
И робкий исправляя стих,
Мой черновик бросаешь в угол.

Антонин Ладинский

ПОЭТУ

Гремит под солнцем славы звон,
Поэт вкушает вечный сон,
И под плитой не слышит он

Ни вздохов, ни земных страстей,
Ни шума трепетных ветвей,
Ни славы горестной своей.

Судьба российской лиры зла:
Летит свинцовая пчела
Из пистолетного ствола,

Ей сердце обрекает рок,
Оборвано течение строк,
И тает голубой дымок.

Все тает — камень и мечта,
И гибельная красота —
Бровей взлетевших высота.

Она цвела средь бальных зим,
И северный склонялся Рим
Пред этим сердцем ледяным,

Но все превратно под луной —
Красавиц мрамор ледяной
И африканской страсти зной,

Истлели розы и венки,
Зоилы и клеветники,
И писем пасквильных листки,

И только в шепоте стихов
Душа его на Божий зов
Летит, витает средь веков.

В. Сирин

НЕОКОНЧЕННЫЙ ЧЕРНОВИК

Поэт, печалью промышляя,
твердит прекрасному: прости.
Он говорит, что жизнь земная —
слова на поднятой в пути
— откуда вырванной? — странице
(не знаем и швыряем прочь),
или пролет мгновенной птицы
через светлый зал из ночи в ночь.

Зоил (пройдоха величавый,
корыстью занятый одной)
и литератор площадной
(тревожный арендатор славы)
меня страшатся потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому,
что жизнь и честь мою я взвесил
на пушкинских весах, и честь
осмеливаюсь предпочесть.

Берлин, 1931 г.

Лев Гомолицкий

ВАРШАВА

Поэма

*Дмитрию Владимировичу
Философову*

1

Как за магнитом шар железный,
дрожа, вращается за мной
мяч золотой в потоке звездном,
не нами названный Землей.
И ты, сновидец безымянный,
дух, порываешься за мной...
Но тело — в паспорт чужестранный
чиновной вписано рукой,
над многоточьями по графам,
как инвентарь, разнесено
и в примечаньях к параграфам
к земным камням прикреплено.

Будь вечным богоборцам равным
в кощунствах — подвигах — делах,
умрешь — и ладан православный
окурит беззащитный прах.
И будет адрес твой в неволе
подземных душных, тесных мест:
Варшава — Кладбище на Воле —
табличкой звякающий крест.
Напрасно в вечность, к голубому

стремишь тоску душевных крыл —
я упаду к кресту земному,
на камни дедовых могил.

При орденах в мундире — знаю —
там спит мой дед — уснешь и ты —

Живой, среди крестов блуждая,
я не нашел его плиты, —
ладони исколов травой,
порезы прижимал к лицу...
Но, может быть, там — под землею —
виднее будет мертвецу.

И примут тленные объятия
нсискупленный кровный прах —
и буду вместе с ним мечтать я
о расточенных нами днях.

О разных днях — иная слава
ему и мне была дана.

Иной была его Варшава,
иной открылась мне она.

Чужой — униженный изгнанник —
ни господин — ни раб в цепях —
я был всего случайный странник
на этих дедовых камнях.

2

*Wszystkie te miasta jakieś Bóstwo wzniosło,
Jakiś obrońca, lub jakieś przemiosło...*

A. Mickiewicz¹

Все города — миражи суши,
и сразу ты не разглядишь

¹Все эти города, отмеченные Богом,
Который охранил их или посетил...

А. Мицкевич. (Пер. с польского Н.В. Сивинко)

их камнем скованные души,
их историческую тишь.

Шипят рекламные зарницы —
поют разносчики газет —
на площадях бледнеют лица,
встречая уличный рассвет —
в колес давилыне брызнул — в дыме
бензинном — сок на мостовой
и — точно мухами большими
уж кровь облеплена толпой —
кружится улицы держава —
звенящий грош — блюдающий вей.

Но узнаю тебя, Варшава,
по скорби каменной твоей,
по думе пламенной и гневной
в крутых Коперника бровях,
по скорби, веющей напевно
в Шопена вздыбленных кудрях.
От листьев золотого шума,
от побрякушки сфер пустых
их отвлекает гневно дума,
пророчеств вещей мстящий стих.
Пусть ныне узы разрешились
над торжествующей страной —
навек лица исказились
той изнуряющей мечтой.

Но едет Юзеф Понятовский
— без шлема — панцирь — меч в руке —
по ровной площади и плоской
в пролеты серые — к реке.
Под новым Августом играет
чугун горячих конских плеч.
Чугунный всадник простирает
имперским жестом римский меч.

ВАРШАВА
ПОЭМА
Л. ГОМОЛИЦКІЙ

1 9 3 2

Расчищен путь — и польской речью
ликуют камни у копыт.
Безумье славит человечье
латинской азбукой — гранит.
Раз в год на площади саперы
трибуны строят по бокам —
блестят штыки, оркестры, шпоры,
полки стекаются к полкам.
Роится, торжествуя, улей,
и грозен ликования рост.
Все ироничней и сутулей
Пилсудский всходит на помост.
И, как от тени величавой,
располагаются полки
вокруг лучами. Над Варшавой,
над ним, над площадью — руки
чугунной, черной мановенья
тень неподвижную несет,
и застывает без движенья
под ней — взволнованный народ.

3

*Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался...*

А. Пушкин

А я... великим наводненьем
на берега чужие смывает.
Невоплощенной серой тенью
скольжу — бездомен и несыйт.
Скамье вокзального томленья
я сон урывками учу:
закрывать глаза — и в сновиденья
вниз головой лечу — лечу —

И, разверзаясь под скамьею,
над покачнувшейся толпой —
вторая явь передо мною...

Всплывает огненный покой:

в полях над жертвенным куреньем
крылатый жнец идет с серпом —
овиты дальние селенья
далеким дымчатым дождем —
и снова жжет дыханье — мята —
и снова солнца запах — жгуч —
и — юность! — снова, как когда-то,
огонь спускается из туч,
ведет тернистыми лугами
— как вяжет губы терпкий терн —
дорожной пыли облаками
в небесный дым, Господний горн —
и вновь стихи — распев, заклатья —
и грудь мохнатая холмов —
вновь не могу противостать я
заклатьям Блоковых стихов —

Но сквозь пылающие Трои,
что в сновидениях горят,
томит вокзальной суетою,
grimасой бледной циферблат...
Закрит вокзал — и — без дороги
из корчей сна, обрывков снов
меня несут безвесно ноги
в ущелья черные домов.
За немотой оград чугунных
на соловьиные сады
садится дым прозрачно-лунный
слоями ломкими слюды.
И я, голодный и бездомный,
бреду по каменной стране.

Пылают пламенные домны
домов в рассветной тишине.
За пражской черной панорамой
редеют фабрик голоса.
И над бледнеющей рекламой
рассвета веет полоса.
И в этих флагах бело-красных
небесной утренней воды —
у ног Коперника напрасно
ищу я Блоковы следы —
бесследны годы, души, вещи —
с земного веются лица.
И лишь стихи звучат зловеще
заклятьем страшным мертвеца.
От их растущего звучанья
дома шатаются, гудят
подземным жутким колебаньем,
как лед, ломается асфальт.
И рушат — с грохотом — заклатья
Иерихон церквей, дворцов —
и не могу противостать я
распеву бешеному слов.
Бросаю будущие годы
в гром сокрушающей трубы...

Во веки истинна свобода
сожженной ямбами судьбы.

4

*После смерти Станислава-Августа
в 1798 г. Лазенки перешли к его пле-
мяннику, кн. Юзефу Понятовскому.*

Историческая справка

Гул — лепет лиственного рая
листы — воздушной пряжи Парк.

Закрывать глаза, и вырастает
из гула царскосельский парк.
Открыть: — да, те же выются тени
на камне львиной головы,
к воде спускаются ступени
в зеленом шелесте травы,
на чреслах каменных приметно
мох зеленеет вековой,
и так же в щебне разноцветном
играют дети над водой.

И я, бродяга вечно сонный
в ложноклассическом раю,
взволнован памятью смущенной,
здесь детству душу предаю.

Гляжу, как, соблазняя, нимфу
бог манит каменной лозой,
и старомодным роем рифмы
овладевают вдруг душой.

И, одержимый их звучаньем,
расстаться с ними не хочу,
их бормочу, как причитанья,
их пальцем на песке черчу.

Но ноги праздные стирают
с дорожек русские стихи.

Кумиры холодно взирают,
давно к словам земным глухи.

Богине возлежащей — гений
несет к воде тяжелый сноп,
и отблеск волн и листьев тени
ее обожествляют лоб.

И, каменным раздумьем скован,
локтем опершись о тельца,
бог видит: лебедь околдован
кругами водного кольца.

А в цветнике, где жаждет семя

фонтанной радуги — росы,
считают солнечное время
окаменевшие часы.
В движенье их беззвучной тени
мне радость временно дана —
скользит вдоль римских цифр, делений
и утешает тишина.

Пуускай смеются, что стихи я
на пыльном гравии черчу —
из них восставшая стихия,
подобна черному смерчу,
на суши ринется, на дамбы
в пыль Нью-Йорки обращать...
Тогда останется мне ямбом
бегущих — с хохотом хлестать...
Вот и из этих строк — немые
не сходят с бледного лица —
восстанет, может быть, Россия,
не зная своего творца.

И я, творец Ее невольный,
узнаю ли Ее тогда?

С какой пронзающею болью
Ее услышу города?

И в них — строфе, окаменевшей
архитектурным вещим сном,
моей строфе — Ее пропевший,
найду ли я свой мир, свой дом?..

Так в хороводе нимф и панов
в веках теряться я готов.

Но гром стальной аэропланов
гремит на землю с облаков —
и нависает век бетонный,
железной бурей дыша.

И, обрывая отдых сонный,
неискупленная душа,

бреду из солнечных Лазенок
с тоской скитальческой своей
в свой пыльный уличный застенок,
в пал раскаленных площадей.

5

*Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак на смертном ложе.*

А. Блок

Иду по уличному скату
над черной Вислой на восток ---
беру тяжелую лопату ---
ломаю каменный песок.
Стучусь — стучусь в Обетованной
толпе рабов — голодным дням...
А ночью, от работы пьяный,
брожу, бездомный, по камням.
И вот — над пропастью бесовской
домов, свергаемых к реке —
навстречу скачет Понятовский
с мечом в протянутой руке.
Рекламы пламя голубое
в чертах чугунных — дивен взор.

И за моей спиною двое —
две тени с ним вступают в спор.

Два деда: — Польши сын безродный,
Сибири свой отдавший прах,
и он — надменный и свободный,
на Воле спящий в орденах.

И первый: — скорбные упреки —
кровавый, бледный, страшный вид —
мечте свершившейся далекой
он правду грозную твердит.

Мятелей страсти и терновый
венец безумия его
пленили дух, и страшно новой
ему свободы торжество.

Другой: — его имперский гений
чугунным видом восхищен...

А я... я — пушкинский Евгений,
мир для меня — враждебный сон.

Готов я в бегство обратиться
от настигающих копыт,
и сердце жутко будет биться,
завидя цоколя гранит
непоправимо опустевшим,
в асфальте — конские следы,
и под востоком посеревшим
верхом гиганта у воды.

Но нет — с меня возмездье снято.
Из безответственных плечей
растут воскрылья, как когда-то —
у первых ангелов-людей.

И он, раздавленный изгнанник
петровской тяжестью копыт, —
сам вознесен как Медный Всадник
на торжествующий гранит.

О, искупление безумьем
и повторенною судьбой —
ночным томительным раздумьем
я часто мысленно с тобой.

За все, что отнял я когда-то,
я добровольно отдаю
свой дом, свой мир. — Блаженно, свято
в бесплотном, каменном раю!

Еще живой, пока над нами
гореть полдневному лучу, —
своим безумием, стихами

я поменяться не хочу.

Дороже мне мой день насытый,
мой кров бездомный — звездный свод
всех торжествующих гранитов,
всех исторических тягот...

6

*Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Был он пуст
И весь разрушен...*

А. Пушкин

И вот, над площадью, где страны
кулисы черные домов,
выходят лунные туманы
из европейских берегов.
По спящей каменно Европе,
гонимый огненным дождем,
в ночном космическом потоке
несется мой разбитый дом.
И в мировом водовороте
к чужому камню пристаёт,
кружась на черном повороте,
как бурей выкинутый плот.
Сквозь пыль туманов, заслоняя
лицо прозрачною рукой,
на шаткий прах его вступаю
безвесный, призрачный, чужой.
Вхожу в имперские обломки,
ищу знакомых букв и слов —
но только черной тенью Блока
маячат остовы домов.
И слышу, в вихре трубном шурясь

от вьюг ямбических: судьбе
гремит разросшееся в бурю
над пустотой: «Ужо тебе!»
И гневно ритмы поднимают
прах вековой и вьют в огне...
Но новый всадник возникает
на медно-топчущем коне —
уже не Петр, уже — Евгений:
черты застывшие страшны.
Века величия-крушений
как в зеркалах повторены.
И в их тумане, ненавидя
тот вид чужой и страшный мне,
уже я в августовском виде
себя провижу в чугуне.
И вся земля уже залита
блестящим черным чугуном —
гремят чугунные копыта
по камням медным торжеством...
Скорей из сонного проклятья!
Проснуться или... умереть!
Найти молитвенно заклатья —
расколдовать словами медь!
Разбить гранитные накаты
на камни теплых очагов
и переплавить медь в закаты —
в сиянье дымных облаков —
пусть над живым Господне веко
дрожит ресницами огня...
В веках остаться человеком —
простым Евгениевым Я.
Под кров, натопленный древесной
предвечной мудростью небес,
звать всех, кто в облике телесном
ей опрозрачнись — не исчез.

Чье нареченное душою
сознание — серый утлый ком,
застигнут бурей роковою,
свой вековой оставил дом,
и в вихревых своих скитаньях,
зайдя за каменный предел,
свое безумие, незнание
и месть свою преодолел.
Кто примет все — и Дом вселенной,
и дом продымленный земной
с такой же радостью смиренной,
с такой же легкостью святой...

О, исцеленный ум, Евгений,
ты мир потопленный забудь —
приди ко мне веселой тенью,
мой раздели веселый путь.
Ногой камней касаясь пыльных,
закатов дымных — головой,
среди и скудных, и обильных
для всех и кровный — и чужой,
люби, как тело любит душу,
и пыль небес — и пыль камней,
склоняйся низко, милуй, слушай,
раздай живым себя, рассеяй.
Смиряясь каменной пустыней,
лицо блаженно подставляй
смиренномудрой звездной сини,
на землю бьющей через край...

И для бежавших в мир туманный
от медных топчущих копыт
он будет — рай обетованный
крылатой родины — открыт.

Май, 1934

Константин Бальмонт

ПУШКИН

Поэма

1

Я полюбил его на утре детских лет,
Когда его слова, родным касаньем ласки,
Переплелись во мне с мечтой народной сказки,
И я в саду искал — волшебниц тайный след.

Позднее, в юности, когда огнем одет,
В запретный мир любви я глянул без опаски,
Когда кружился я в воспламененной пляске,
Я знал, что спутника желанней в мире нет.

Я забывал его, ища свой путь отдельный.
Я в звуки уходил, которые — мои,
В них долгий светозвон в напевном забытьи.

Но вновь меня к себе манил художник цельный.
Испивши — чрез него — от огненной струи,
Как не хотеть опять быть в буре беспредельной?

2

Если мчишься ты свободно
На горячем скакуне, —
Если сердце с ветром сродно,

Извиваясь на огне, —
Если далью голубою,
Синью Моря ты томим, —
Если хочешь счастья с бою
Взяв свое, упиться им, —
Если в медленной пустыне
Давит душу небосклон, —
Знай, что прежде, как и ныне,
В этом всем с тобою — он.

Если знал ты ожиданье,
Непришедший поцелуй, —
Если в таинстве свиданья
Пела кровь тебе: «Ликуй!», —
Если мог ты быть единым
С цельным ликом бытия, —
То ли с клетотом орлиным,
То ли с песней соловья, —
Если облик нежной Тани
Любишь ты, как лик Петра, —
Дай тому святыню дани,
Кто — верховная гора.

Спой, что хочешь, будет мало,
Дай, что хочешь, все он дал.
Он — мерцание опала
И грохочущий обвал.
Тайный перстень вещей знаний
И пробеги через степь.
Совершеннейших ваяний
Упоительная лепь.
С ним поймешь, когда пророчишь,
Ход сохи и взмах меча.
Ключевой воды ты хочешь?
Даст тебе он три ключа.

Каким-то демоном волнуем ежечасно,
Его он крыльями овеял свой досуг,
И вел он игры с ним — через леса, чрез луг,
Через ущелья гор, — и с ним стонал он страстно.

Но, если эта часть его души прекрасна, —
Первовладыка наш, священнейший наш друг,
Люблю еще сильнее очерченный твой круг,
Твой лад пленительный, где все в частях согласно.

Ты — завершение несчетных голосов,
Ты — голос пламенный немой равнины нашей.
Гуслирный терем наш через тебя всех краше.

С Урала, с Каспия, с Поволжья, из лесов,
Из душ — сбирал ты мед для златозвонкой чаши.
И пьем, хмелея, мы, как духи в час громов.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

I

Как весело цветущее растенье
С утеса уронило стебель свой!
Как водопад, блистательно-живой,
Свое стремится с обрыва нисхождение!

Как гулко то курчавое паденье, —
Светлоголосый хохот, громобой, —
Но весь тот праздник, он не сам собой,
А силой безучастной тяготенья.

Не так ли я всецело весь в тебе?
Окованный немymi голосами,
Твоими взятый властными глазами, —

Я неуклонной подчинен судьбе.
И любим страстно мы, не зная сами,
Какими мы стремимся крутизнами!

2

Ты слышишь в высоте паденье
Налитой светами воды?
Как бы рождение звезды,
Алмазов звонкое рождение.

Разломы льда, огней цветенье,
Вниз ускользанье от беды
Нарядной духов череды,
Что любит звуки, пляску, рденье.

Бубенчиков ты слышишь звон
И перешепоты расцвета,
И самый отдаленный сон, —

Звон колокольчиков? Нет, это
Намек, что к сердцу устремлен,
Светлорожденного сонета.

3

Как иве хочется печали,
Как иве хочется домой!
Чужда мне пышность. Боже мой,
Куда меня навек умчали,

Закутанной в персидской шали,
Судьбы веленья роковой?
Как вербу с ветки, мне родной,
Меня в знак счастья сорвали.

В густом взлелеяли саду,
Красавицею возросла я.
Но с кактусом ли поведу

Я речь любви? О, доля злая!
Мне снится вечер на пруду...
О, сторона моя родная!

4

Какою девой молодой
Я сорвана! Ей изъяснялся,
Курчавой головой склонялся
Певец влюбленности златой.

Сам Пушкин юный. Над водой
Волшебный вечер засвечался,
С мечтой — мечтою он венчался,
Дарил ей перстень золотой.

Она же, девственности сила,
Любви горячее горнило,
Поэта пламенным устам

Лебязь перси подарила...
Звезда Любви — любви светила...
О, я опять хочу быть — там!

1936. 24—25 октября

Антонин Ладинский

Все книжное: дома и флаги,
И падает бумажный снег
На мир картона и бумаги:
В бумажном мире человек.

Как нам не надоело это!
Не кровь, а сахарный сироп.
Не страсть, а легкость пируэта.
Не смерть, а поза. Где же гроб?

Жизнь трогательнее, большее,
Печальнее во много раз.
Как страшно: в инее аллея.
— Ну, что ж, пора! Который час?..

Жизнь, это — слабый голос в хоре,
Сердцебиенье наверху
В последнем с музой разговоре
И пуля жаркая в паху.

О, как невыразимо это:
Россия и предсмертный пот.
Страданья мужа и поэта
В стране, где вечный снег идет.

Лидия Нелидова-Фивейская

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Поэма

*Посвящаю моему строгому критику
и талантливому вдохновителю
М. М. Фивейскому*

*Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой...*

М. Ю. Лермонтов

Внимая юному поэту,
Смолк Александровский Лицей.
В окно врывался сноп лучей,
Блестя по гладкому паркету...
И отражали зеркала:
Толпу торжественно-немую,
Кайму блестяще-золотую
Сукном покрытого стола
И юных лицеистов лица,
Мундиров синих стройный ряд:
Позолоченные петлицы
И штофной мебели наряд.
Пленяя чуткое вниманье,
Стеснив волнение в груди,

Лидия Немилова-Финская

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

ПОЭМА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «РАССВЕТ»
№ 18480—1933

Читает Пушкин впереди
В стихах свои «Воспоминанья»
О царскосельской старине...
Зал, затаив свое дыханье,
Недвижно замер в тишине...

Несется весть, подобно вздоху,
Из уст в уста среди людей,
Свою прославивших эпоху:
«Поэта миру даст Лицей!»

В сердцах друзей горячим током
Восторг невольный пробежал...
А Энгельгардт окинул зал
Директорским и гордым оком...

Один Державин у стола
Дремал, склонив свои седины;
Вся в прошлом мысль его была,
Иные грезилась картины:
Вновь юность вспомнилась ему
И пышность прежняя столицы,
Когда он оды пел уму
И добродетели Фелицы...

А голос Пушкина сильней,
Торжественней и горячей
Пред ним звенел, не умолкая...
Так с горной высоты ручей
Несется, струйками сверкая...

И слуха чуткого достиг
Стих вдохновенного поэта,
И в сердце старика на миг
Ворвалось солнечное лето.
Встряхнув усталой головой,
Он думал: «Вот наследник мой!
Вот кто пришел на склоне жизни,
Чтоб заменить меня Отчизне...»

И с грустью светлою в глазах
Подходит к Пушкину Державин
И говорит: «Ты будешь славен», —
Благословив его в слезах.

* * *

Летят года на крыльях птицы
Неповторимой чередой...
Давно покинул шум столицы
Поэт, изгнанник молодой.
Он, в утро жизни встретив славу
(Едва расцвел блестящий дар),
Изведал сладкую отраву
И опьяняющий угар:
Успеха, лести, женских чар...
Водоворот и блеск столицы
Поэта юного увлек —
В огонь стремится мотылек —
Мелькают бурных дней страницы,
Меняя песни, чувства, лица...
Но час расплаты недалек:
Он смелой «Вольности» пел оды,
Стихией бунта увлечен:
И вот в изгнанье обречен
Влачить он молодые годы.

* * *

Шумит вдали сосновый бор...
Гуляет ветер по дорожкам...
Осенний дождик за окошком
Стучится в ставни будто вор
Или скиталец бесприютный...
Но тихо в горнице уютной:

Старушка вяжет свой чулок —
Шуршит и вертится клубок;
С ним серый кот у ног играет.
Свеча, колебля тусклый свет,
Морщины няни освещает.
Полузакрыв глаза, поэт
В старинных креслах отдыхает.
Встает бывшее перед ним:
Когда угрюм и нелюдим,
Родными в детстве не любим,
Он бабушке и старой няне
На попеченье отдан был
И слушать сказки их любил
О витязях, об Еруслане,
О старом их житье-бытье...
Поэт в дремотном забытьи:
— «Скажи мне сказку», — шепчет няне, —
«Про ведьму злую и сову
Иль королевича Бову...»
И няня, путая вязанье,
В мерцанье бледном у стола
Свое нехитрое сказанье,
Поправив чепчик, начала:
— «В далеком царстве за морями...»
Журчит сказанье о былом...
Ненастье плачет за дверями,
А кот мурлычет под столом.
Так коротали мирно осень
В селе Михайловском они,
Среди шумящих глухо сосен,
В усадьбе старенькой одни.
Их дом над краем косогора;
Внизу — река среди полей;

За нею бор; с боков озера
Блестят меж липовых аллей.
Аллеи прячутся в узорах
Сплетенных ветками стволов.
Шуршит опавших листьев ворох,
Как песня осени без слов.

Он в ясный день любил, мечтая,
Блуждать без усталости один,
И Муза верная, слетая,
Будила песней сон долин.
Лишь озарится бор соседний —
Через луга, леса, пустырь
Любил ходить пешком к обедне
Он в Святогорский монастырь.
Иль любовался сквозь оконце
Волною золотистых нив,
Игрою Сороти, на солнце
Сверкавшей среди понурых ив,
Полетом птиц, когда их стая
Вдали кружилась над рекой,
И думал: «Осень золотая,
Люблю твой царственный покой.
Ты ничего не обещаешь
Красою сброшенных одежд;
Тревогой сердце не смущаешь,
Не шлешь несбыточных надежд.
Твою покорную усталость
Обвеют ледяные сны...
Растает легкой дымкой жалость
К мечтам развеянным весны.
Так умирать спокойно может,
Кто чашу всю до дна испил,
Кого раскаянье не гложет,
Кто гордо и красиво жил».

Уже пушистыми снегами
Покрылся дремлющий простор,
И зимними объаты снами
Холмы, долины, синий бор...
Блестя в серебряном наряде,
Стоит, раскинув ветви, ель,
И распустив седые пряди,
Кружится снежная метель.
Везде, куда ни кинешь взоры —
Все ослепительно бело,
И набросал свои узоры
Мороз трескучий на стекло.

Через опущенные шторы
Забрезжил бледный свет давно
В обледенелое окно...
В постели Пушкин... Впечатленья
Неясных снов пленяют ум...
Пылают весело поленья:
В камине легкий треск и шум.
Следы забавы с Музой нежной:
Листки разбросаны небрежно...
Шумит и брызжет через край
В столовой самовар кипящий,
И отвернувши кран блестящий,
Заваривает няня чай...
Вдруг слышит: колокольчик где-то
Все приближается, звеня,
И видит: Пушин, друг поэта,
Во двор въезжает на санях!..
А Пушкин, соскочив с постели,
Забыв суровую зиму,
Среди бушующей метели

Навстречу кинулся ему!..
И вот друзья в объятьях пылких:
— «Мой Пущин, рад тебе до слез!..»
— «А я, друг Пушкин, три бутылки
Тебе шампанского привез...»

Арина радостно хохочет,
В салопе глядя из дверей,
Зовет их в горницы скорей.
Никита весело хлопочет
И выпрягает из саней
Заиндепевших лошадей.

Все оживилось в доме старом:
В дверях мороз клубится паром,
В сенях от снега мокрый след...
И потекли за самоваром
Воспоминанья прежних лет...
Что нежно в памяти хранимо —
Всегда чем дальше, тем свежей...
— «Скажи, что Дельвиг мой любимый,
Душа лицейских кутежей?..
Эросу, Вакху так же верен
Неподражаемый Каверин?
Все так же ль девами любим?
Как мы гордились дружбой с ним!
Что Кюхельбекер благородный?
По-прежнему ль его стихи
Тяжеловесны и сухи?..
Что Горчаков, красавец модный?»...

Воскрес в мечтах былой Лицей
В весенней прелести своей...
Пусть за окном бушует вьюга —
При свете дня и при огнях
Уютно грезить возле друга

О прошлых и грядущих днях.
Узнал он новости большие:
Гроза сдвигается кругом...
Опять волнуется Россия,
И скоро грянет первый гром!..

Потом под хлопанье бутылок,
Под легкий звон ножей и вилок,
Когда шампанским засверкал
До края налитый бокал —
Поэт с беспечностью повесы
О днях скитанья вспоминал
И от Кавказа до Одессы
Свой путь картинно рисовал...

И мне картина та знакома —
По тем скитаясь городам,
Судьбой таинственной влекома —
Я по его прошла следам!..
И я знавала вас когда-то,
Живой Кавказ, ленивый Крым,
Татарских хижин сладкий дым
И Керчь с гробницей Митридата,
Где сорвала на память я
Цветок... и потеряла вскоре,
И где внизу синело море,
Плыла задумчиво ладья,
И далеко в седом просторе,
Где с морем слились небеса,
Слегка мерцали паруса...
И тень великого поэта
Незримо веяла везде:
И в песне, прозвучавшей где-то,
И в загоревшейся звезде...
Вдаль убегающей дорогой
Маня в туманные края,

Томила сладостной тревогой
Мечта лазурная моя!...

Все, что хранил в воспоминанье:
Дуэли, женщин, кутежи —
Поведал Пушкин... «Друг, скажи, —
Промолвил Пущин, — ведь изгнанье
В расцвете юношеских лет
В душе оставило свой след?...»
— «Конечно, Пущин, след остался...
Я ранний свой либерализм
Легко сменил на байронизм:
В плаще Гарольдовом скитался,
Красивой позой увлекался...
Теперь познал я новый мир:
О, Пущин, как велик Шекспир
И мудро-прост! Совсем ничтожен
Лорд Байрон перед ним и ложен.
Герои Байрона всегда
Так неестественны, не живы...
Но как глубоки и правдивы
Трагедии Шекспира!.. Да,
Я очень заблуждался прежде...»
— «Жуковский, Вяземский и я, —
Промолвил Пущин, — мы в надежде,
Что если молодость твоя
Была блестящей эпиграммой —
То будущее станет драмой,
Или поэмой...» — «О, друзья!
Когда мне возвратят свободу —
Я жизнь отдам стране, народу!
Все мысли — Музам и перу,
Искусству, правде и добру...»
И долго не смолкали речи,
Хоть час полночный наступал...

Мерца, догорали свечи...
Камин устало потухал...
И где-то пела, затихая,
Во мраке зимняя метель...
А Родионовна, вздыхая,
Себе готовила постель.
Старушка смутно понимала —
Всего наслушавшись за день —
Что над столицей нависала
Опять событий грозных тень...
И в уголке под образами,
Перед лампадкою ночной —
Христу и Деве Пресвятой
Она молилась со слезами
И долго, отходя ко сну,
Вокруг крестила тишину.

* * *

Когда ненастья туча злая
Объяла Русь со всех сторон —
Устав душой, оставил трон
Царь Александр для Николая.
Тогда гвардейские полки,
Озарены мечтою братской,
Примкнув мятежные штыки,
Сошлись на площади Сенатской...
И вновь спокойна гладь реки...
Грозой промчались декабристы:
В Сибири дальней стихнул гром,
И след исчез под серебристым
Безбрежным, снеговым ковром...
И чтобы тяжесть впечатленья
Скорей растаяла, как тень —
Балы, приемы, развлечения

Чередовались каждый день...
И вот по слову Николая
На волю вырвался поэт
И, бурной радостью пылая,
Увидел вновь Москву и свет!
 Москву!.. где празднично блистая,
Сияли ярко купола;
Где всюду осень золотая
Янтарь и пурпур разлила;
Где лучезарною улыбкой
Своих стихов он всех пленял...
Где Музе радостной и гибкой
Старик и юноша внимал...
Где часто девушки украдкой
О нем вздыхали в снах своих,
Любя в задумчивости сладкой
Читать его певучий стих...
Где быстро весть о появлении
Поэта облетела всех,
И внес повсюду оживленье
Его блистательный успех...

На бале в тот же самый вечер
Заговорил весь высший свет
О том, как милостиво встречен
Был Императором поэт.

* * *

Взметая мысли ураганом,
Любовь приходит, как гроза!
Смущает ум, слепит глаза,
Все кроет огненным туманом.
Она, вливая в сердце яд,
Кует незримые оковы,

И за улыбку, милый взгляд,
За миг — мы жизнь отдать готовы.
И что бы ни несла любовь:
Блаженство, счастье иль мученье —
Но раз пришла: не прекословь,
Плати за призрак увлеченья!
Не прекословь — она сильней!
Ты победить ее не можешь!
Сопротивленьем только множишь
Опасный блеск ее огней...

Заметил сразу появленье
Натальи Гончаровой свет;
Повсюду шепот удивленья
Летел красавице вослед.
На первом бале встретясь с нею,
Был Пушкин ею ослеплен
И очарован... иль вернее —
Как пылкий юноша влюблен.

Так в черновой своей тетради
Поэт влюбленный размышлял
О тонком, но смертельном яде,
Что сладко душу отравлял:
«Я восхищен, я очарован,
Короче — я огончарован.
За нею всюду я стремлюсь
И встреч с ней жажду и боюсь...
Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...»

Так любит лишь поэт-мечтатель;
Все в ней одной: и рай и ад,
И жизнь и смерть.... Но здесь, читатель,
Слегка воротимся назад.

* * *

Между Калугой и Москвою,
Среди лесов, полей, озер,
За быстроструйною рекою
Стоит уныло с давних пор
Там Спасское село... Когда-то
В нем жили пышно и богато,
Но разорились... И теперь
Стучалась бедность громко в дверь.
Сама старуха Гончарова,
Владелица селений тех,
Одна всем правила сурово,
Держа в повиновенье всех.
Трех дочерей своих прекрасных —
Всегда покорных и безгласных —
Она держала под замком...
Не в радость был им отчий дом...
Средь разных странниц, приживалок
И чтимых матерью ханжей, —
Росли красавицы свежей
И краше полевых фиалок.
В неволе бились их сердца,
Покорны прихоти случайной
Полубезумного отца
И властной матери... И тайно
В полночной тишине одни
О счастье грезили они...
Не сладкая была их чаша:
Так ветер гнет к земле траву...
Когда же подросла Наташа —
Мать повезла ее в Москву.

...Обнажены впервые плечи...
Вот первый робкий выезд в свет...

Успех... Пленительные встречи...
И всеми признанный поэт
В числе других, в толпе блестящей,
За нею роем пчел летящей.
Его любовь Наташе льстит,
Но жизнь ей лучшее сулит...

Стремленье пылкого поэта:
Отдать всю жизнь ей навсегда —
Осталось как-то без ответа...
Сказала мать и «нет» и «да»:
— «Наташа слишком молода»...
Заволокло вокруг туманом...
Чем рану сердца исцелить?..
Тоска... — «Гони, ямщик, к цыганам!» —
Всю ночь бездумно с ними пить,
В вине печаль свою топить!..
Прочь от холодной Гончаровой,
От рая недоступных нег!..
И мчится Пушкин по Садовой...
Взрывают санки легкий снег.

Вот со смуглянкою Татьяной
Под стон гитар и крик цыган
Он внемлет песне страстно-пьяной,
И сам своей мечтою пьян...
Сверкают серьги и браслеты
В дрожащем пламени свечей;
Цыганской пляскою согреты
И черным заревом очей,
Мелькают пестрые вакханки...
В бокалах искрится вино...
Но быстроглазые цыганки
Ему прискучили давно.

Никто из них теперь не может
Зажечь его своим огнем.
Одна мечта его тревожит
И в ночь бессонную и днем...
Куда бежать от наважденья?
Чем охладить сердечный жар?
И где найти освобожденье
От колдовских всеильных чар?
Любовь!.. блаженством иль проклятьем
Пересекаешь ты наш путь?
В твоих губительных объятьях
Нашел ли счастье кто-нибудь?

— «О чем задумался?» — спросила,
Сверкнув глазами горячо,
Цыганка, тронув за плечо
Поэта. Тут же разложила
Колоду карт перед собой
И, хмуря брови, ворожила:

— «Блестящ и славен жребий твой», —
Сама, как красный мак без стебля,
Закутана в цветную шаль...
Свеча, неверный свет колебля,
Таинственности ткет вуаль...
...Король червонный выпадает,
Девятка пик... семерка... туз...
И ворожке любимец Муз
С невольным трепетом внимает.
— «Но опасайся, милый мой,
Мужчины с белой головой...»
Коптит свеча... Камин пылает...
Бессвязный говор... Застилает
Глаза завесой дымовой...

Шампанское с «Татьяной-пьяной»¹
За дев прекрасных Пушкин пьет...
Сквозь ставни свет прозрачный льет
Уже восход зари румяной...
Гитара на полу лежит...
В морозном воздухе дрожит
Протяжный благовест к обедне...
Мечта все ярче, все победней,
И в душной комнате, в дыму,
Растут наперекор всему,
Надежды... увядая снова,
И всюду грезится ему
Его «Мадонна» — Гончарова,
И обжигает каждый раз
Взгляд чуть косящих черных глаз...

* * *

Кавказ... ущелья, водопады,
Утесов мрачные громады
Над головой, грозя, висят...
Извивы Терека блестят,
И волны бурные кипят,
И красотой чарует взгляды
Их яростно-неукротимый бег...
Угрюмо висится Казбек:
Белеет на вершине снег...
Пехота выступает сонно:
Устало движется колонна.
Темнеет... Близится ночлег...
Поэт, покинув блеск столичный,
Опасный с войском делит путь.

¹ Прозвище, данное Пушкиным цыганке Татьяне Демьяновой. (Примеч. Л. Нелидовой-Фивейской.)

Полна отваги безграничной
Его пылающая грудь.
Привал... и песни до рассвета...
Веселый ужин и вино,
Огнем костра освещено,
И льются речи в честь поэта,
Полны горячего привета...
Вокруг пустынно и темно...

* * *

Схватились с турками... Сверкают
Повсюду шашки наголо...
С холма Паскевич наблюдает
За ходом битвы... Увлекло
Поэта жаркое сраженье:
Пусть вместе с ним любовь умрет!
Ища в опасностях забвенья,
На турок мчится он вперед!
Клубятся дымные туманы,
Скрывая дальние холмы...
Пестреют ярко доломаны,
Мелькают пышные чалмы,
Коней роскошные уборы,
Сверкая, ослепляют взоры.
Над полем битвы крик орлов.
В сравненье с блеском сераскира
И пестрых турок — как-то сиры
И скромны синие мундиры,
Простые сбруи казаков.
Грохочут пушки. Пули свищут,
Коней вздымая на дыбы.
Своей безжалостной судьбы
Здесь люди исступленно ищут...
Летит и падает герой,
С седла турецкой пулей сбитый,

И пику выронил убитый...
Поэт, бесстрашною рукой
Схватив ее, рванулся в бой...
Стонали люди... Кони ржали...
И вдруг вперед, как вихрь легки,
Летят татарские полки!..
И турки в ужасе бежали...
 Смолкает в отдаленье бой...
Уже звучит трубы отбой...
Ночная тишина настала:
Покой и мертвым и живым...
Все возвращаются устало
К своим огням сторожевым.
Все дремлет... В поле опустелом
Недвижный юноша лежит...
Поэт склоняется над телом,
В раздумье на него глядит...
Озарены луною бледной
Его спокойные черты,
Как будто спит он... «Отрок бедный,
Зачем ты здесь?.. Откуда ты?..
Кто ждет тебя, томясь в разлуке,
В стране родной: сестра иль мать?..
Но никогда родные руки
Тебя не будут обнимать».

* * *

Вот в тучах молния сверкнула,
И грянул в небе первый гром.
Земля, омытая дождем,
Душистой свежестью вздохнула...
Уже предчувствия весны
В прохладном воздухе разлиты:
Прозрачны ночи, ярче сны,

И почки на кустах раскрыты...
Мы чувствуем тебя, весна,
По беспричинному волненью
И по неясному томленью,
Которыми душа пьяна...
Улыбки ярче засветились
Не для тебя ли на устах?..
Сердца, как почки на кустах,
Мечтам обманчивым раскрылись...
Поет весенняя свирель,
Звенят проснувшиеся струны:
Привет тебе, привет, апрель,
Всегда волнующий и юный!..
Церквей кремлевских купола
Лучи апреля освещают...
И Светлый Праздник возвещают
Московские колокола!
Пасхальный звон плывет повсюду ---
С земли до голубых небес,
Вещая радостному люду:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Прохожий каждый принаряжен:
Надела более колец
Купчиха пышная. Купец
Приглажен, важен, напомажен.
Из лавки дюжий молодец,
В заботах высохший чиновник,
В мундир затянутый полковник
И на углу городской —
Все покоряются невольной
Весенней радости живой,
И звон ликует колокольный
Над белокаменной Москвой.
Друг друга братски обнимают
Во имя светлое Христа,

И истово к устам уста
Все тоекратно прижимают.
Святой обычай старины:
Открыты каждому объятья,
По духу люди все равны,
Пред Богом все родные братья!
Толпа нарядная спешит...
Несутся по дорогам тряским:
Кареты, дрожки и коляски...
По камням звонкий стук копыт...
Повсюду говор оживленный...

Покинув берега Невы,
Спешит по улицам Москвы
Поэт, надеждой окрыленный.
В Петровом городе, вдали,
Вновь слуха Пушкина коснулась
Весть об успехах Натали,
И с новой силой страсть проснулась...
От князя Вяземского он
Узнал, что обе Гончаровы
К нему не так уже суровы
И благосклонно шлют поклон...

...Он, стукнув дверцами кареты,
Взбегает быстро на крыльцо.
Полно любезного привета
Слуги почтенного лица.
Прислуга как-то тороплива,
Подобострастна и тиха.
Поэт почувствовал тут живо,
Что так встречают жениха.
Отец и мать сидят в гостиной.
Пасхальный стол уже готов:
Меж куличей, яиц, цветов —

Сверкают радугою вина.
С бокалом блещущим Аи
Отец идет ему навстречу,
Раскрыв объятия свои...
И льются дружеские речи.
Выходит робко Натали:
Бледна, испугана, покорна...
В слезах отец и мать ушли
В другую комнату проворно...
Иконы вынесли, потом:
Своих детей благословили,
И о приданом за столом
Отец и мать заговорили,
И о своих делах плохих...
Но счастлив Пушкин — он жених!
Он — переполненная чаша!
Навек теперь его Наташа!

* * *

Лишь после тягостных преград
Чрез год — их пышно обвенчали.
В душе поэта целый ад
Кипел сомнений и печали.

Пред самой свадьбой, тих и строг,
Прощался он с цыганкой Таней
И, песни слушая, не мог
Сдержат мучительных рыданий.
Никто не мог понять, что с ним:
Жалел ли он свою свободу
Или, предчувствием томим,
Свою грядущую невзгоду
Почуял в сумрачной дали?..
Иль видел он, что Натали
Своим родителям послушна —

К нему же только равнодушна?..
А в церкви, возле алтаря,
Кольцо невеста уронила:
Примета мрачная... Не зря,
Должно быть, грусть его томила.
Не мог расправить гордых крыл
Поэт под гнетом суеверий...
...И вот таинственные двери
Он к новой жизни вдруг раскрыл!..

* * *

...А что же героиня наша,
Поэта первого жена,
Чего беспечно ждет Наташа,
В какие сны погружена?
 Неся, как крест, девичью долю,
Слепой покорностью полна,
За шалость детскую, не боле,
Ждать строгий выговор должна,
Всегда нуждой удручена —
Как узник молодой, она
Из плена вырвалась на волю!..
Слегка взгрустнула первый день,
Расставшись с прежнею привычкой,
Но грусть растаяла, как тень —
Она вспорхнула вольной птичкой.
Быть может, князь Мещерский был
Жених богаче и красивей,
Но Пушкин так любезно мил,
Что будет с ним она счастливей,
И рядом с Пушкиным она
Глядит не просто светской дамой,
Но, как Психея с полотна,
Окружена блестящей рамой.

Теперь гостиная ея
Лиловым бархатом обита,
Карета четверней своя,
И шубка соболем подбита...
А вскоре после свадьбы бал
Она устроила и ужин:
Затанцевал и стар и мал;
Кружок гостей был мил и дружен...

* * *

Прекрасно Царское Село
В июле: лучезарно небо,
Вокруг все пышно расцвело,
Горя в лучах золотого Феба.
Разросся царскосельский сад:
Дубы темнеют великаны,
Седые тополи блестят...
В тиши задумчивых прохлад
Журчат прозрачные фонтаны...
В зеленом кружеве кустов
Недвижно статуи светлеют,
И бабочки среди цветов
Бесшумно крылышками веют.
Дыханье сладкое струит
Полудремотный полдень знойный.
С своей «Мадонной», тонкой, стройной,
Поэт над озером стоит...
Как будто в смутном сновиденье,
В воде струится отраженье
Оборки белых Натали
И ив, склоненных до земли.
В зеркальном отблеске вдали
Слегка белеют очертанья
Скользящих тихо лебедей...

Под сводами густых аллей
Везде живут воспоминанья
Лицейских невозвратных дней:
Ученье... Детские желанья...
Державин... Первые мечты...
О, время, быстрою волною
Бесследно все смываешь ты
И с каждой новою весною
Рождаешь новые цветы!..
И так же равнодушно косишь,
И беспощадно мнешь и рвешь...
Куда бывшее ты уносишь?..
Откуда новое берешь?..
Поэт вздохнул... и вновь, беспечно
Смеясь, взглянул на Натали;
Он с нею счастлив бесконечно:
Давно сомненья все прошли...
Хоть топает сердито ножкой,
Ревнуя Пушкина немножко
К его поклонницам, жена,
Ему всем сердцем предана,
Всецело им владеть желая...

Шагов тяжелых близкий шум
Отвлек его от этих дум,
И он увидел Николая...
По саду медленно гуляя,
К ним царь шел: статный, молодой,
С красивой гордой головой.
В спокойном царственном величье,
Плечом касаясь до ветвей,
Где голоса звенели птичьи,
Он шел один в тени аллей...
Взглянул на Пушкиных с улыбкой...
И, ярко вспыхнув, Натали

Полувоздушный стан свой гибкий
Пред ним склонила до земли...
Царю понравилась Наташа:
— «Итак, мой Пушкин, ты женат, —
Промолвил он, — и не богат:
В твоём горшке должна быть каша;
Желая для тебя добра —
Дозволю вход тебе в архивы:
Ты для страны своей правдиво
Пиши историю Петра...»
Таким вниманием неожиданным
Был тронут искренно поэт,
А Натали в волненье странном
Царю глядела долго вслед...

* * *

Опять метели, вьюги, холод...
Опять веселый скрип саней...
Вновь на морозе каждый молод...
Живее взор, лицо красней.
Зима жемчужным покрывалом
Легла на золото лугов...
Шумит блестящий град Петров:
Сверкает пышный бал за балом,
И всюду Пушкины... Они
Свои растрачивают дни
В забавах света суетливых.
Они танцуют до утра,
А днем, для Муз нетерпеливых,
Для Пугачева и Петра —
Он зарывается в архивах...
Без вдохновенья жизнь пуста,
И вот в порыве увлеченья
Поэт бросает развлеченья

И посещает те места,
Где Пугачева след остался,
Чтобы из мглы минувших дней
Мятежный лик обрисовался
Правдоподобней и сильней.
Он долго бродит под Казанью...
Как пчелка мед берет с цветов:
Сбирает давния сказанья
От Оренбургских казаков
Про Пугачевские потехи...

Но дивный образ Натали
И светские ее успехи
Его преследуют вдали...
Влечет с неудержимой силой
Скорей домой в объятия милой,
И он, не дописав главы, —
Летит на берега Невы.

И в полночь видит облик строгий
Петрова города. Быстрее
И пешеходов, и саней
Метель несется по дороге,
При тусклом свете фонарей
Алмазным облаком блистая;
Слепит глаза снежинок стая,
В воротнике бобровом тая.
Поэт по Невскому спешит,
И, белоснежный пух взрывая,
Несутся санки. Снег скрипит.

Тебя, красавицу Отчизны,
Забуду ль, русская зима?
Люблю твой облик живописный,
В снегах забытые дома...
И вас, невесты под венцами,
Ряды берез... и зыбкий снег...

И зимней тройки с бубенцами
Люблю неистовый разбег!
Когда зажмуривши ресницы,
Лицо закрывши рукавом —
Летишь быстрее вольной птицы
В алмазном вихре снеговом!..

Поэт своей «Мадонне» верит:
Она ведет себя умно.
Вот дом их... Отворяет двери:
Но тихо в доме и темно...
Слабея, руки вдруг упали...
Он встречи ждал совсем иной...
— «Где барыня?» — «Оне на бале
Сегодня у Карамзиной...»

И санки вновь его помчали
По снежной улице ночной...
Вот дом Карамзиных... Карету
Своей жены он узнает...
За Натали лакея шлет,
А сам идет в ее карету...
Благоуханье слыша тут
Духов знакомых — улыбнулся:
— «Скажи: домой скорей зовут,
Да не болтай, что я вернулся...»

В мазурке с Вяземским она
В тот миг скользила по паркету,
Но, вызовом удивлена,
Покинув бал, спешит в карету...
Спадает мех с ее плеча...
Как хороша! Как разодета!..
И попадает стгоряча
Она в объятия поэта.
Счастливый смех сменил испуг:
— «Ах, как я рада, милый друг!»

* * *

Зажженные Судьбой слепую
Недолговечные огни —
Мелькают быстрою толпою,
И гаснут, улетая, дни...
То чуть сверкнут, скользнув бесследно,
Неясно бледны... то пестры...
То разгораятся победно
В блестяще-знойные костры...
То в круг пылающий сомкнутся —
В один стремительный порыв,
То встречные огни столкнутся —
Губительный рождая взрыв!..

Осенний ветер, пыль вздымая,
Шуршит сухим листом в песке...
Покой и тишина немая
В глухом немецком городке...
Воспитанник Сен-Сирской школы
Изнемогает здесь в глуши:
Вокруг леса, холмы и доли
И ни одной родной души!
Один в гостинице унылой
Остановился он, больной,
Среди пути... Его знобило...
В бреду он видел край родной...
Тянулись дни тоскливо, сонно,
Тая неожиданную беду...
Но все ж он верил непреклонно
В свою счастливую звезду...

Дорожной пылью весь покрытый,
Плохой дорогой утомясь,

Из отпуска с своею свитой
В Россию ехал, торопясь,
Барон де Геккерен. Дорогой
Сломалось колесо и ось,
И вот в гостинице убогой
Остановиться им пришлось.
Шум голосов, стук экипажей
Перевернули все вверх дном:
Коровы замычали даже,
И псы залаяли кругом.

Барон де Геккерен сердито
Конца стоянки ожидал.
Его хозяин развлекал:
— «Monsieur, здесь путник именитый,
Барон д'Антес, уже три дня
Больной томится сиротливо...»
— «Так проводи к нему меня!» —
Де Геккерен промолвил живо.

Увидев в комнате простой
Больного — тронут бесконечно
Барон был юной красотой
И, пожалев его сердечно,
Решил помочь ему... И вот
Старик барон с больным остался.
Среди отеческих забот
Дантес быстрее поправлялся...
И с той минуты навсегда
Их дружба тесная связала.
Опять счастливая звезда
Дантеса ярко засияла.
По вечерам, присев к огню,
Барон расспрашивал больного.
Нашел с ним общую родню
И в нем почувствовал родного.
Дантес, волнуясь, рассказал,

Как резко вдруг перевернули
Всю жизнь — события в июле
И как он с родины бежал...
Как в милой Франции оставил
Он отчий дом, отца и мать...
Как принц Вильгельм его направил
В Россию, счастья поискать...
Барон де Геккерен с участием
Французу юному внимал...
Больной устало засыпал
И бредил недоступным счастьем.
Его красивые черты
Огни камина освещали,
В неясных сумерках мечты
Бесшумной стаей прилетали...
— «Мой юноша, — мечтал старик,
Любуясь спящим, — странный случай,
Соединивший нас, велик,
Как веянье Судьбы могучей.
Своим пленительным лицом
Напоминаешь ты мне пору,
Когда любил я Леонору...
И я когда-то был отцом...
Теперь с тобою не расстанусь
И счастье вновь тебе верну!..
Пока ты болен — здесь останусь,
Чтоб вместе в новую страну
Приехать. Я в России много
Придворных связей берегу,
И на блестящую дорогу
Тебе я выйти помогу.
Россию полюбил душою —
Ведь десять лет провел я в ней!
Но все-таки там все чужое
Для западной души моей.

Друзей имел я близких мало;
Верней — всегда был одинок.
Чтобы счастливым стать я мог,
Тебя мне лишь недоставало!..»
Больной метался в полусне...
Огни камина угасали...
И в полуночной тишине
Вкруг свечки сумерки дрожали...
А в стекла мутные сучком
Стучали голые березы,
И в темном небе за окном
Сияли звезды, будто слезы.
И среди них звезда одна
Вдруг ярким блеском засветилась...
Но чрез мгновенье покатилась
Во мглу бездонную она...

* * *

Бал... В залах, ярко освещенных,
Сверкают зеркала, паркет,
Портреты в рамах золоченых —
Немая жизнь минувших лет...
Среди колонн и изваяний,
Старинной бронзы и гербов,
Саксонских ваз, живых цветов,
Придворных низких приседаний —
Царит волненье ярких встреч...
Красивы женские наряды
И нежно-белый мрамор плеч,
Надменно-ласковые взгляды,
Спокойно-сдержанная речь...
Блестят извивы аксельбантов,
Петлицы, звезды, ордена...
Средь облаков из кружев, бантов —

Белеет гибкая спина
Натальи Пушкиной. Она,
Венцом вельмож окружена,
Среди мундиров рамы синей
Прекрасной кажется богиней.
Своей красой упоена,
Весельем, музыкой, успехом —
Средь чопорной толпы она
Звенит счастливым юным смехом.
Сам венценосный исполин,
России мощный властелин,
Психею издали заметя —
Подходит к ней... Недавно в свете
Кривые толки поползли:
Царь очарован Натали.

Но где же он, певец России,
Любимец Муз, кумир толпы?..
Средь этой блещущей стихии,
Великосветской суеты —
Где он, крылатый царь мечты?..
Увы, никто узнать не может
Былого Пушкина теперь:
Его немая боль тревожит —
Так иногда плененный зверь
С бессильным стоном цепи гложет!
Где прежний блеск и острога
Его ума?.. — залог успеха...
Движений ловких быстрота
И звонкие раскаты смеха?..
Печален, молчалив и сир,
Тоской, отчаяньем томимый,
В свой камер-юнкерский мундир
Затянутый — им не любимый —
На Натали бросал он взор,

И в нем горел живой укор.
В толпе он слышал замечанья:
— «Да, Пушкин, как поэт, упал —
Он нынче царедворцем стал...»
— «По собственному ли желанью
Он посещает каждый бал?...»
— «Зачем его так нарядили?...»
Вдали, у бархатных завес,
Стоял, смеясь, барон д'Антес
С маркизом де Пина. Следили
Они за Пушкиным. — «Смотри, —
Сказал д'Антес, — какой Отелло!
Она ж прелестна... Дня чрез три
Я подражаю его...» — «И дело!» —
Барон де Геккерен сказал:
Он злобу к Пушкину питал
За эпиграммы — «Действуй смело!»...
От политических врагов,
Из Франции бежав недавно,
Искатель счастья и чинов
Дантес — красавец своенравный —
С маркизом де Пина прием
Нашли в России простодушный,
И покоряли с каждым днем
Свет — модной прихоти послушный.
Дантес, обласканный двором,
Теперь кавалергард блестящий,
Нашел второй здесь отчий дом,
Успех изведав настоящий.
Посол голландский, тонкий льстец,
Художества большой любитель
И древних мастеров ценитель,
Барон де Геккерен — отец
Приемный юного Дантеса —

Считал количество сердец,
Что разбивал его повеса...
— «Смотрите: вот идет к жене
Ее рассерженный ревнивец...»
— «Все ж, муж красавицы—счастливец!
Ему завидую вполне...»
— «Какою кажется высокой,
В сравненьи с Пушкиным, жена...
Он тускл пред львицей черноокой —
Не пара для него она...»

ПУШКИН: «О чем с царем ты говорила?

Смотри, Наташа, не к добру...»

НАТАЛИ: «Я за сестер своих просила,

Чтоб их пристроить ко двору...»

Душа ль подвержена сомнению

В своей Мадонне?.. Иль не мог

Избранник Муз быть бледной тенью

Своей жены... — то знает Бог!

Но ни единый друг участьем

Его тоски не разгадал...

Пред наступающим ненастьем

Опасных туч не разогнал...

Сдвигались тучи грозовые

Над обреченной головой.

Воспрянь, певец земли родной!..

Что смолкли струны огневые?

* * *

Шумит вдали сосновый бор...

Гуляет ветер по дорожкам...

Осенний дождик за окошком

Стучится в ставни, будто вор...

Но тихо в горнице пустынной..

Уныл осенний вечер длинный...
Полузакрыв глаза, поэт
В старинных креслах отдыхает:
Приезд минувший вспоминает—
С тех пор промчалось десять лет!..
Уж доброй старой няни нет...
Не слышно шороха вязанья,
И не мурлычет серый кот...
Умолкли нянины сказанья,
И он теперь совсем не тот...

Спит верный друг в тени березы...
Проходит все: и жизнь, и грезы,
И лишь по-прежнему средь гор
Вдали шумит сосновый бор...
И здесь поэта грусть тревожит:
Ночами не дает заснуть,
Широких крыльев развернуть
Душа усталая не может.

По прежним бродит он местам:
Как роща разрослась привольно
Семьею дружной! По кустам
Играет луч... А сердцу больно...
Столицу бросил он, чтоб здесь
Седлать Пегаса на просторе...
Но звуки спят. Он скован весь,
И разоренье ждет их вскоре.
Прогнала Музу Натали,
В замену дав одно сомненье...

В осеннем поле чье-то пенье
Ему послышалось вдали.
— «Бог помочь, Марьюшка! Ты что же
Так изменилась?» Прозвенел

Ответ: «И ты, кормилец, тоже
И постарел и подурнел...»

Грустна осенняя природа
В объятых хмурых сентября.
Поет ей песни непогода,
О пролетевших днях скорбя...
Летят с деревьев опустевших
Сухие листья... Тихий шум
Их хороводов пожелтевших
Таит так много горьких дум.
Какая грусть в ветвях склоненных,
В кустах поломанных... Как жаль
Пустынных пастбищ опаленных,
Печально уходящих вдаль.
Поблек наряд лесов красивый,
Что был так изумрудно чист.
Один, слезою сиротливой
Дрожит на голой ветке лист.
Осенний Дух поникшей ивой
На берегу пруда грустит,
И где-то ворон молчаливый
Сухой листвою шелестит...

* * *

Мечтать в тиши уединенья,
Искать покоя для души —
Оставим Пушкина в глуши,
В Михайловском... И на мгновенье
Отправимся к его жене...

С сестрой, Дантесом, при луне,
В тиши березовой аллеи
Она на вороном коне
Гарцует, всех богинь милее.
Она теперь забыла всех,

Увлечшись легкою беседой
С французом, ловким непоседой.
Звенит ее беспечный смех...
Пьянит осеннее дыханье
Берез... Кружится голова...
Струится лунное мерцанье
На Каменные острова...
— «Madame, ужели муж суровый
В конце концов похитит вас,
Чтоб схоронить в глуши сосновой
От множества влюбленных глаз?...
Чтоб в свете прекратились толки,
Которых он не мог терпеть...
Там лунной ночью только волки
Вам серенады будут петь».
— «Нет, никогда! — вскричала живо. —
Не говорите о пустом!..»
И Натали нетерпеливо
Коня ударила хлыстом.
Смеясь, три всадника помчались
В благоухающую даль.
Задорно кудри развевались.
Змеилась длинная вуаль.
Елагин мост... и где-то пенье...
— «Ах, Черную запели шаль!..»
У Натали в глазах смущенье...
Неуловимая печаль...
С реки звучала песня эта,
Напоминая о былом,
Как будто бы душа поэта
Взметнула раненым крылом...
Любви их светлая картина
Мелькнула... Песнь оборвалась...
С Дантеса, хмурясь каждый раз,

Ее сестра Екатерина
Влюбленных не сводила глаз.
— «Оставим грезы для поэта, —
Сказал Дантес. — Бегут года...
Не вечно землю греет лето —
Мы будем юны не всегда...»
— «А добродетель позабыта?...»
— «Земля милей, чем небеса...»
Стучали звонкие копыта...
Переливались голоса...
 О, если бы они немного
Вперед умели заглянуть:
Какая боль прожгла бы грудь!
Поэт свершит последний путь
Ведь этой самою дорогой...

* * *

«Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старых круг друзей
В семью стесняется едина...»
Теперь уж многих, многих нет...
Судьба рукою равнодушной
Сметает все... Прошло шесть лет,
Как умер Дельвиг добродушный...
И вот опять друзья сошлись
Для ежегодного свиданья,
И за шампанским полились
Потоками воспоминанья...
Воскресли прошлые года
И день торжественный, когда
Внимая юному поэту,
Смолк Александровский Лицей...
В окно врывался сноп лучей,
Блестя по гладкому паркету...

И с лаской светлою в глазах
К поэту подошел Державин,
Благословил его в слезах
И предсказал: «Ты будешь славен»...
О, сколько мыслей, чувств и дум
Вновь пронеслось в чаду похмелья!..
Среди всеобщего веселья
Один лишь Пушкин был угрюм.
Молчал он и не слушал речи...
Его смущенный, гордый ум
Горел в тисках противоречий...
Простого счастья заменить,
О, слава, ты, увы, не можешь!..
Как пламя, душу только гложешь,
Пытаясь всю опустошить!..
— «Поклон поэту-славянину! —
С бокалом Яковлев встает. —
Пушкой для нас он пропоет
Святую нашу годовщину».
И оживленный круг друзей
Поэта с просьбой обступает:
— «Ну, Пушкин, вспомни наш Лицей!»...
Поэт встает и начинает:
«Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...»
И замолчал... Дружья вокруг
Полны волненья и вниманья.
Поэт склоняется... и вдруг
Глухие слышатся рыданья...
Он дальше продолжать не мог...
Ужель от тайного страданья
Поэт так тяжело изнемог?..
Певец любви, кто вечно радость
И солнечную жизни сладость

На звонкой лире воспевал —
Ужели это он рыдал?
Чей ясный ум, чей ум пытливый
Пути указывал во мгле...

Тогда кто ж может быть счастливым
На этой пасмурной земле?..

* * *

Зима... Кругом: снега, снега
Алмазной россыпью блистают...
Поет и кружится пурга,
Пути-дороги замечает...
Все забелив, засеребря,
Скрипят суровые морозы...
В снега закутались березы,
Не дожидаясь ноября...

Уже горят дрова в камине,
Струится бледный свет в окно:
Какой-то скучный, мертво-синий...
Проснулся Пушкин уж давно,
Верней: не спал всю ночь и тщетно
На невозможное поэт
Искал ответа... И рассвет
Подкрался зимний незаметно.
Он видел ясно, что жена
Лишь ищет светских развлечений
Везде с Дантесом — чем она
Невольно будит рой сомнений.
Казаться в обществе смешным,
Хоть без причин — невыносимо!
Какой же выход перед ним?
Уйти?.. Смотреть сквозь пальцы мимо?..

Светлело... Пробуждался дом...
Зашевелилась жизнь кругом...

Заспорили о чем-то дети,
И кто-то строго закричал.
Поэт не любит звуков этих.
Вдруг в двери кто-то постучал.
Письмо!.. Что может значить это?..
Он рвет печать... скорей, скорей! —
Его лицо снегов бледней —
Раздался тяжкий стон поэта...
Нет, невозможно!.. Клевета!..
Нет, Натали совсем не та!..
Закрыв лицо, в изнеможенье,
Он головой к столу припал.
Какое хрупкое сложенье...
Как он беспомощен и мал...
В письме намек... Нет, утвержденье!
В нем сказано: его жена
Ему уж больше не верна!
Что это?.. ложь иль заблужденье?
Жена к нему любви полна —
Ведь не притворщица она?!..
Его Мадонна, друг сердечный,
С ее душевной чистотой,
С ее природной прямою —
С Дантесом любит смех беспечный,
Не больше!.. Ну, а тот... нахал...
В душе предательской и низкой —
Иные замыслы питал
И подошел уж слишком близко
К Наташе, потешая свет...
Как душен тесный кабинет!
Вдвоем им места в жизни нет!
И тотчас непоколебимо
Он шлет, страдая нестерпимо,
Дантесу вызов на дуэль...

А за окном поет метель...
Какое дело ей до муки
Людей: слезу ль ты уронил,
Или, в тоске ломая руки,
Навеки счастье хоронил?..

Поэт, придя в себя немного,
К жене в гостиную идет.
Лицо печально, бледно, строго...
Но тщетно он ее зовет...
— «Нет дома, — отвечает тихо
Служанка. — Возвратится в пять.
Сегодня ждет ее портниха:
Для бала платье примерять».

Бывает день один — в который
Вся жизнь перевернется вдруг,
Когда клубок событий скорый
В безвыходный сплетется круг.
На имя многих лиц из света
Такие ж письма вдруг пришли,
И сразу к сведенью поэта
Их в то же утро довели.

Приехала... Он слышит звонкий
Веселый голос Натали...
И в сердце меч вонзился тонкий:
Печаль и боль его прожгли.
Он на нее взглянуть не в силах...
Что ж может так его пугать?
Или в глазах родных и милых
Бойтся правду угадать?..

Пред Натали он долго, грустно
Усталых глаз не поднимал...
— «Как платье сделано искусно! —
Наташин голос прозвучал. —

Ведь ты пойдешь со мной на бал?..»

Так лгать спокойно, хладнокровно,
Нет, Натали бы не могла!..

— «А если нет, — сказал он ровно, —
То с кем бы ты туда пошла?..»

— «С Дантесом и сестрой, конечно!» —
Смеясь, ответила она.

Взглянув на Пушкина беспечно —
Невольно вздрогнула она,
Его лицом поражена.

Вскочив, он стул отбросил шумно.

— «Нет, ты не смеешь! Не пойдешь!..»

— «О, что ты делаешь, безумный?!..

Ты платье бальное мне рвешь!..»

— «С Дантесом ты не скажешь слова!

Нет!!!.. Коль ты честная жена...»

— «А!.. ты меня ревнуешь снова?!

Да как ты смеешь, ты, который

Мне изменял так много раз!..» —

И градом сыпались укоры,

И слезы брызгали из глаз. —

«Ты сам мне сознавался в этом!..»

— «Но я не знал тебя тогда!..

А ты должна считаться с светом:

Прогнать Дантеса!» — «Никогда!!!»...

Тогда с гримасою страданья

Письмо в лицо ей бросил он!

Подавленный раздался стон —

Она упала без сознания...

— «Наташа, милая, забудь,

Забудь все это!.. Как-нибудь

Мы жизнь свою наладим снова...

Ведь ты уйти со мной готова
В деревню нашу навсегда?..»
Она кивнула грустно: «Да...»
И видит: у него седины
Засеребрились в волосах...
И кто же, кто всему причина?..
Она забилась вся в слезах...
— «О, Александр! Когда б ты видел,
Как этот Геккерен, старик,
О нем шептал мне каждый миг!..
И как теперь он нас обидел...
Ведь это он донос писал?..»
Поэт, обняв ее, молчал...
— «Барон де Геккерен здесь», — вскоре
Прервал молчание лакей.
У Пушкина испуг во взоре,
А Натали ушла скорей.
— «Чего вам от меня угодно?» —
Спросил вошедшего поэт.
— «Могу я говорить свободно?..»
— «Слова излишни», — был ответ.
Тогда, от сдержанных рыданий
Трясаясь, де Геккерен сказал:
— «Вам не понять моих страданий,
Коль в сердце старика кинжал
Вонзаете вы так сурово!..—
Горячих слез скатился град. —
Прошу, возьмите ваше слово!
Возьмите вызов ваш назад!
Старик отец вас умоляет
Во имя всех небесных сил!
Сын ничего еще не знает:
Я вызов ваш перехватил.

Мой сын — мечта пустынной жизни!
О, сколько дум, забот, труда
Мне стоило с другой отчизны
Перевезти его сюда!
Жорж перед вами неповинен —
Не так вы поняли его!..»
— «Рассказ ваш лживый слишком длинен
И не изменит ничего!»
— «О, неужели может злоба
Рассудок ваш так затемнить?
Вы к гибели идете оба!..»
— «Не вам удар предотвратить».

Но тут вошел старик маститый,
Очами черными горя,
Поэт России знаменитый
Жуковский — личный друг царя.
Явился он совсем неожиданно.
— «Барон, прошу оставить нас...»
Они переглянулись странно,
И Геккерен ушел тотчас.
— «В опасное мы заблужденье
Письмом подметным введены, —
Сказал Жуковский. — Без вины
В лицо бросаем оскорбленье:
Дантес в сестру твоей жены
Влюблен!.. И сделать предложенье
Хотел, но этот вызов твой
Остановил его решенье...»
— «Вздор! Ложь!» — «Ручаюсь головой!
Я сам узнал о том случайно
Сегодня от его отца.
Для общества любовь их тайной
Была б до самого венца...»

— «Пустые шутки дипломата!»
— «Не станет он шутить венцом».
Сомненьями душа объята:
Не мог Жуковский быть лжецом!
— «Дантес невинен». — «В самом деле?..»
— «Да, честную имея цель.
Прошу тебя: на две недели
Отсрочь безумную дуэль!
Одумайся! От преступленья
Дай счастье мне тебя спасти,
Жену ж твою от посрамленья.
Ты плачешь, друг мой? О, прости!..»

* * *

Но час свой каждому положен.
Дуэли двухнедельный срок
Кончался. Пушкин был тревожен...
Незримо веял темный Рок.
В тот вечер был мороз суровый.
Поэт и близкие друзья,
Наталья, сестры, вся семья
К обеду собрались в столовой.
Звонок. Встревоженный поэт
Из-за стола поднялся живо:
Не от Дантеса ли ответ?
Его он ждал нетерпеливо.
Граф Соллогуб и д'Аршиак
Явились к Пушкину с ответом.
Поэт читал письмо, но как
Он усмехался зло при этом!
— «Ну что ж, — поэт проговорил, —
Вперед пусть будет осторожен...
Но все ж он честно поступил,
В чем я теперь признаться должен».
— «И мы уверили его,

Что добрым будете знакомым».
— «Нет!..» общего нет ничего
Между его и нашим домом! —
Вскричал запальчиво поэт. —
Вот мой решительный ответ!»...

Они ушли. Поэт с насмешкой
Невольно думал про себя,
Что он Дантесом, будто пешкой,
Играет, жизнь его губя.

И за столом, садясь на место,
Екатерине объявил:
— «Ну, поздравляю — вы невеста!
Дантес в письме руки просил».

Та, ярко вспыхнув, убежала
В другую комнату скорей,
А Натали, бледнея, встала
И поспешила вслед за ней...

Без слов, волнуясь, друг на друга
Смотрели долго две сестры...
Сердца сжимались от испуга...
Как стрелы жгучие остры,
Слова Натальи прозвучали:
— «Тебя не любит он! Скажи:
Не лучше ль все порвать в начале,
Чем жизнь свою обречь печали?..
Скорей Дантесу откажи!
Что ждет тебя?.. Великодушно
Готов он жертвовать собой...
Довольна будешь ли судьбой
Ты с мужем грустно-равнодушным?..
А если ревность вдруг в груди
Твоей потом зашевелится?..
Подумай — жизнь вся впереди!..

Не должен так Дантес жениться!»
— «Его жалеешь, не меня, —
Ответила Екатерина, —
Любовь в душе своей храня,
Ревнуешь ты — вот вся причина
Твоих непрошенных забот!
Но я люблю сильнее... и вот
Мне растворили двери к счастью!
Узнав меня поближе, он,
Конечно, будет покорен
Моей невысказанной страстью!..»
И Натали, вся побледнев,
Скрывая слезы, боль и гнев,
Сказала: «Я мешать не буду...
Да, я была увлечена,
Но все теперь забыть должна,
Как мать и верная жена,
И я, поверь, его забуду!..
Но перед мужем не грешна
Я ни душой, ни помышленьем,
И ты, сестра моя, смешна
Своим ревнивым подозреньем...»

* * *

Снаружи: жизнь без перемен,
И дни текут чередой бесстрастной.
Друзья искали бы напрасно
Следов страданий иль измен.
Поэт по-прежнему с женою
Везде является. Она
Немного сдержана, грустна...
Он бледен, с легкой сединою...
Не в силах только был поэт
Вернуть умолкнувшую Музу,
И удивлялся высший свет,

Что он так холоден к французу.
К Дантесу были все полны
Сочувствия и уваженья:
Нет никакой за ним вины,
Раз любит он сестру жены
И даже сделал предложенье.
Нет, Пушкин был неправ во всем:
Дантес, стремясь к своей невесте,
Так часто посещал их дом,
И потому всегда втроем
Их с Натали встречали вместе.
Для ревности причины нет...
Что ж так волнуется поэт?..

* * *

На стеклах снежные белеют
Цветы тропической страны;
А за окном, в саду, аллеи
В снега и сон погружены...
Темнеет... Зажигают свечи...
В камин подброшены дрова...
Но почему-то зябнут плечи,
Хотя пылает голова.
Ковер шагов шум заглушает.
Все тихо... Натали одна
Стоит печально у окна,
Где снежный сад во мгле мерцает.
В руке письмо... Но не должна,
Не хочет прочитать она
Письма влюбленного Дантеса!
Он муж сестры ее теперь:
Двойная делит их завеса,
Захлопнулась двойная дверь...
И больше в сердце опустелом

Не оставалось ничего...
Она вернуть бы вновь хотела
Сестру и мужа своего.
Муж с ней... но властно между ними
Встает стеклянная стена:
Как будто стали вдруг чужими...
К нему, раскаянья полна,
Боится подойти она...
А он душе всего дороже!
За то, что так нарушен мир,
За то, что так разбит кумир, —
Нет, он простить ее не сможет!
Ему обиды не забыть!
Хоть внешне с ней он так же нежен,
Но все ж разрыв их неизбежен:
Счастливых дней не может быть!
И кто виной?.. Она со стоном
Письмо хотела разорвать:
Как смеет он еще писать,
Играя честью и законом!
 Похолодевшая рука
С письмом безвольно опустилась...
Росла шемая тоска...
Она упала и молилась,
Почти отчаянно близка...
Дантес, смеясь, троих их губит.
Письмо огнем ей руки жгло.
Что рассказать оно могло?
Что он грустит, страдает, любит?...
 И вдруг, забывши гордость, честь,
Поэта, дом, Екатерину, —
Идет письмо его прочесть
Она к горящему камину!..
Не в силах дух перевести,

Вся побледнев, она читает:
«О, милая, пойми... прости —
Мой ум в борьбе изнемогает...
Я, жизнь и счастье загубя, —
Еще сильнее люблю тебя!
Нет, я тебя не позабуду!
Небесный чистый образ твой,
Такой понятный и живой —
Меня преследует повсюду!
Ты властно в жизнь мою вошла,
Богов чертоги растворила,
Но как каленая стрела
Смертельным ядом отравила...
И я, твою спасая честь, —
С восторгом жертвую собою!
Готов все муки перенести —
Но дай хоть миг побыть с тобою!
Со смертью в раненой груди,
Всей страсти огненную силой,
Молю тебя: приди, приди!
Дай вновь услышать голос милый.
Дай рассказать, как ты нужна
Душе, мученьям обреченной!
О, дай мне высказать до дна
Всю глубь любви неизреченной!
Но если ты на вопль души
Ответишь холодно отказом:
Я жизнь свою окончу разом!
Смерть предо мной... О, друг, спеши!..»
В порыве скорби и испуга,
Любви не в силах превозмочь —
Она спешит ему помочь...
Бежит туда, где плачет вьюга,
Где снежная бушует ночь.

В пустынном полутемном зале,
В мерцанье бронзы и картин,
Томясь, Дантес блуждал один:
Его сомнения терзали...
Ужели не придет она?
Ужель была она во власти
Из сердца вырвать жало страсти?
Нет, Натали не так сильна!
Вокруг, как в опустелом храме,
Таинственная полумгла...
Картина в золоченой раме
Его вниманье привлекла:
Схватив в объятья Галатею,
О ней грустил Пигмалион...
— «Я так же полюбить умею
Бездушный мрамор, — думал он, —
Коль этот мрамор воплощает
Все совершенство красоты!
Меня лишь внешность восхищает
И будит дерзкие мечты.
Я Галатею ледяную
Нашел в прекрасной Натали:
Люблю в ней красоту земную
И радость краткую земли».

Любви их вспомнилось начало:
Он подошел к огню шутя...
Она, играя, отвечала,
И он обжегся, как дитя!
Вот что ему предназначала
Россия, чуждая страна,
Волшебных странностей полна!
Какой-то пламенной метелью
Былое властно сметено,

И все, что раньше было целью —
К чему?.. зачем теперь оно?
Одной лишь жаждет он награды,
Одной!.. и он ее возьмет.
Пред ней разрушит все преграды
И через все перешагнет,
Но плеч упрямых не согнет!
Вот... шум шагов он легких слышит...
Она!.. от счастья изнемог...
Он тяжело и бурно дышит
И падает у милых ног...
— «Ты, ты пришла?..» Она молчала...
И что б сказать она могла?
Слеза невольная дрожала...
Рука на лоб его легла...
— «Мой ангел, Натали, ты любишь!
Так предназначено Судьбой —
Навек мы связаны с тобой!
Ты этот узел не разрубишь!
Ты потеряла все теперь:
Ревнивый муж тебя терзает...
Страдаешь ты... Мой друг, поверь,
Нас вместе счастье ожидает!..
Покинем снежную страну,
Ее пустыни ледяные,
Где я нашел тебя одну;
Нас ждут с тобой края иные!
Я знаю уголок, где ты
Внимала б вечной песне моря!
Там солнце ярче!.. там цветы
Струят дыханье на просторе!
Чего здесь можешь дальше ждать?
Кто к счастью путь тебе проложит?
Согласна ль ты со мной бежать?

Старик барон во всем поможет.
Былое пронеслось грозой —
Но вспыхнут новые зарницы!..
Зачем непрошеной слезой
Опять блестят твои ресницы?..»
— «Оставь меня... забудь меня...
Зачем мольбой терзаешь душу?
Навеки счастье хороня —
Я долг пред мужем не нарушу...»
— «Не говори мне этих слов!
Нет, существу, мне дорогому,
Не суждено влачить оков —
Я не отдам тебя другому!..»
— «Забудь меня!» — «Ты не уйдешь!
К былому нет тебе возврата!
Иль через труп перешагнешь!
Меня ты любишь?» — «Да, как брата».
— «Ты не уйдешь — умрем вдвоем!..»
— «Я закричу, пусти!» — «Напрасно,
Никто не слышит нас!..» Огнем
Горят глаза его... Неясно
Метель стонала за окном...

* * *

— «Теперь сходитесь!» — два врага
Взглянули хищно друг на друга.
Повсюду стелятся снега,
И мечется седая вьюга...
Под хмурым пологом небес
Земля, как в саване, зимою...
Темнеет траурной каймою
Невдалеке сосновый лес,
И гулко каркает ворона...
Вот первый выстрелил Дантес,
И Пушкин падает без стога

В снега глубокие... Блестя,
Упали в снег два пистолета...
Спешит к упавшему, грустя,
Данзас, лицейский друг поэта.
Чернел каймой угрюмый лес...
Поэт вдруг приподнялся быстро:
— «На место, господин д'Антес,
За мной еще остался выстрел!..»
И долго целился в врага,
В снег погружаясь локтем левым.
Метель с рыдающим напевом
Взметнула зыбкие снега.
Раздался выстрел... Покачнувшись,
Противник Пушкина упал.
Поэту дурно... Но, очнувшись,
Он: «Браво! браво!..» — закричал.
И вновь с закрытыми глазами
На снег склонился недвижим...
Судьба бесшумными крылами
Незримо веяла над ним...

* * *

Столпились люди, сани, тройки...
— «Он ранен?» — «Около бедра...»
Пред домом Пушкина на Мойке
Толпа волнуется с утра...
Студенты, барышни, артисты,
В лаптях простые мужики,
Учителя и гимназисты:
Шинели, шубы, армяки...
У всех на лицах возмущенье:
— «Пришелец руку смел поднять
На Пушкина! Он смел отнять
России славу! Нет прощенья
Убийце!»... Бурная волна

Негодования прокатилась
По всей России. Вся страна
Ужасной вестью возмутилась.

А высший свет еще вчера
Не понимал всего значенья
Дуэли... Только лишь с утра,
Увидев вдруг ожесточенье
Толпы, — тогда лишь понял свет,
Кем был для родины поэт!

В толпе жену во всем винули.
— «Но, может быть, болтают зря?...»
Кой-где тихонько говорили:
— «Сегодня ночью привозили
Письмо поэту от царя.
В нем обещает он поэту
Жену, детей его пригреть
И просит следовать совету:
Христианином умереть.
Царь не хотел его дуэли
И Бенкендорфу приказал
Не допускать... Но не успели...
Поэт все скрыл... И о дуэли
Никто не ведал и не знал...»
В толпе старушка говорила:
— «Подметных писем клевета
Поэта нашего убила».
Студент вскричал: «Его сгубила
Большого света пустота!..»
— «Он должен был бы свет оставить
И к нам, его друзьям, прийти!..»
Вскричал другой: «Он мог направить
В иные стороны пути!..»
— «Все ж повод для дуэли странен...»

-
- «Гнала его на смерть тоска».
— «Его противник тоже ранен?»
— «Рука прострелена слегка...»

Все зябли... Лица посинели...
Но чутко, затаивши дух,
О всех подробностях дуэли
Ловили жадно каждый слух.
Гусар, волнуясь чрезвычайно,
Рассказывал, что на пути
Был случай Пушкина спасти:
Он встретил Натали случайно.
С Данзасом ехал он. Полна
Народу улица... Смеркалось...
Навстречу ехала жена:
Она с гулянья возвращалась.
О, если бы она тогда
На миг в их сторону взглянула:
То эта страшная беда
Легко бы Пушкина минула!
Напрасно пробовал Данзас
Привлечь ее вниманье шумом:
Она не поднимала глаз,
А Пушкин погружен был в думы.
Кипела жизнь: проста, груба...
Душа же о душе скучала...
Но непонятная Судьба
Их беспощадно разлучала!
Грустны глухие голоса...
Все как-то кажется немило...
Сереют мутно небеса...
Туманно... холодно... уныло...

* * *

Какая ночь!.. ей нет конца!..
Нет дна и берегов мученью...

С прозрачной бледностью лица,
Легка, подобно привиденью,
Стояла Натали, таясь,
В сенях пред дверью кабинета,
Внимая столам и боясь
Рыданьем огорчить поэта.
Как на душе ее темно!
Одни обломки разрушенья...
Так много было ей дано
И все потеряно в мгновенье!..
Он не умрет!.. Не может быть!..
Ужель она своею властью
Так легкомысленно разбить
Могла их сказочное счастье?!..
Она раскрыть боится дверь...
Из-за нее ль он так страдает?..
Винит ли он ее теперь?
И почему не призывает?..
Уже священник приходил,
Весь сединами убеленный;
В последний путь благословил,
Величьем смерти умиленный.
Раздавлена, утомлена,
В соседней комнате свалилась
И задремала вдруг она;
Ей счастье прежнее приснилось:
Озера Царского Села...
Полудремотные аллеи...
Она нарядна, весела,
С поэтом... Он ей всех милее!..
И в этот самый краткий миг,
Пока спала — из кабинета
Такой раздался страшный крик
Страдающей души поэта!..

Слабея, из последних сил,
Изнемогающий от муки:
— «Жену зовите!» — он просил,
К дверям протягивая руки...
И с воплем горести жена,
Вбежав, припала к изголовью.
— «Прощай!.. во всем моя вина...» —
Ей прошептал поэт с любовью.
— «Ты не умрешь!.. Нет, верю я,
К нам счастье возвратится снова!»
Вокруг пришедшие друзья
Теснились у одра больного...
Жуковский, Вяземский, Данзас
Все близкие друзья поэта,
Пришли в его предсмертный час,
Ища последнего привета...
Прощаясь с ним, Карамзина
Его в слезах перекрестила.
— «Он будет жить!..» — в тоске жена
С надеждой смутной говорила.
— «Жизнь кончена, — сказал поэт, —
Но мир я с миром оставляю...
Дантесу искренно прощаю...
Всем, всем прощальный мой привет!»
Уж смерть холодными устами
Приникла к бледному челу
И в сердце, жившее мечтами,
Вонзала легкую стрелу
Забвенья... Тихо, холодея,
Поэт шептал: «Пойдем со мной!..
Туда!.. да выше, выше!.. Где я?..»
Потом: «Пошлите за женой!..»
Жена, широкими глазами
Впиваясь в бледные черты,

Шептала скорбными устами:
— «Я здесь, мой друг, что хочешь ты?..»
А в голове разгоряченной
Мечта упрямая жила:
«Смерть прогоню, друг обреченный,
Как прежде Музу прогнала!..»
Но та соперница слабее
Или пугливее была,
А эта властно, не робея,
Его в далекий путь звала...
 Слабеет тихое дыханье...
Припав к лицу его, в слезах
Читает в гаснущих глазах
Она последнее желанье:
«Когда наступит страшный срок
Уйти из жизни в жизнь иную,
Когда навек в ночь ледяную
Перешагнем через порог —
Тогда запомни, друг сердечный,
Ненарушимый наш зарок:
Найти друг друга в ночи вечной!»...
— «Отходит...» — кто-то прошептал.
Глухая тишина настала...
Все тише, реже он дышал...
Миг — и поэта вдруг не стало!..
С своей божественной мечтой
Поэт навеки сочетался...
В лице торжественный покой
Нездешним светом разливался...
 И вот прорвалась тишина:
Все сразу вдруг засуетились.
У смертного одра жена
В тупом отчаянье забилась...
Подобно огненным лучам,

Горит безумье в скорбном взгляде,
И в беспорядке по плечам
Рассыпались густые пряди.
— «Ты жив! ты жив! — кричит она. —
О, Пушкин, Пушкин, что с тобою?!...»
И тело мертвое она
Трясет дрожащею рукою...
И без сознания Натали
От трупa мужа унесли...
Затихло все... Друзья ушли...
Один Жуковский с ним остался.
Как безмятежен мертвый лик!
И тщетно в нем прочесть старался
Загадку вечную старик.

Величьем смерти пораженный,
Жуковский долго в тишине
Сидел, в безмолвье погруженный...
Он думал: «Друг, откройся мне,
Какие тайны видишь ныне?
За гранью, что познал теперь?
В какие тихие пустыни
Открыл таинственную дверь?..
С землей тяжка ли боль разлуки?»

Но горд покой его чела...
Протянуты устало руки,
Как два упавшие крыла.
«Тебя не поняли при жизни...
Лишь смерть открыла, как велик
И как глубок ты!...» Строгий лик
Не внемлет поздней укоризне.
С внезапной нежностью отца
Он обнял голову поэта,
Прижал к груди, и без конца,
Казалось, длилась ласка эта!..

«Как ты, прощать своим врагам
Простые смертные не могут!..
Расскажешь ли ты, Пушкин, там
О всех земных обидах Богу?»...

Но ясен лик... Отражена
На нем божественная сила.
Разгадку ледяного сна
Седая вечность уносила...
Лишь в полумраке тишина
О чем-то смутно говорила...

Пришли за телом... Краткий миг —
И в опустелом кабинете
Одни лишь полки пыльных книг
Хранили память о поэте...
Тут он мечтал, горел, творил...
Но смерть захлопнула объятья.
Жуковский двери затворил
И закрепил своей печатью...
Припав к дверям на миг челом,
Понурившись, вздохнул глубоко,
И кто-то трепетным крылом
За дверью бился одиноко.

Нью-Йорк. Сентябрь, 1936 г.

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

LXIV

1937

ПАРИЖЪ

Георгий Адамович

«О, если правда, что в ночи»...
Не правда, не читай, не надо.
Все лучше — жалобы твои,
Слез ежедневные ручьи,
Чем эта лживая услада.

Но если... О, тогда молчи.
Еще не время — рано, рано!
Как голос из-за океана,
Как зов, как молния в ночи,
Как в подземелье свет свечи,
Как избавление от бреда,
Как исцеленье... Видит Бог,
Он сам всего сказать не мог,
Он сам в сомненьях изнемог...
Тогда конец, бессмер... победа,
Ну, как там у него... «залог»!

Б. А. Арский

Терзает сердце даль России,
Нам дорога ее краса,
А нас, детей ее стихии,
Не могут веселить чужие небеса!

Не в них мы видим радость мира,
Мы жаждем голоса певца.
Чтобы его чарующая лира
Ласкала русские сердца.

Так пой же нам! Кудесник музыки,
Про старину и жизни пышный менуэт,
И укрепи с Россией узы,
Ты гений, солнце, Царь-поэт!

1937

Л. Я. Нелидова-Фивейская,
Г. В. Голохвастов

ГИМН ПУШКИНУ

1

Брезжила первая ласка рассвета,
Свежим дыханьем пахнула весна,
С нею проснулась и песня поэта,
Русь пробуждая от тяжелого сна.

Сын вдохновенный Великой России,
Русского слова творец-исполин,
Душу постиг он народной стихии,
Слился с раздольем праотчих равнин,
Понял напевность молитв и былин.

2

Солнечный Пушкин, изведав печали,
В жизни расслышал призыв красоты,
Пел он о счастье, и струны звучали
Светлою грустью влюбленной мечты.

Веру в Россию вдохнул он народу,
Жег обличением неправду и зло,
Милость воспел и восславил свободу,
Розами смело венчая чело.
Солнце Поэзии Русской — взошло!

24 января 1937 г. Нью-Йорк

Анна Гордон

ОДА ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

Поэту родины моей
В тиши мистических ночей
Я воздвигаю колоннаду
Из редкого кристалла грез
И обвиваю их громаду
Гирляндой нежных чайных роз.

Под сенью стройных кипарисов
Я воздвигаю алтари,
При свете утренней зари
Сноп серебряных ирисов
В поэта возлагаю честь —
И арфы звон разносит весть
Бессмертья русского титана,
А вверх возносится: «Осанна!»

1937

Дон-Аминадо

Дождь был. Слякоть. Гололедица.
Чувство грусти было. Сирости.
Даже Малая Медведица
В небе ежилась от сырости.

На углу ажаны кутались
В ихний плащ непромокаемый.
Под ногами дети путались
Вереницей нескончаемой.

А за ними, все ценители,
Все любители словесности,
Шли их взрослые родители,
Затоплявшие окрестности.

И от площади Согласия
До предместья парижского
Шла такая катавасия,
Песни, пляски Даргомыжского,

Вихрь стихов, дыханье мистики,
Трель сопрано соловьиного,
Речи русской беллетристики,
Пафос «Славы» Гречанинова,

Да концерты, все с квартетами,
С звуком говора московского,
С декламацией, с балетами,
С полной музыкой Чайковского,

Что ажаны с перелинками,
Впав в великую протрацию,
Позабыли вдруг дубинками
И махать на эмиграцию.

А кругом, с зонтами черными,
В переулки хлынув узкие,
Густо шли путями торными,
Все валом валили русские.

И чужая, одинокая,
И ища противоядия,
Башня Эйфеля высокая
Рассылала всюду радио,

Все будила в мире станции
Звуком четким, как жемчужинка,
Что Париж — столица Франции,
А сама она француженка!..

Протоиерей И. Желтонога

А. С. ПУШКИНУ

К 100-летию со дня его смерти,
1837—1937

Дух, Пушкин, твой живет меж нами:
Горит священным он огнем,
Он правит нашими сердцами...
Мы славы дань ему даем.

Ты огонь, не гаснувший для знания,
Зажег в светильнике Руси,
И мысль, рожденную страданьем,
Взлелеял пеньем небеси.

Язык, окованный цепями,
Как маг, освободил пером
И речь украсил, как цветами,
Своим божественным стихом.

И в высь, безгранную, без краю,
С богиней музыки святой
Взлетел ты, славою сияя,
И Русь вверх поднял за собой.

Там сонмы гениев столпились.
Перед тобою преклонились,

И музы голос вдохновенный
Сказал: он богами рожденный.

Тебя Олимп принял, как сына,
И на скрижали золотой
Вписали имя исполина,
Творца поэзии святой.

Ты пел, спускаясь с неба дали,
С дыханьем ветра и росы,
Как Бог, о счастье и печали,
Иль был ты вестником грозы.

Будил ты в душах оскопленных
Любви не знающих людей
Любовь для братьев угнетенных,
Бил песней крепость их цепей.

Ты не прельщен улыбкой царской:
Глагол твой праведен-велик...
Он звал к свободе без опаски,
Свободный вещей твой язык.

Для нас в искусстве ты — мессия
И славы дивный венец,
Что носит с гордостью Россия,
Ты, Пушкин, был его творец.

Уснул давно ты телом бrenным,
Но дух бессмертен твой, могуч,
И в пеньи дивном, вдохновенном
Сияет он, как солнца луч.

На нем стоит колонна славы:
Твоею создана рукой,

И люд от веси и державы
Идет к ней вечною тропой.

Сказал ты миру свою правду,
Бессмертный гений и пиит!
Ты — вне цены. Прими ж в награду
Лишь сердце, где любовь горит.

Чикаго. 1937

ПУШКИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Puškinii
pamėnelii
kalėdorius

1
9
3
7

Prėsiėskite, kėlė banko paslaugas

LIETUVOS KREDITO BANKAS

Konars, Laisvė 41/42 a. 60.
Tel. 2311, 2312, 2303

КОНДИТЕРНАЯ-КАФЕ **„АЕДОНА“** Laisvė a. 41, tel. 22008

Уютная обстановка, сладость, вкус, приятное времяпрепровождение в кругу близких друзей, знакомых и друзей собиравшихся познакомиться.

Большой выбор ТОРТОВ, ПИРОЖНЫХ и ДЕСЕРТОВ!!!

Отъ 5/10 до 7/10 лет, а отъ 9/10 ч. и до 1 ч. вечера (заказывайте заранее).

1. ПУШКИНСКИЙ КALENDARЬ
2. ПУШКИНСКИЙ КALENDARЬ

Kalėdorius, kaitis 1 L. 25 c. Ulyba orkėstis 1 ork. 25 c.

Владимир Кришпинович

А. С. ПУШКИНУ

*...Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

А. С. Пушкин

Прошло сто лет. Пережила и прах
Душа твоя в заветной лире,
У всех твои творенья на устах,
Ты жив «в подлунном этом мире».
Как прежде, дивный твой пленяет стих,
Дитя святого вдохновенья, —
И на полях, нам близких, дорогих,
Где ты искал покоя и забвенья,
И там, где никогда не думал быть
Ни ты, ни мы — вдали Отчизны, —
Везде твой труд умеют все ценить
И гений чтят. А вместо тризны
Твою мы память чествуем, любя,
Как гордость нашу величаем,
И, как отца поэзии, тебя
Достойной славою венчаем.

1937

Lolo

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ

Голова давно уж в серебре,
И не тешат праздничные трели,
Мы горим на беженском костре,
Но еще как будто не сгорели...

Спим — и видим милый отчий дом —
Из тюрьмы воздушный строим терем.
Все еще чего-то жадно ждем,
Все еще во что-то страстно верим...

Есть у нас любимый уголок,
Где храним минувшего осколки...
Книги в ряд стоят на пыльной полке
Золотая россыпь гениальных строк!

Это — Пушкин, наше утешенье,
Яркий светоч — в сумраке ночном!
С ним забудем горе и лишения,
Жить и мыслить сызнова начнем.

Наши речи, ветхие одежды
Засияют. Нет былой тоски...
Где-то там мерцают огоньки,
Воскресают старые надежды...

Созидают сказочный чертог,
Точно в милой детской сказке,
И пылают радостные краски —
И во храме светлый реет Бог.

Верю, верю, близок час рассвета.
Верю — край родимый не умрет,
Не умрет великий наш Народ,
Давший нам бессмертного поэта,
Нашей славы девственный исток, —
Золотую россыпь гениальных строк!

Елена Милич

29 ЯНВАРЯ 1837—1937 гг.

Сто лет тому назад его сомкнулись вежды.
Сто лет тому назад пробил жестокий час —
Померкли с ним сородичей надежды,
И лиры царственной живой огонь угас.

Умолкли струны... Взлетом вдохновенья
Их не коснется вновь застывшая рука,
Но трепет давних дней,
Порывы и томленья
Не унесла времен холодная река.

И живы песни — отзвук дум далекий,
В них РУСЬ жива, родная старина,
Татьяны образ, светлый и глубокий,
И кубок жизни, выпитый до дна...

.....

Сто лет прошло. Судьбе своей покорный,
Ушел поэт в расцвете лучших сил...
Но Памятник стоит нерукотворный
Победой вечною над холодом могил.

1/14 января 1937 года

Арсений Несмелов

КОГО ВИНИТЬ?

Камер-юнкер. Сочинитель.
Слог весьма живой.
Гениален? — «Извините!» —
Фыркнет Полевой.

И за ним Фаддей Булгарин
Разожмет уста:
«Гениален? Он бездарен,
Даже скучен стал!»

Каждый хлыщ, тупица явный,
Поучать готов,
А Наталья Николавна —
Что ей до стихов?..

Напряженно сердцем замер,
Уловив слова:
«Наградили!.. Пушкин камер...
Юнкер в тридцать два!»

И глядел, с любым балбесом
Ровен в том углу,
Как Наташа шла с Дантесом
В паре на балу.

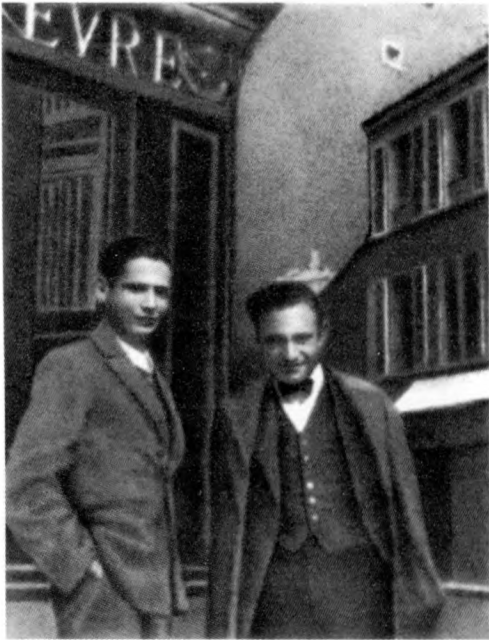
Только ночь — освобожденье:
Муза, слаще пой!..
Но исчеркает творенье
Карандаш тупой.

И от горькой чаши этой
Бегство — пистолет.
И великого поэта
У России нет.

И с фельдъегерем в метели
Мчится бедный гроб...
Воют волки, стонут ели,
И визжит сугроб.

За столетье не приснится
Сна страшнее... Но
Где ж убийца, кто убийца?..
Ах, не все ль равно!

Владимир Смоленский

Огромные двуглавые орлы
Средь вековой, среди российской мглы.

Безумный царь в кольчуге боевой,
Внесенный над шипящею змеей.

В глухом бреду александрийский стих,
Декабрьский ветер в пустынях ледяных,

И плач зурны, и крыльев легкий взмах,
И слезы вдохновенья на глазах.

Надменный взгляд, скрипение пера —
Как ловко мечут карты шулера!

О, как тяжел и холоден свинец
Высокомерных и пустых сердец.

Усмешкою какой кривились рты,
Когда ты навзничь падал с высоты,

Когда в грязи любовь, в крови снега
Под шпорой щегольского сапога,

Когда уже не изменить судьбу,
Когда свинец в боку, мертвец в гробу.

Максим Стоцкий

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

(В сотую годовщину трагической
смерти русского поэта)

*Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой...*

М. Лермонтов

I

Замки оков я разбиваю!
И всех врагов я вызываю
На грозный суд — на суд кровавый
За честь свою и подвиг правый!!!
А мир слепых, услышав это,
Пусть он в живых убьет поэта:
Ему не мил ваш свет двуликий —
Ваш прах могил, ваш праздник дикий.
Ему не мил ваш свет разврата,
Без добрых дел, без друга-брата,
Где только ложь поет вам оды,
Где ржавый нож — ваш клич Свободы...

II

Жестокий ты, народ России!
Твои мечты, твои стихии —

С лихвой мордвы, с раздольем шири,
С гульбой Москвы, с пургой Сибири...
В них слышен звон набатов нежных
И плач и стон цепей железных;
Рыданье вьюг, разливы весен,
Бренчанье дуг и посвист сосен.
В твою любовь и сердце фата
Вплеснулась кровь от Азиата,
Что ты велик в труде-терпенье,
Но груб и дик в властовеленье.

III

Твой лучший сын всегда в изгнанье,
Кончает жизнь в лихом скитанье;
Твой лучший брат ума и знанья
Уходит в мир за подаяньем...
Твоя жена — твоя гордыня,
Она всегда тебе — рабыня;
А твой певец, поэт, мыслитель,
Пророк, борец и Вдохновитель, —
Чтоб роковой избегнуть казни,
Своей рукой и без боязни
Казнит себя. И умирая,
Вопит, любя и проклиная:
— Жестокий ты, народ России!
Твои кресты, твои витии —
Лишь символ твой святынь проклятых,
Твоей рукой на крест распятых...

IV

Пришел я в свет с душой нетленной,
Чтоб в нем воспеть красу Вселенной,
Но в нем нашел я вас — убогих,

Слепых, глухих существ двуногих,
Кому не я, не песнь, не лира,
А кровь моя нужна для пира...
Хмельная кровь из вен поэта,
Которой вновь не дашь для света.
Суровый ты, народ России!
Твои мечты, твои стихии
И песни всех твоих поэтов —
Сильны лишь тем, что не допеты...

Михаил Струве

ПУШКИН НА ПАРИЖСКИХ АФИШАХ

В Париже с уличных афиш
Глядят знакомые черты.
И смотрит на Тебя Париж,
И на Париж не смотришь Ты.

Нет. Через горы и поля
И каменноугольный ад
Туда, где русская земля,
Всегда Твои глаза глядят.

Туда, где псковские холмы
Заснули снежным сном зимы,
Где долгой песней гробовой
Гудит, поет метельный вой.

А в этом мире, где январь
Весною пахнет и водой,
Где на углу цветочный ларь
Ушел в фиалки с головой,

Я знаю, Ты их узнаешь,
Далеких родичей Твоих,
И тайный знак им подаешь,
Лишь издали завидишь их.

Париж. Январь 1937

П. Н. Терентьев

СОЛНЦА ЛУЧ

ЧУДО! — Нет иного слова:
Серебристых звоном лир
Не для званых уготован,
А для всех сегодня — пир.

Не обычно, не разбродом,
Без застав, без рубежей,
Вновь единым став народом,
Щедро потчуем гостей.

Настежь дверь иноплеменным:
Яств сегодня хватит всем!
Чаш, наполненных нетленным
Родником Твоих поэм...

И в Париже, Праге, Риме
Пропоеет Твоя строка,
Всколыхнет, крылом поднимет,
Обгоняя облака.

Разорвет и мрака тучи...
Чем чернее тяжесть туч,
Тем светлее и могучей,
Пушкин, солнечный Твой луч!

Скорби нет в столетней тризне,
Блещет празднично чертог:
Оборвать могучей жизни
Дантес пулею не смог!

И хоромы, и избушки
Сберегли Твой луч златой...
Жив средь нас поныне Пушкин,
Ясный, крепкий и простой.

Зинаида Троцкая

А. С. ПУШКИНУ

*Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных гордых сих мужей?*

А. С. Пушкин. Полтава

Прошло сто лет... Россия, где ты?
В рассеянье твои сыны
Забуть про родину должны,
И даже, Пушкиным воспетый, —
Великий Петр — твой славный град —
Зовется ныне... Ленинград.
И все покорны, все инертны,
Нелепой подчинясь судьбе...
Лишь ты воздвиг, поэт бессмертный,
Огромный памятник себе.

В стране, где кровью преступлений
Весь облик прошлого залит,
Лишь твой великий, светлый гений
Сквозь сумрак тягостных мгновений
Еще сияет и горит.

И здесь мы помним о поэте,
Вдали от родины своей,
Уж в вечность кануло столетье,
Но жив наш дивный соловей.

Его пленительные песни
Звучат все шире, все чудесней,
И, всех людей объединив
Под незабвенной славной сенью,
Его огромный гордый гений
В сердцах людских навеки жив.

1937

НИКОЛАЙ ТУРОВЪРОВЪ

СТИХИ

1937

Николай Туроверов

Задыхаясь, бежали к опушке.
Кто-то крикнул: «Устал, не могу».
Опоздали мы. Раненый Пушкин
Неподвижно лежал на снегу.
Слишком поздно опять прибежали,
Никакого прощенья нам нет.
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолет.
Снова так же стояла карета,
Снова был ни к чему наш рассказ,
И с кровавого снега поэта
Поднимал побледневший Данзас.
А потом эти сутки мученья,
На рассвете несдержанный стон,
Ужасающий крик обреченья
И жены летаргический сон.
Отлетела душа, улетела,
Разрешила последний вопрос,
Выносили друзья его тело
На родной петербургский мороз.
И при выносе мы на колени
Становилися прямо в сугроб,

И Тургенев, один лишь Тургенев
Проводил самый близкий нам гроб...
И не десять, не двадцать, не тридцать,
Может быть, уже тысячу раз
Снился мне и еще будет сниться
Этот чей-то неточный рассказ.

1937

Владислав Ходасевич

(ПРИНОШЕНИЕ ГОРЛИНЫМ)

Друзья мои! Ведь вы слышали
О бедном магарадже том,
Который благотворным сном
Не мог забыться лет едва ли
Не десять? Все он испытал:
Менял наложниц, принимал
Неисчислимыя лекарства,
Язык заглывал, скликал
Ученых, йогов, заклинал
Богов — и Фельзена читал¹
Не помогало. И — полцарства
За полчаса простого сна
Он обещал. «Да! Вот цена
Богатства, власти, силы, славы!
Как все ничтожно, Боже правый!» —
Так думал я, но глас лукавый
Шептал мне: «Стоит свеч игра!
Дерзай, пришла твоя пора!»
И я чрез водные пустыни

¹ Именно для чтения этого автора изучал он русский язык. (Примеч. В. Ф. Ходасевича.)

В страну индийских чар и грез
Статьи о Пушкине повез —
Те самые, которых ныне
Такой же точно экземпляр
Вам приношу в смиренный дар.

Меж тем несчастливый властитель
Уж разуверился во всем,
Когда моих творений том
Был принесен в его обитель.
На книгу еле он взглянул,
Но все ж лениво разогнул
И стал читать — и вдруг зевнул,
И вдруг, за десять лет впервые,
Он на подушки пуховые
Склонил венчанную главу.
Придворными из залы тронной
В свою постель перенесен,
На пятый день проснулся он,
Румяный, свежий, благосклонный,
Но отказался наотрез
Со мною разделить корону:
Она, мол, высший дар небес.
Что делать? Я к нему не лез,
Как звездочет к царю Додону,
Хорош в венце, хорош и без...
Вдвоем на троне было б тесно...
Не счесть алмазов, как известно, —
Далекой Индии чудес.
Мне дали три мешка — и вскоре
Пустился я в обратный путь.
Качало сильно в Красном море.
Решив от качки отдохнуть,
Остановился я в Марселе

Дня на два в небольшом отеле¹ .
Был вечер. В номере своем
Я лег, волнуемый мечтами
О будущем. Я видел дом
Блистательный — и сад кругом
С неимоверными цветами,
Где вскоре, вскоре буду с вами...
Нет, лучше сократить рассказ
Ужасный для меня, для вас,
Для человечества, быть может!
Раскаянье мне сердце гложет!

Какой-то бес меня толкнул.
В полубеспамятстве мечтанья
Свою я книгу развернул —
Источник счастья и страданья.
Прочтя страницу, я заснул!
Так скорпион своим же ядом
Себя разит в кольце огня.
Очнувшись в ярком свете дня,
Сокровищ не нашел я рядом:
Мешки украли!..

(1937)

* * *

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Почему такая честь?
Потому что ... есть!
А в Париже тридцать шесть!!

(1937)

¹ Я не решался еще продавать свои драгоценности и был стеснен в средствах. (Примеч. В. Ф. Ходасевича.)

Нина Храброва

А. С. ПУШКИНУ

С восторгом помню я и память не нарушу
О днях моей ребячьей простоты,
Когда в открытую и жаждущую душу
Твоих мне сказок сыпались цветы.

Ты был мой друг в блестящий полдень мая,
И в зимний вечер, и в июльский зной,
Когда ты пел фонтан Бахчисарая
Или красу Людмилы молодой.

И кот твой сказочник с своей златою цепью
Надолго в память детскую запал,
И шум цыган над Бессарабской степью,
И над рекой свободный их привал.

И жгучий взор красавицы Земфиры,
Алеко образ, сумрачный, немой...
И нежный звук твоей звенящей лиры
Надолго овладел взволнованной душой.

Идут года... Становятся близки мне
Задумчивой Татьяны простота,
И Ленского восторженные гимны,
И осени пурпурной красота,

И честолюбие и гордость Кочубея,
Пленительной Марии ясный взор,
И за измену гордого Гирея
В глазах Заремы замерший укор.

Люблю тебя за то, что ты дал свету
Свой ясный ум и звуков чистоту,
И память светлую любимого поэта
С любовью я и нежностью чту.

1937

Марина Цветаева

1

СТИХИ К ПУШКИНУ

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен
Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — ноя, нытик — вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство — моря
Позабыли — о гранит

Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться
Вытянувший и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце,
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого — неисправим!

Недурен российский классик
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым!
Пушкин — в роли русопята?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем, —

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

Уши лопнули от вопля:
— «Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пекло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский? Уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца?

Что вы делаете, карлы,
Этот, голубей олив,
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеив

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин — тога, Пушкин — схема,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя

Благородное — как брань
Площадную — попугай!

— Пушкин? Очень испугали!

2

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не потом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок —

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!)

И большего было бы мало,
— Бог дал, человек не обузь! —
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил — от внука-
То негрского — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого в струнку
Не стал бы. — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер —
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки — Царь-Грамотей

Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загровку
Курчавому (стричь — не остричь!)
— Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Пльви — ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать.

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или над?

Сей, не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон

Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область —
Да ею б — пожалован был
Сим, так ненавидевшим робость
Мужскую — что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? Вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — ты

Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд — коим поныне светла...
Последний—посмертный—бессмертный
Подарок России — Петра.

СТАНОК

Вся его наука —
Мощь. Светло́ — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Семь — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл. Короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поется
И поныне — так.
Знаем, как «дается»!
От тебя, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок...

И как — спать хотелось!
Над цветком любви
Знаю -- как скрипелось
Негрскими зубьями!

Перья на востроты —
Знаю как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил.

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

4

Преодоленье
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул!

На кашелотьей
Туше судьбы —
Мускул полета,

Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся — бодро!
Ровного бега,
Долгого хода
Мускул, побегов,
Мускул, степных,
Шлюпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен
Русскою кровью —
О, не верблюжья
И не воловья
Жила (усердство
Из-под ремня) —
Конского сердца
Мышца — моя!

Больше балласту —
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,
Что на канате
Собственных жил
Из каземата —
Соколом взмыл!

Пушкин — с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Насмерть — как бьется
— Мощь — прибывала,

Сила — росла —
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: — Атлета
Мускулатура,
А не поэта!

То — серафима
Сила — была:
Несокрушимый
Мускул — крыла.

Евгений Шкляр

СМЕРТЬ ПУШКИНА

Все так просто. Припудренный лес,
Снег примятый у самой опушки,
И спокойный, но бледный Дантес,
Как свеча догорающий Пушкин.

Суеющийся лекарь, печаль
В потухающем взоре поэта.
Не то плач, не то стон прозвучал...
Каркнул ворон — дурная примета.

Эти странные, вещие сны.
Яд интриг. Государева милость.
Камер-юнкера дни сочтены,
Дни поэта в века претворились.

А его благородный экстаз,
Гений Пушкина, жив и поныне,
Как целитель, врачующий нас,
Как источник в безводной пустыне.

1937

Николай Языков

К ЮБИЛЕЮ...

Какая простота... Как много нежной лени,
Славянского изящества и варварских широт.
Искусства пушкинского неизъяснимый гений,
Поэт, который воплотил — Народ.

Проходят годы. Бури и волненья.
Сменяются эпохи буйных катастроф.
Но как свежо, как ярко вдохновенье
Сотканных Пушкиным старинных строф!

Созвездье Пушкина: Языков, Дельвиг, Баратынский,
Поэты лирики, вакхических пиров...
Он был для них один, товарищ исполинский,
Великий мастер изощренных слов.

И как приятно знать, что в эти дни поныне
Все так же ароматен пушкинский елей.
Что литература, наша Гордость и Твердыня,
Теперь справляет с нами светлый Юбилей.

* * *

Был стольный Петербург... Империи столица...
Изящный стиль колонн... Красивые слова...
В покоях мраморных была Императрица,
В гранитных берегах холодная Нева...

В Европе нам все снилась панацея
От нашего невежества и серых деревень.
А в парках голубых дворянского Лицея
Для Пушкина цвела персидская сирень.

Он вырос в красоте бесценного ампира.
На смене поколений, на меже эпох.
Он гений подарил не для былого мира.
Он вечного искусства — современный бог...

И вот прошло сто лет. И в новом Ленинграде
По-прежнему век пушкинской литературы жив.
И стиль заветный пушкинской тетради
По-прежнему так нов, по-новому красив.

Пришли другие дни и новые размеры...
Ворвался грозный век в старинные слова.
И вот в столице красной СССР
Твой, Пушкин, юбилей отметила Москва.

ВЪРА БУЛИЧЪ

**ПЛЪННИЙ
ВЪТЕРЪ**

1938

Вера Булич

1837

Шагами рыхлый снег измят.
За рощей — сумрачный закат.
Уж в вечность день отходит.

И на поляне черный рок
Рукою каменной курок
У пистолета взводит.

И дрогнул воздух. Снег с ветвей
Летит на плечи, в тень кудрей,
Скрывающих стихию.

В снег опускается рука,
Которой суждено: века
Благословлять Россию.

1937

Владислав Ходасевич

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

Вам — под ярмо ль подставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
Арапские святые губы
О небывалой стороне.

25 апреля 1923. Saarow

Николай Тuroверов

*Фонтан любви, фонтан живой,
Принес я в дар тебе две розы.*

Пушкин

В огне все было и в дыму, —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Теперь скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последним мой разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненье
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустенье.
И увидал я ветхий зал, —
Мелькала тускло позолота, —
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то.
Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема, —
Когда и где мне голос твой
Опять почудится, Зарема?
Прощай, фонтан холодных слез.
Мне сердце жгла слеза иная —
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая.

1938

Аргус

ТАТЬЯНА ЛАРИНА

(Отрывок из романа «Евгений Онегин в Нью-Йорке»)

1

Я никогда не лицемерю,
Хоть завираюсь иногда.
Второю ларинскою дочерью
Пора заняться, господа.
Сестры значительно моложе,
Татьяна выросла в прихожей
(У Лариных из-за жильцов
Свободных не было углов).
Она была американкой —
То есть жевала целый день,
Носила шляпку набекрень,
Служила неохотно в банке,
Любила танцы, спорт и джаз,
Все выставлявший напоказ.

2

Для вящей полности романа
С прискорбием должен я сказать,
Что воспитанием Татьяны
Не занималась даже мать.
Она росла, как цвет, привольна,

Своей семьею недовольна,
Всегда одна и без подруг.
Ее семья, закончив круг
Нелепых беженских скитаний,
Нашла в Америке приют.
Нельзя же требовать, чтоб тут
Вдруг к ней свалилась с неба няня...
Притом, как знает целый свет,
В Нью-Йорке русских няnek нет.

3

Итак, она звалась Татьяна...
Ни хрупкой красотой своей,
Ни модной худобою стана
Не привлекла б она очей.
Пятисентовкою одета,
Стройна при помощи корсета,
С чужим румянцем на щеках,
С чужой улыбкой на губах,
Питала страсть к дешевым лентам,
Бежала всех семейных драк
И изъяснялась кое-как
По-русски с аглицким акцентом,
И заменяла «Боже мой»
Англо-саксонским «бой, о, бой».

4

Чужда житейских безобразий,
Всегда уныло-весела,
Татьяна Ларина на джазе
Чуть-чуть помешана была.
Для звуков диких и унылых,
Кровь леденящих в наших жилах,

Готова жизни не щадить,
Татьяна проявляла прыть,
Когда касалось танцев дело;
Умела ночи напролет
Шагать вперед, назад, вперед,
И в пламенном восторге млела,
Когда неистовый трубач
По залу будто несся вскачь.

5

Мне джаз внушает чувство страха,
Он для меня источник бед.
Люблю послушать «Фугу» Баха,
Потом усесться за обед.
Внимая сладостным ноктюрнам,
Люблю забыть о свете бурном,
О неприятностях, войне, —
В приятном, томном полусне.
Но и трагических симфоний
Люблю я мелодичный стон,
Не то, что джаз проклятый. Он
Грозит нам ужасом бессонниц,
Он бьется, мечется и рвет,
Как людоед, как готтентот.

6

Все это нравилось Татьяне.
Не песни стороны родной,
Не русской древности преданья,
А этот негритянский вой.
Отец всегда ворчал, конечно,
Ругая это «скоротечной
Чухоткой клеток мозговых».

Но мать твердила, что жених
Придет и кончит все удачно,
Что дети, стирка и стряпня,
И ежедневная возня,
И все заботы жизни брачной,
Удары всех семейных бурь
Из Тани выбьют эту дурь...

Владимир Набоков

РУСАЛКА

(Заключительная сцена)

Берег

4

князь

Печальные, печальные мечты
вчерашня мне встреча оживила.
Отец несчастный! Как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
и согласится он оставить лес
и к нам переселиться...

(Русалочка выходит на берег)

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

РУСАЛОЧКА

Из терема.

князь

Где ж терем твой? Отсюда
до теремов далече.

РУСАЛОЧКА

Он в реке.

КНЯЗЬ

Вот так мы в детстве тщимся бытие
сравнять мечтой с каким-то миром тайным.
А звать тебя?

РУСАЛОЧКА

Русалочкой зови.

КНЯЗЬ

В причудливом ты, видно, мастерица,
но слушатель я слишком суеверный,
и чудеса ребенку впрок нейдут
вблизи развалин ночью. Вот тебе
серебряная денежка. Ступай.

РУСАЛОЧКА

Я б деду отнесла, да мудрено
его поймать. Крылом мах-мах
и скрылся.

КНЯЗЬ

Кто — скрылся?

РУСАЛОЧКА

Ворон.

КНЯЗЬ

Будет лепетать.
Да что ж ты смотришь на меня
так кротко?
Скажи... Нет, я обманут

тенью листьев,
игрой луны. Скажи мне... Мать твоя
в лесу, должно быть, ягоду сбирала
и к ночи заблудилась... иль попал

на топкий берег... Нет, не то. Скажи,
ты — дочка рыбака, меньшая дочь,
не правда ли? Он ждет тебя, он кличет.
Поди к нему.

РУСАЛОЧКА

Вот я пришла, отец.

князь

Чур, чур меня!

РУСАЛОЧКА

Так ты меня боишься?
Не верю я. Мне говорила мать,
что ты силен, приветлив и отважен,
что пересвищешь соловья в ночи,
что лань лесную пеший перегонишь.
В реке-Днепре она у нас царица;
«Но, говорит, в русалку обратясь,
я все люблю его, все улыбаюсь,
как в ночи прежние, когда бежала,
платок забывши впопыхах, к нему
за мельницу».

князь

Да, этот голос милый
мне памятен. И это все безумье —
и я погибну...

РУСАЛОЧКА

Ты погибнешь, если
не наведишь нас. Только человек
боится нежити и наважденья;
а ты не человек. Ты наш с тех пор,
как мать мою покинул и тоскуешь.

На темном дне отчизну ты узнаешь,
где жизнь течет, души не утруждая.
Ты этого хотел. Дай руку. Видишь,
луна скользит, как чешуя, а там...

князь

Ее глаза сквозь воду ясно светят,
дрожащие ко мне струятся руки!
Веди меня, мне страшно, дочь моя...

(Исчезает в Днепре)

РУСАЛКИ *(поют)*

Всплываем, играем
и пеним волну.
На свадьбу речную
зовем мы луну.
Все тише качаясь,
туманный жених
на дно опустился
и вовсе затих.
И вот осторожно,
до самого дна,
до лба голубого
доходит луна.
И тихо смеется,
склоняясь к нему,
Царица-Русалка
в своем терему.

(Скрываются. Пушкин пожимает плечами.)

София Прегель

ПИКОВАЯ ДАМА

Ах, не злая тоска ли сердечко укусит,
Будет выть, и стонать, и скрепеть без конца:
В эту темную ночь отравилась Маруся,
Умерла, умерла, не дождавшись венца.

Там шарманка поет на щербатой панели,
Там прохожий из пыльного мрака возник,
Николаевской, пышной, тяжелой шинели
На морозе бобровый блестит воротник.

За любовь погибаю, что может быть проще,
Умираю, зеленым огнем сожжена...
На пустом перекрестке фонарные мощи,
На глухом перекрестке гудит тишина.

Ветер мартовский мчится и злобно ревнует,
Разбивает за глыбами глыбу, звеня,
А на площади Всадник во тьму ледяную
Небывалым галопом пускает коня.

И кончается где-то ночная пирушка,
Поднимается белый, назойливый пар,
Из калитки выходят подвыпивший Пушкин
И румяный повеса, Каверин гусар.

В эту ночь роковую убиты три карты,
Три мечты безвозвратно уходят во мрак,
Крепче пунша, сердитая ласковость марта
За небритые щеки хватает гуляк.

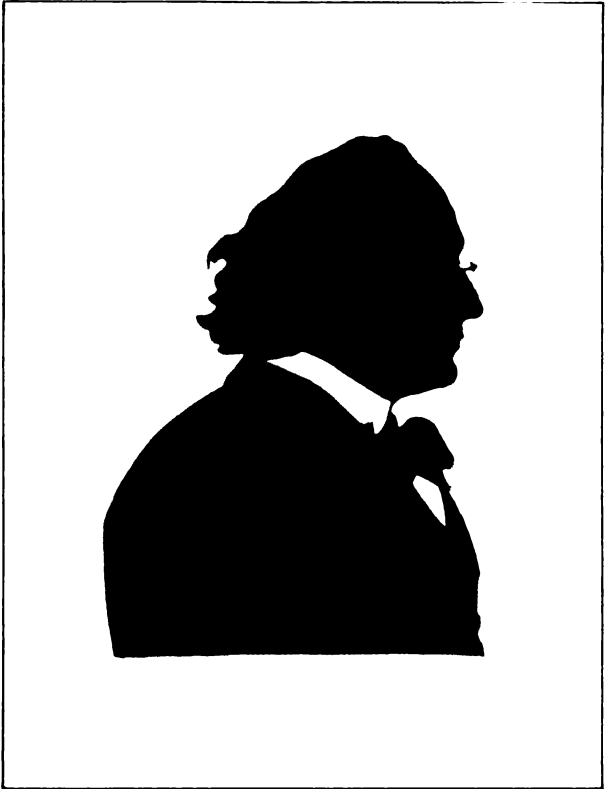
Плачет Лиза у Зимней Канавки, и мнится —
Нету скорби ее и сильней, и больней.
Петербургская полночь, как черная птица,
Осторожно и четко кружится над ней.

И седой полумесяц, наивно-печальный,
Успокоить любовников хочет вотще.
Там склоняется в будке унылый квартальный,
Там мелькает прохожий в придворном плаще.

Тень графини и Германн, в ночи бледнолицый,
На зеркальном окне неживого дворца,
Ветер мартовский бьет и, пугая, боится,
На туманном рассвете страшится конца.

До могилы дойдешь ты стезей роковую,
Ты, вкусившая первой отрады едва...
Ветер ладожский спорит с широкой Невой,
И в объятьях смертельных пылает Нева.

Вячеслав Иванов

ИЗ «РИМСКОГО ДНЕВНИКА 1944 ГОДА»

9.

«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиною соленой
Певцом посажен при луке,
Растет в молве укорененный,
Укорененный в языке.

И небылица былью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь.
Отступит море, — дуб не вянет,
Пока жива родная речь.

27 января

Николай Оцуп

БУРЯ МГЛОЮ

Мчатся тучи... Пролетают годы,
Пролетают и свистят в ушах.
Снова то за ветром непогоды...
Буря мглою... Снова мы впотьмах.

И — не домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж?.. В жалобе стихий
Как в метели пушкинское тонет...
Буря... Кони стали... Гоголь... Вий...

Мчатся бесы... Бесы... Верховенский...
Федька-Каторжный... Топор. Петля.
Кто-то где-то про Собор Вселенский,
Про Мессию... И поля, поля.

Молодость, а страшно поневоле...
Прокламации, нагайка, кнут...
За мечтами о земле и воле
Ночь... Ужасен там и краток суд...

Лучше спать тяжелым сном медведя,
Спать и спать... Обломов, Домострой,
И цыганка, и Протасов Федя,
Добрый, ласковый, но... труп живой.

Мчатся бесы, искрами мелькая,
Вьюга, кони дышат тяжело,
Но... Волконская и Трубецкая —
И уже от сердца отлегло.

И такое же, как те, в кибитке,
Чудное лицо... Опять она:
Сонечка на улице в накидке...
Мармеладов... Страшная страна.

Буря мглою... Стелется и свищет,
И Хома над гробом... Страшный час.
Может быть, она и нас отыщет,
Уничтожит каждого из нас.

Панночка прелестная из гроба
Смотрит... Буря мглою... Мелом круг...
Поднимите веки мне!.. и в оба
На меня и палец... Ах! и вдруг

Буря мглою небо застилает:
Свет с Востока!.. Будет вам уже
Свет, когда рванет и запылает
Рядом — на восточном рубеже.

Буря мглою... Варвары под Римом.
Под ударом — Лондон и Париж.
Расставаясь с невозстановимым,
Ты уже на Западе горишь.

Ты горишь как мы, как наше пламя,
Потому что ты жива всегда.
Буря мглою... но за облаками —
Ты как неподвижная звезда.

Нет, не с Запада и не с Востока
Эти незакатные лучи,
Этих глаз огромных поволока,
Это лоб над пламенем свечи.

Маленькое пламя задувая,
Буря мглою... Только над звездой,
Там, за вихрем, вечная, живая —
Божья Мать и рядом ангел мой.

НОВОСЕЛЫЕ

42-44

ПАРИЖ-НЬЮ-Йорк

1950

254 FRS

NOVOSELYE

\$ 1.00

София Прегель

СТИХИ О ПУШКИНЕ

И тот, кто был Пиндару равен,
Чье имя в вечности гремит,
Благословил его Державин,
Вельможа русский и пиит.

Жуковский нежно-благодарный
С ним дружбы осушил бокал,
И он — учитель побежденный —
Стихам пленительным внимал.

Все было в этой жизни бурной:
Зимы бессонная пурга,
Гурзуф томительно-лазурный,
Пустые финские брега,

И пышнотелая Одесса,
И табор в поле далеко,
Кларисса, Мери иль Агнесса,
В ночи с Давыдовым повесой
Шампанское вдовы Клико,

И Петербург под утро бледный,
Луна, светящая едва,
И боязливой Тани бедной
Простые девичьи слова,

В гостиных умный Чаадаев
И старомодный Карамзин,
И колокольчики Валдая,
И новый путь, и старый сплин.

Россия Николая. Конский
Суровый храп, тоска, гранит...
В сибирском руднике Волконский,
Рылеев палачом убит.

Бежать, бежать от царской длани
В закрытых комнат синеву,
Под сень дубрав, в рассказы няни
Про королевича Бову.

В Михайловском, где дом запущен,
Мгновенный подавить испуг.
О, радость встречи: это Пущин,
Надежный царскосельский друг!

Так жить, отчаясь, в стане вражьем,
Уколов не считать и ран,
Судьба — она повсюду та же;
*Где капля блага, там на страже
Иль самовластье, иль тиран.*

И в час, когда зарю предвидя,
Осенний свищет ураган,
В степях, где некогда Овидий
Встречал кочующих цыган,

И над страной грозней и суше
Двенадцать бьет: пора, пора,
И громче всех громов и пушек
Тяжелые шаги Петра —

Прохладна и неугасима,
Тебе конца и края нет,
Россия, ты неодолима,
Как твой волшебник и поэт,

Прекрасный, мудрый, осиянный,
Познавший жизни глубь и ширь,
И говор птиц, и плеск обманный
Бахчисарайского фонтана,
Веселый сын царя Салтана,
Непобедимый богатырь!

Игорь Чиннов

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Порой, читая вслух (парижским крышам)
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь — мы видим, слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи негромко он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И кажется — из царскосельской урны
Прозрачная, хрустально-ключевая,
Течет струя свободно и небурно,
Курчавый облик ясно отражая.

И полной грудью мы грустим — но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно мудрым
Наполнен мир, и стоит жить, и, настезь
Открыв окно, дышать парижским утром.

Аглаида Шиманская

Стучит сухая ветка
В закрытое окно,
И кашляет соседка,
А в комнате темно.

Хочу молиться Богу,
Забиться как-нибудь,
Но сердце бьет тревогу —
До света не уснуть.

Во тьме блеснули спицы:
Ах, няня, тяжело мне,
Нет сил пошевелиться,
Я вся горю в огне.

.....

Широкая поляна —
Какой глубокий снег,
Мучительная рана,
Саней скрипучий бег.

И кто-то наклонился
Над мертвой тишиной
И в душу опустился
Как воздух ледяной.

Я так давно в могиле,
К чему мне этот склеп.
За что меня убили?
Я от огня ослеп.

Все было так возможно;
Измены, счастья нет;
О, Боже, как тревожно,
Какой тяжелый бред!

Метет, рыдает вьюга,
И Лиза вся в слезах...
Желанная подруга,
Приди на бедный прах...

Я душу загубила.
И я давно мертва,
Меня похоронила
Холодная Нева.

Горит закат багровый...
Освободи от уз,
Сними с меня оковы...
Старуха... ведьма... туз!

Куда везет карета?
Мой друг, который час?
Никто не даст ответа,
Последний луч угас.

Лидия Червинская

Я помню о тебе, Татьяна...
Во мне еще жива любовь.
Но, как за чтением романа,
тревожна мысль, спокойна кровь.

Я разуверилась во многом,
скупее слезы и слова —
что это: гибель, благодать?
Теперь, когда над эпилогом
уже склонилась голова,
чего еще от жизни ждать...
Скажи, какого откровенья,
каких мучительных побед?

Любви бесплодны вдохновенья.
От них остался темный след:
жуть суеверий, снов, гаданий,
да ворох писем и бумаг...
И яд мечты о том свиданье,
когда скажу спокойно я:
Прощай, мой друг. Прости, мой враг.
Сегодня очередь моя.

Ирина Одоевцева

Г. И.

Лепестками вечности
Вьются мотыльки,
Холодком беспечности
Тянет от реки.

Квакают лягушки на
Топком берегу.
Вспоминаю Пушкина.
Вспомнить не могу
Что, зачем и почему.
С целью какой
В роковой его судьбе.

Ты о нем с тоской
Бредил, умирая.

Неужели ни ему,
Ни ему и ни тебе
Не увидеть рая?

1958

ИГОРЬ ЧИННОВ

ЛИНИИ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА

1960

Игорь Чиннов

О Воркуте, о Венгрии (— о чем?)
О Дахау и Хирошиме...
Да, надо бы — как огненным мечом,
Стихами грозными, большими.

Ты думаешь о рифмах — пустяках —
Ты душу изливаешь — вкратце,
Но на двадцатый век тебе в стихах
Не удастся отозваться.

И если отзовешься — лишний труд:
Не будет отзвука на отзвук.
Стихи, стихи — их даже не прочтут.
Так пар уходит в зимний воздух.

И все-таки — хотя десятком строк,
Словами нужными, живыми...
Ты помнишь, есть у Пушкина «Пророк»:
О шестикрылом серафиме.

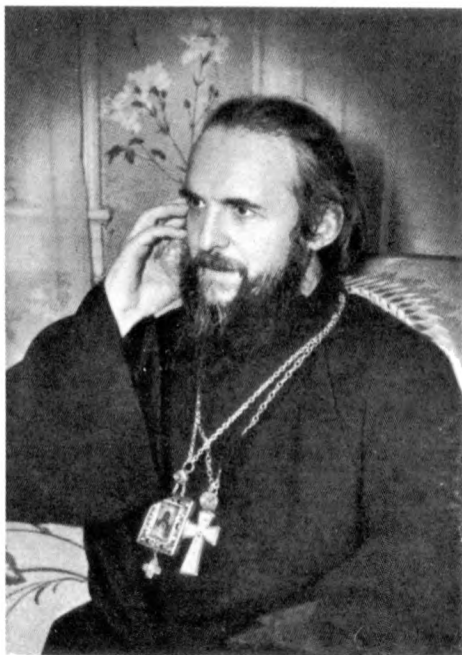
Смутный сумрак спальни жаркой.
Каркнул ворон в темном парке.
Сердце в тишине стучит,
Словно прятка старой Парки.
Парка быстро нить сучит.

Знаю, пряжа на исходе.
Скучно при такой погоде
Слушать торопливый стук.
Дождь идет, темно вокруг.

И грызут проворно мыши
Жизнь, дарованную свыше,
И недолго ждать

Дня, когда не станет скуки
И навек затихнут звуки,
Что мешали спать.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

ИЗ «ПОЭМЫ О РУССКОЙ ЛЮБВИ»

Стихи писать о *всем* и *ни о чем*
Нас Пушкин выучил. Он был богатым.
Поэм и эпиграмм владел мечом,
Не трясся над своим легчайшим златом.
Но также мы у Пушкина прочтем:
«Поэзия должна быть глуповата».
О, гений русский, ты ведь как-никак
Всегда и чудотворец, и чудак.

Лишь гений право получил — всегда
Быть глупым: и в лесу, и в шуме бальном —
Но гений всюду будет гениальным.
И коль стряется глупости беда,
Он никогда не скажет тривиально,
Он никогда не скажет без стыда —
За всех людей и за свою банальность.
И будет в том стыде вся гениальность.

Шум праздной прозы в мире не исчез,
Но рифма наша — верности основа.
Он все стоит, чудесный русский лес,
Его листва зазеленела снова.
Словам простым, как и всему простому,
Теперь мы придаем все больший вес.
И хорошо, что новым стало снова
Простое человеческое слово.

ПРИМЕЧАНИЯ

В книгу вошли поэтические произведения представителей первой эмиграции, выявленные в ходе изысканий в отделах специальных фондов Российской Государственной библиотеки (в прошлом — Государственная библиотека им. В. И. Ленина), Государственной публичной исторической библиотеки, Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), Библиотеки государственных архивов Российской Федерации и Научной библиотеки Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

Настоящий «Венок» ни в коей мере не претендует на статус всеобъемлющего, на «истину последнюю и торжественную». Скромны и археографические установки этого опыта. Стремясь хоть отчасти соответствовать литературному контексту Русского Зарубежья, составитель расположил обнаруженные труды в зависимости от времени их появления на свет (но не от момента создания). Все упоминаемые источники были просмотрены *de visu*. Предпочтение отдавалось первым публикациям, которые, к сожалению, далеко не всегда удалось разыскать. В таких случаях текст воспроизводился по позднейшим авторитетным изданиям. Надо учесть и то обстоятельство, что поэты-изгнанники (особенно «мэтры») зачастую печатали одни и те же стихи параллельно в нескольких газетах (журналах) разных стран; отсутствие должной библиографической поддержки затруднило в подобных ситуациях

поиск «наипервейшей» публикации. Ориентация на первую публикацию неизбежно привела и к тому, что перед читателем иной раз предстали тексты (М. Цветаевой, В. Ходасевича и др.) «неканонические», подвергшиеся некогда редакторскому произволу или не отшлифованные самими создателями.

Было признано целесообразным включить в сборник и произведения (главным образом — эпиграммы и шуточные пьесы), которые так и не появились в те годы на страницах русской зарубежной печати, но, несомненно, были известны публике, являли собою непрменный атрибут эмигрантского литературного быта и своеобразной нетиражированной поэтической Пушкинианы.

В книге сохранены особенности орфографии и пунктуации авторов. Краткие комментарии носят реальный характер.

Составитель считает своим долгом выразить глубокую признательность сотрудникам вышеперечисленных библиотек и архивов, а также коллегам и друзьям без их доброжелательной помощи сей скромный труд был бы немислим. Кроме того, он же заранее приносит извинения читателям за возможные огрехи, ибо новизну темы и отсутствие библиографического подспорья нельзя считать достаточным оправданием.

Александр Биск. Русь (с. 19). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Биск А.* Чужое и свос: Избранные стихи (1903—1961). — Париж, 1961.

Киот — остекленная рама или шкафчик для икон.

Г. Росимов «И вновь приду к тебе, покорный...» (с. 21). — Г. Росимов — псевдоним поэта и критика Юрия Викторовича Офросимова (1895—1967). Печ. по: *Росимов Г.* Стихи об утерянном. — Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1921.

«*Жил на свете рыцарь бедный...*» первый стих пушкинского стихотворения (1829); стихотворение Г. Росимо-

АЛЕКСАНДР БИСК

ЧУЖОЕ И СВОЕ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1903—1961

ва фактически реминисценция этого поэтического источника.

Константин Бальмонт. Пушкин (с.23)//Последние новости, Париж. — 1922. — № 551. — 1 февр. — Печ. по этому изд.

В. Обухов. «И Пушкин был влюблен в одну звезду...» (с. 24)//Лестница в облака. — Харбин, 1922. — Печ. по этому изд.

«Облаков летучую грядку» — усеченный первый стих пушкинского стихотворения («Редает облаков летучая гряда...», 1820).

М. Ростовский. Дорога Пушкина (с.25)//Спологи, Берлин. — 1922. — № 14; см. также: Русский голос, Львов. — 1937. — № 6. — Печ. по берлинскому изд.

Воронцова — графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина; 1818—1856). *Голицын* — князь Владимир Дмитриевич Голицын (1815—1888), корнет лейб-гвардии Конного полка. *Головин* — Александр Иванович Головин, корнет лейб-гвардии Конного полка. В описании событий автор, видимо, следовал книге А. Н. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса».

В. Сумбатов. Усадьба (с. 28// Стихотворения В. Сумбатова. — Мюнхен: Град Китеж, 1922. — Печ. по этому изд.

Николай Агнивцев. Санкт-Петербург (с. 29). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Агнивцев Н.* Блистательный Санкт-Петербург. — Берлин: Изд-во И. П. Ладъжникова, 1923; см. также: *Агнивцев Н.* Санкт-Петербург. — Тифлис, 1921. Дама из Эрмитажа (с. 31) — печ. также по берлинскому изд.

В. Сирин. Памяти Гумилева (Гексаметры) (с. 35) // Руль, Берлин. — 1923. — № 739. — 6 мая (23 апр.) — Печ. по этому изд. Поэт Николай Гумилев бы расстрелян в Петрограде в августе 1921 г.

«*В тиши Елисейской*» — вероятно, речь идет об Елисее, известном пророке израильском, ученике и преемнике пророка Илии. Он и после смерти своей (838 г. до Р. Х.) творил чудеса; в пещере, где покоился прах пророка, оживали усопшие люди. «Санкт-Петербург — узорный иней...» (с. 35). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Набоков В. Стихи.* — Анн Арбор: Ардис, 1979. *Оленина* — Анна Алексеевна Оленина (1808—1888), фрейлина, предмет увлечения поэта.

Георгий Адамович. «По широким мостам...» (с. 37) // Звено, Париж. — 1924. — № 72. — 16 июня; см. также: *Адамович Г. Чистилище.* — Пг., 1922; *он же.* На Западе. — Париж: Дом Книги, 1939; и др. — Печ. по первому парижскому изд.

Владислав Ходасевич. Романс (с. 41) // Последние новости, Париж. — 1924. — № 1231. — 27 апр.; см. также: *Россия*, 1924, № 2. Печ. по: *Ходасевич В. Собрание стихов в двух томах / Под ред. Ю. Колкера.* Paris: La Presse Libre, 1983. Т.2. «Романс» попытка завершения пушкинского наброска (первые пять стихов принадлежат именно ему). Полемика между А. Куприным и В. Ходасевичем по этому поводу: *Русская газета*, Париж. 1924. 3 мая; *Последние новости*, Париж. — 1924. — 22 мая.

Веспер — античное название вечерней Венеры (утренняя именовалась Люцифером). *Тассова октава* — т. е. стихи итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595). *Лидо* — одна из гаваней Венеции.

В. Сирин. Санкт-Петербург (с. 43). — Первая пу-

бликация не разыскана. Печ. по: *Набоков. В. Стихи.* — Анн Арбор; Ардис, 1979.

Константин Бальмонт. Кому судьба (с. 44) // Дни, Берлин. — 1924. № 481. 8 июня. Печ. по этому изд.

Игорь Северянин. «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!» (с.45) // Последние известия, Ревель. — 1924. — № 147. — 8 июня. — Печ. по этому изд.

Тойла — послок в Эстонии, где долгое время жил И. Северянин.

В. Сирин. Смерть Пушкина (с.46)//Русское эхо, Берлин. 1924. — № 24. -- 8 июня. Печ. по этому изд.

Владислав Ходасевич. 27 мая 1836 (с. 47) Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. Т. IV. Печ. по: *Ходасевич В. Колблемый треножник. Избранное / Сост. и подгот. текста В. Г. Перельмутера.* — М., 1991. Стихи посвящены последнему прижизненному дню рождения Пушкина — 26 (sic!) мая 1836 г.

«*Тени застигийские*» — т. е. тени из-за реки Стикс в царстве мертвых (в греческой мифологии). *Парка* — богиня судьбы в римской мифологии.

Марина Цветаева. Из неизданной книги «Юношеские стихи» (с. 49) / Дни, Берлин. — 1924. — № 481. — 8 июня. — Печ. по этому изд.

Мариула — героиня поэмы Пушкина «Цыганы» (1824). *Тальма* — женская длинная накидка без рукавов (по имени французского актера Ф. Ж. Тальма, 1763—1826). *Ланской* — Петр Петрович Ланской (1799—1877), генерал-адъютант, второй муж (с 1844 г.) Н. Н. Пушкиной. *Пери (перу)* — добрая фея в образе прекрасной крылатой женщины, охраняющая людей от злых духов (в персидской мифологии).

Константин Бальмонт. Отчего? (Из книги «В раздвинутой дали») (с. 54) // Современные записки. Париж. — 1924. — № 22. — Печ. по этому изд.

Леда — в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея, сочетавшаяся с Зевсом, который явился к ней в образе лебедя.

Иван Бунин. День памяти Петра (с. 58) // День Русской Культуры, Париж, 1926; см. также: *Бунин И.* Избранные стихи. — Париж, 1929. — Печ. по: Ковчег. Поэзия первой эмиграции / Сост. В. Крейд. — М., 1991. Первые два стиха — из пушкинского Вступления к поэме «Медный всадник» (1833).

В. Сирин. Изгнание (с. 59) // Руть, Берлин. — 1925. № 1376. — 14 июня; см. также: День Русской Культуры: Отчет о праздновании Дня Русской Культуры за рубежом в 1925 году / Сост. Н. А. Цуриков. — Прага: Изд. Педагогического Бюро, 1926. — Печ. по берлинскому изд.

«Одна душа ему верна...» — речь идет о няне Пушкина, Арине Родионовне (1758—1828).

Вадим Андреев. Сонет (с. 62) // Своими путями, Прага. — 1926. — № 12—13. — Печ. по этому изд.

Игорь Северянин. Пушкин (с. 63). — Первая публикация не разыскана. Стихи вошли в сборник «Медальоны» (Белград, 1934). Печ. по: *Северянин И.* Стихотворения. Поэмы. Архангельск, 1988.

Виктор Колосовский. Из книги «Моя лирика о Пушкине» (с. 64). — *Колосовский Виктор.* Моя лирика о Пушкине. Первая часть 2-го тома. Посвященno (sic!) Ивану Бунину. София, 1928. В Российской Государственной библиотеке хранится экземпляр с авторской правкой. Другой экземпляр, хранящийся в научной библиотеке

РГАЛИ, имеет такой автограф В. Колосовского: «Посылаю для отзыва (от 24.10.1927, № А 21841). С почтением к Вам. Виктор Колосовский — А. С. Пушкин. 11.XI.1927. Volgarien, София, ул. Сан-Стефан, 16». Печ. по экземпляру РГАЛИ. Характер творчества автора исключает возможность комментирования.

Лидия Нелидова-Фивейская. Первая любовь (с. 67) — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Нелидова-Фивейская Л.* Подснежники. — Нью-Йорк: Изд. газета Новое русское слово, 1927.

Игнат Побегайло. Есенин (с.69) // Ступени: Общественно-литературный сборник. Белград. — Изд. Русской студии искусств при «Земгоре», 1927. — Стихи включены в статью И. Побегайло «Строки о Сергее Есенине», первоначально прочитанную на вечере памяти поэта в Белграде.

Д. Ратгауз. В годы эти (с. 71). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Ратгауз. Д.* О жизни и смерти: — Прага: Дейвице: Чешская беллетристика, 1927.

Саша Черный. Няня Пушкина (с. 73) // Молодая Россия: Сб. для детей под ред. А. М. Черного. — Париж: Изд. Объединения земских и городских деятелей, 1927; см. также: *Черный Саша.* Румяная книжка. — Белград, 1929. — Печ. по парижскому изд.

Эпиграф — первые два стиха пушкинского послания «Няне» (1826).

Георгий Иванов. «Медленно и неуверенно / месяц встает над землей...» (с. 78) // Последние новости, Париж. — 1928. — 10 мая; см. также: Числа, Париж. — 1930. — № 1. — Печ. по: Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост. В. Крейд. — М., 1991.

Вячеслав Лебедев. Стихи к Музе (с. 80) // *Лебедев Вяч. Звездный крен: Стихи (1926—1928)*. — Прага: Скит, 1929. — Печ. по этому изд. На экземпляре книги из библиотеки Русского культурно-исторического музея в Праге, хранящейся ныне в научной библиотеке РГАЛИ, есть дарственная надпись: «Валентину Федоровичу г-н (sic!) Булгакову с глубоким уважением Вяч. Лебедев». Булгаков Валентин Федорович (1886—1966) секретарь Л. Н. Толстого, видный общественный деятель русской эмиграции.

Антонин Ладинский. Поэту (с. 81) // *Россия и славянство*, Париж. — 1930. — № 81. — 14 июня; см. также (в иной редакции): *Ладинский Ант.* Черное и голубое. Париж: изд. Современных записок, 1931; Пушкин: Однодневная газета — Париж, 1937. — Печ. по первой публ.

В. Сирин. Неоконченный черновик (с. 83). Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Набоков В.* Стихи. — Анн Арбор: Ардис, 1979.

Зоил — придирчивый критик (по имени греческого оратора IV в. до Р. Х., известного своими нападками на Гомера).

Лев Гомолицкий. Варшава. Поэма (с. 85) // *Гомолицкий Л.* Варшава (Поэма). Варшава, 1934. Печ. по этому изд.

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) публицист, критик, редактор варшавского еженедельника «Меч» и др. изд. «*Но едет Юзеф Понятовский*» (с. 87) имеется в виду польский генерал князь Юзеф Понятовский (1763—1813), участник польского восстания (1794), перешедший на службу к Наполеону и погибший в Лейпцигском сражении. «*Пилсудский всходит на помост*» (с. 89) — речь идет об Юзефе Пилсудском (1867—1935), маршале и премьер-министре Польши. «*Ужасных дум*

/ *Безмолвно полон, он скитался...*» (с. 89) — цитата из «Медного всадника» Пушкина (часть вторая). «*За пражской черной панорамой*» (с. 91) — имеется в виду Прага, предместье Варшавы. *Станислав-Август* (с. 91) — польский король Станислав-Август Понятовский. «*Наводнение... И весь разрушен...*» (с. 96) — цитата из «Медного всадника» Пушкина (часть вторая). «Ужо тебе!» (с. 97) — слова пушкинского Евгения, обращенные к Медному всаднику:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав,
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
бежать пустился...» (*Часть вторая*).

Константин Бальмонт. Пушкин. Поэма (с. 99) // Возрождение. — Париж. — 1936. — 2 янв.; см. также: Наш путь, Харбин. — 1937. — № 37. — 11 фев.; Дни, Берлин. — 1924. — № 481. — 8 июня (фрагмент). Печ. по парижскому изд.

«*Даст тебе он три ключа*» (с. 100) — скрытая цитата из «Трех ключей» Пушкина (1827). «*Каким-то демоном волнуем ежечасно*» (с. 101) — см. пушкинского «Демона» (1823). Памяти Пушкина (с. 101). — Первая публикация не разыскана. Печ. по газетной вырезке, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2481, оп. 1, ед. хр. 26, лл. 52, 54).

Антонин Ладинский. «Все книжное: дома и флаги...» (с. 104) // Современные записки. — Париж, 1936. — Т. 61. — Печ. по этому изд.

Лидия Нелидова-Фивейская. Невольник чести. Поэма (с. 105). — *Нелидова-Фивейская Л.* Невольник чести: Поэма. — Чикаго: Изд. газеты Рассвет, 1933; 2-е изд. — Нью-Йорк, — 1936. Фрагменты — Иллюстрированная Россия. — Париж. — 1934. — № 24. Печ. по нью-йоркскому изд.

М. М. Фивейский — музыкальный и театральный дея-

тель, муж Л. Нелидовой-Фивейской. *Эпиграф* — первые два стиха «Смерти Поэта» М. Лермонтова (1837). «*Смолк Александровский Лицей*» (с. 105) — строго говоря, Лицей стал именоваться Александровским лишь с 1844 г. «*Читает Пушкин... «Воспоминанья»*» (с. 107) — имеются в виду «Воспоминания в Царском Селе», прочитанные будущим поэтом на переводном экзамене 8 января 1815 г. *Энгельгардт* (с. 107) — речь идет о Егоре Антоновиче Энгельгардте (1775—1862), который, однако, был назначен директором Лицея лишь в январе 1816 г. (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. — Л., 1991. — С. 106). «*Когда он оды пел уму / И добродетели Фелицы...*» (с. 107) — имеется в виду «Фелица» (1783) и другие произведения, посвященные императрице Екатерине II. «*Он смелой «Вольности» пел оды*» (с. 108) — ода «Вольность» датируется 1817 г. «*Пуцин, друг поэта, / Во двор въезжает на санях!..*» (с. 111) И. И. Пуцин посетил поэта в Михайловском 11 января 1825 г. «*Никита весело хлопочет*» (с. 112) — т. е. Никита Тимофеевич Козлов (1778 — не ранее 1851), крепостной Пушкиных и «дядька» поэта; в этот период он, по-видимому, жил в Кистенево у С. Л. Пушкина (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 198). «*Эросу, Вакху так же верен*» (с. 112): Эрос — в древнегреческой мифологии бог любви; Вакх — бог растительности, вина и веселья. «*Неподражаемый Каверин*» (с. 112) — Петр Павлович Каверин (1794—1855), майор Павлоградского гусарского полка, бретер и кутила. «*Что Горчаков, красавец модный?*» (с. 112) — Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — лицейский товарищ Пушкина, впоследствии светлейший князь, министр иностранных дел России, канцлер. *Митридат* (с. 113) — имеется в виду Митридат VI Евпатор (132—63 до Р. Х.), царь Понтийский. «*...Милостиво встречен / Был Императором поэт*» (с. 116) — Николай I дал Пушкину аудиенцию в Кремле 8 сентября 1826 г. «*Сама старуха Гончарова*» (с. 118) — Наталья Ивановна Гончарова (1785—1848), мать Натальи Николаевны, будущая теща Пушкина. «*Полубезумного*

отца» (с. 118) — Николая Афанасьевича Гончарова (1787—1861). «...со смуглянкою Татьяной» (с. 119) — с Татьяной Дмитриевной Демьяновой (1810—1876), певицею московского цыганского хора. «*Но опасайся, милый мой, / Мужчины с белой головой...*» (с. 120) — эпизод имел место в 1819 г. и связан с петербургской гадалкой немкой А. Кирхгоф (см., напр.: *Летопись*, с. 190). «*С холма Паскевич наблюдает*» (с. 122) — граф Иван Федорович Паскевич (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного Кавказского корпуса. *Доломан* (с. 122) — гусарский мундир особого покроя, расшитый шнурами. «*В сравнении с блеском сераскира*» (с. 122) — точнее: сераскера, турецкого командующего. *Феб* (с. 128) — бог солнечного света в древнегреческой мифологии. «*И посещает те места, / Где Пугачева след остался*» (с. 131) — Пушкин посетил края пугачевщины в 1833 г. «*Как резко вдруг перевернули / Всю жизнь — события в июле*» (с. 135) — имеется в виду революция 1830 г. во Франции. «*Как принц Вильгельм его направил / В Россию...*» (с. 135) — речь о прусском наследном принце Вильгельме (1797—1888), впоследствии короле прусском и германском императоре. «*С маркизом де Пина*» (с. 138) — речь идет об Эммануиле де Пина, французском роялисте-эмигранте. «*Чем чаще празднует Лицей...*» (с. 143) — первые четыре стиха пушкинского стихотворения (1831). Цитата приведена неточно. «*С бокалом Яковлев встает*» (с. 144) — Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868), лицейский товарищ Пушкина, чиновник. «*Была пора: наш праздник молодой...*» (с. 144) — первые два стиха пушкинского стихотворения (1836). «*Письмо!... Что может значить это?...*» (с. 146) — анонимные пасквили с намеками на Пушкина-рогоносца были получены поэтом 4 ноября 1836 г. «*Граф Соллогуб и д'Аршиак / Явились...*» (с. 151) — граф Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882), чиновник и писатель, секундат поэта в первой (несостоявшейся) дуэли с Дантесом; виконт Огюст д'Аршиак (1811 — не ранее 1847), атташе французского посольства в Петербурге, секундант противника Пушкина на обеих дуэлях. «*Схватив в объятья Галатею, / О ней*

грустил Пигмалион...» (с. 157) — согласно древнегреческому мифу, царь Пигмалион возлюбил созданную им статую прекрасной женщины; Афродита вдохнула в нее жизнь и нарекла Галатеей. *«Теперь сходитесь!»* (с. 159) цитата из «Евгения Онегина», сцена дуэли Онегина и Ленского (6, XXX). *«Карамзина / Его в слезах перекрестила»* (с. 164) имеется в виду Екатерина Андреевна Карамзина (1780–1851), вдова знаменитого историка и близкий друг поэта.

Георгий Адамович. *«О, если правда, что в ночи...»* (с. 169) // *Современные записки*. Париж, 1937. Т. 64; см. также: *Адамович Г.* На Западе. Париж: Дом Книги, 1939. — Печ. по первому парижскому изд.

«О, если правда, что в ночи...» первый стих пушкинского «Заклинания» (1830). *«Ну, как там у него... «залог»* реминисценция из пушкинского «Пира во время чумы» (1830).

«Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья
Бессмертья, может быть, залог!»

Б. А. Арский. *«Терзает сердце даль России...»* (с. 170) // *Морской журнал*, Прага. 1937. № 4. Печ. по этому изд.

Л. Я. Нелидова-Фивейская, Г. В. Голохвастов. *Гимн Пушкину* (с. 171) // *Рассвет*, Чикаго. 1937. № 49. 27 февр. — Печ. по этому изд.

Голохвастов Георгий Владимирович (1882–1963) бывший гвардейский полковник, председатель «Общества Искусств и Литературы» в Нью-Йорке, товарищ председателя Пушкинского Комитета в Америке, публицист.

Анна Гордон. Ода памяти А. С. Пушкина

(с. 172) // Рассвет, Чикаго, — 1937. — № 10. — 13 янв. — Печ. по этому изд.

Дон-Аминадо. «Дождь был. Слякоть. Гололедица...» (с. 173). — Печ. по: Волга, — 1989. — № 6.

Ажаны — французские полицейские. *Даргомыжский* Александр Сергеевич (1813—1869) — русский композитор. *Гречанинов* Александр Тихонович (1864—1956) — композитор; в эмиграции с 1925 г. Стихи посвящены Пушкинским торжествам 1937 г., которые стали в ту пору едва ли не главным событием в жизни русского рассеянья. Эпицентром парижских торжеств была выставка «Пушкин и его эпоха», открытая при огромном стечении публики 16 марта в большой галлерее зала Плейель.

Протоиерей И. Желтонога. А. С. Пушкину (К 100-летию со дня его смерти, (1837—1937) (с. 175) // Рассвет, Чикаго. — 1937. — № 26. — Печ. по этому изд.

Владимир Кришпинович. А. С. Пушкину (с. 179) // A. S. Puškinas. А. С. Пушкин. 1799—1837. — Каунас, 1937; см. также: Пушкинский календарь. 1937, — Каунас, 1937 (с другим заголовком). — Печ. по первому изд.

Эпиграф — из пушкинского «Памятника» (1836). *Тризна* — церковный обряд похорон и поминовения умершего.

Lolo. Золотая россыпь (с. 180) // Иллюстрированная Россия. — Париж. — 1937. — № 7. — 6 фев. — Печ. по этому изд. Lolo — псевдоним поэта-сатирика и драматурга Леонида Григорьевича Мунштейна (1867—1947).

Елена Милич. 29 января 1837 — 1937 гг. (с. 182) // Memorial des festivités qui ont eu lieu à Genève en 1937 pour célébrer le centenaire de la mort du poète russe Alexandre

Владимиръ
Смоленскій

собрание
стихотвореній

парижъ
1957

Pouchkine. — Genève: Comité Pouchkine, 1938. — Печ. по этому изд.

Арсений Несмелов. Кого винить? (с. 183) // Рубеж. — Харбин. — 1937. — № 6; см. также: Несмелов А. Белая флотилия. — Харбин, 1942. — Печ. по первому изд.

«Фыркнет Полевой» — видимо, имеется в виду Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), писатель, критик и издатель. «Фаддей Булгарин разожмет уста» — Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859), писатель, журналист и издатель. «Пушкин камер... / Юнкер в тридцать два!» — поэт был пожалован в камер-юнкеры 31 декабря 1833 г., т. е. в тридцать четыре с лишним года.

Владимир Смоленский. «Огромные двуглавые орлы...» (с. 187) // Современные записки. — Париж. — 1937. — Т. 63; см. также: Смоленский В. Наедине. — Париж: Изд. Современных записок, 1938. — Печ. по первому изд.

Зурна — духовой музыкальный инструмент.

Максим Стоцкий. Недопетая песня (В сотую годовщину трагической смерти русского поэта) (с. 188) // Пробуждение, Детройт. — 1937. — № 80—81. — Печ. по этому изд.

Михаил Струве. Пушкин на парижских афишах (с. 191) Пушкин: Однодневная газета. — Париж, 1937. — Печ. по этому изд.

П. Н. Терентьев. Солнца луч (с. 192) // Для Вас, Рига. — 1937. — № 6. — Печ. по этому изд.

Зинаида Троцкая. А. С. Пушкину (с. 194) // Иллюстрированная Россия, Париж. — 1937. — № 13. — Печ. по этому изд.

Николай Туроверов. «Задыхаясь, бежали к опушке...» (с. 197) // Станица, Париж. 1937. — № 22; см. также: *Туроверов Н.* Стихи. Париж. — 1937. Печ. по первому изд.

«И Тургенев, один лишь Тургенев...» — имеется в виду Александр Иванович Тургенев (1784—1845), камергер, ученый и писатель. Именно он по высочайшему повелению сопровождал тело поэта в Святогорский монастырь.

Владислав Ходасевич. [Приношение Горлиным] (с. 199) *Ходасевич В.* Собрание стихов (1913—1939) / Ред. и примеч. Н. Берберовой. Мюнхен: Изд. И. Башкирцева, 1961. Печ. по: *Ходасевич В.* Собрание стихов: В 2-х Т. /Ред. и примеч. Ю. Колкера. Paris: La Presse Libre, 1983. Т. 2. Судя по всему, название не принадлежит Ходасевичу. Комментируя эту шутку, Н. Берберова писала: «Я нашла среди своих бумаг юмористическое послание Ходасевича Раисе и Михаилу Горлиным, близким его друзьям, поэтам, погибшим впоследствии в германских лагерях. Оно интересно тем, что показывает нам иронию Ходасевича — не только «жестокую» и «злую», о которой столько ходит легенд, но и легкую, полную непосредственного юмора, да еще обращенную на самого себя».

Горлин Михаил Генрихович (190—1943) — поэт, историк литературы. *Блох Раиса Ноевна* (1899—1943) — поэтесса, жена М. Г. Горлина. «И Фельзена читал» (с. 199) — имеется в виду Юрий Фельзен (Николай Бернардович Фрейденштейн; 1894—1943), прозаик и критик. «Статьи о Пушкине повез» (с. 200) видимо, речь идет о книге В. Ходасевича «О Пушкине» (Берлин, «Петрополис», 1937). «В Академии наук...» (с. 201). Печ. по: *Головина А.* Вилла «Надежда». — М., 1992. Первые четыре стиха вариация пушкинской эпиграммы на князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1794—1869), вице-президента Академии наук. Расширенная эпиграмма

В. Ходасевича приведена в воспоминаниях И. Соколовой о поэтессе Алле Головиной (1909—1987), которая и сообщила ее мемуаристке: «Последняя строчка, приделанная Ходасевичем к эпиграмме Пушкина, требует пояснений. В Париже в 1937 году к столетию гибели Пушкина был образован комитет по организации «Пушкинских дней», в него входил и Ходасевич. Потом он с ними разругался и ушел, их было 37, а осталось 36!» (Указ. соч., с. 357). В пояснениях А. Головиной и И. Соколовой есть ряд фактологических неточностей, да и принадлежность эпиграммы В. Ходасевичу донныне твердо не доказана. Но сам факт ее возникновения и бытования в конце 1930-х гг. представляется несомненным.

Нина Храброва. А. С. Пушкину (с. 202)/ День Русского Просвещения. — Изд. Союза Русских Просветительных и Благотворительных Обществ в Эстонии, 1937. — Печ. по этому изд.

Марина Цветаева. Стихи к Пушкину (с. 204)/ Современные записки. — Париж. — 1937. — № 63, 64. — Печ. по этим изд. 26 января 1937 г. М. Цветаева писала А.А. Тесковой: «...Стихи к Пушкину, которые совершенно не представляю себе, чтобы кто-нибудь *осмелился* читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие — обратное канону. *Опасные* стихи. Отнесла их, для очистки совести, в редакцию Современных Записок, но не сомневаюсь, что не возьмут — *не могут* взять. Они *внутренно* — революционны — так, как никогда не снилось тем, в России...» (Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. — СПб., 1991. — С. 129). В цикл входило шесть стихотворений, но редакция «осмелилась», таким образом, опубликовать четыре, и то с купюрами.

«*Две ноги свои — погреться / Вытянувший и на стол / Вспрыгнувший при Самодержце*» (с. 204) — имеются в виду рассказы современников о высочайшей аудиенции,

данной императором Николаем I Пушкину 8 сентября 1826 г. в Чудовом монастыре. По свидетельству чиновника III Отделения М. М. Попова, поэт «делался более и более свободен в разговоре; наконец дошло до того, что он, незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол» (Русская старина. — 1874. — № 8. — С. 691). А пушкинский приятель П. В. Нащокин сообщал, что «Пушкин обратился спиною к камину и говорил с Государем, обогревая себе ноги» (*Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 349*). «...сквозь кнастеров дым» (с. 206) — т. е. дым от табака, именовавшегося кнастер. «...снегов Измаил!» (с. 207) — т. е. родоначальник темнокожих потомков (ибо, как гласит Библия, Измаил был сыном Авраама и темнокожей Агари — Быт., XXVI). «...василиска/Взгляд!» (с. 208) — намек на императора Николая I, якобы обладавшего пронзительным ужасающим взором. *Василиск* — сказочное чудовище с головой петуха, туловищем жабы, хвостом змеи и короной на голове, которое могло убить одним своим взглядом. «Уж он бы полтавских не комкал / Концов» (с. 208) — Николай I не читал «Полтаву»; видимо, М. Цветаева ошиблась: царской цензуре был подвергнут «Медный всадник» и некоторые другие творения. «Был сослан в румынскую область» (с. 208) — имеется в виду кишиневская ссылка поэта. «...что сына убил / Сробевшего» (с. 208) — Петр Великий фактически был причастен к смерти (казни) царевича Алексея. «Над цветком любви» (с. 210) — речь идет о «Цветке любви», незаконченном пушкинском наброске. «Кто-то, на фуру / Несший: Атлета / Мускулатура, / А не поэта!» (с. 212) — Фура — большая длинная телега. Видимо, в данных стихах — отголосок рассказа П. И. Бартенева о том, как приятель поэта А. О. Россет переносил бездыханное тело «с дивана, на котором он умер, на стол. Вспоминая о том, он прибавлял: «Как он был легок!» (Русский архив. — 1899. — Т. 2. — С. 356). *Серафим* (с. 212) — высшее духовное существо в небесной иерархии, имеющее человеческий

образ и шесть крыльев; упоминается пророком Исайею в связи с его видением (Ис., VI).

Евгений Шкляр. Смерть Пушкина (с. 213) / Пушкинский календарь, Каунас. — 1937. — Печ. по этому изд.

Николай Языков. К юбилею... (с. 214) / Языков Н. Записки журналиста. — Шанхай: Слово, 1937. — Печ. по этому изд.

Вера Булич. 1837 (с. 217). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: Булич В. Пленный ветер. — Таллинн, 1938.

Владислав Ходасевич. «Я родился в Москве...» (с. 218) Современные записки, Париж. — 1939. — Т. 69. (в статье Н. Берберовой «Памяти Ходасевича» — только первые две строфы). Печ. по: *Ходасевич В.* Стихотворения. — Л., 1989. («Библиотека поэта»)

«*Но: восемь томов, не больше...*» — имеется в виду собрание сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (СПб., изд. А. С. Суворина, 1903—1905) в восьми томах.

Николай Туроверов. «В огне все было и в дыму...» (с. 219). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Туроверов Н.* Стихи. — Париж, 1939.

Эпиграф — первые два стиха пушкинского послания «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824). *Зарема* — персонаж «Бахчисарайского фонтана» (1823).

Аргус. Татьяна Ларина (Отрывок из романа «Евгений Онегин в Нью-Йорке») (с. 220) / Новоселье, Нью-Йорк. — 1942. — № 1. — Печ. по этому изд.

Аргус — псевдоним журналиста Михаила Константиновича Эйзенштадта. «*Бой, о, бой*» (с. 221) — т. е. «Маль-

чик, о, мальчик» (от англ. boy). *Готтеитот* (с. 222) — представитель племени, обитающего в юго-западной Африке.

Владимир Набоков. Русалка (Заключительная сцена) (с.224) — Новый журнал, Нью-Йорк. — 1942. — № 1. — Печ. по: «Мир Пушкина» («Досье» — Приложение к «Литературной газете»), 1990, июнь (публ. А. Чернышев). «Русалка» В. Набокова — одна из многих попыток в той или иной форме завершить пушкинскую пьесу.

«Пушкин пожимает плечами» (с. 227) — шутовская реплика автора, подчеркивающая несприятельность его творения и определяющая дистанцию от подлинного текста.

София Прегель. Пиковая дама (с.228)/Новоселье, Нью-Йорк. — 1943. — № 2. — Печ. по этому изд.

Вячеслав Иванов. Из «Римского дневника 1944 года» (с.231) — Первая публикация не разыскана. Печ. по: Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост. В. Крейд. М., 1991.

«У лукоморья дуб зеленый...» — первый стих пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» (1817—1820). *Лука* — гиб водоема, залив.

Николай Оцуп. Буря мглою (с.233) / Эстафета: Сб. стихов русских зарубежных поэтов. — Париж; Нью-Йорк, 1948. — Печ. по этому изд. Стихи — реминисценция пушкинских «Бесов» (1830) и «Зимнего вечера» (1825).

Верховенский...! *Федька-Каторжный* (с. 233). персонажи романа Ф. М. Достоевского «Бесы». *Домострой* (с. 233) — свод житейских правил и наставлений XVI века.

«И цыганка, и Протасов Федя» (с. 233) — персонажи драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». «Но... Волконская и Трубецкая» (с. 234) — имеются в виду княгиня Мария Николаевна Волконская (1805—1863) и княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800—1854), жены декабристов, последовавшие за ними в Сибирь. *Сонечка, Мармеладов* (с. 234) — персонажи романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». «И Хома над гробом...» (с. 234) речь идет о Хоме Бруте, персонаже повести Н. В. Гоголя «Вий». «Панночка прелестная из гроба / Смотрит...» (с. 234) — эпизод повести Н. В. Гоголя «Вий». «Свет с Востока!..» (с. 234) — здесь видится намек на представителей так называемого «евразийства» (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский и др.), чьи историко-философские построения широко обсуждались в Русском Зарубежье.

София Прегель Стихи о Пушкине (с. 237) / Новоселье, Париж; Нью-Йорк. — 1950. — № 42—44. — Печ. по этому изд.

Пиндар (ок. 518—442 или 438 до Р. Х.) — древнегреческий поэт. «И он — учитель побежденный» — имеется в виду дарственная надпись на своем портрете, подаренном Жуковским Пушкину 26 марта 1820 г. по случаю завершения «Руслана и Людмилы»: «Победителю-ученику от побежденного учителя». «Где капля блага... иль тиран» (с. 238) — неточная цитата из пушкинского «К морю» (1824). *Овидий* (с. 238) — речь идет о Публии Овидии Назоне (43 до Р. Х. — ок. 18), римском поэте.

Игорь Чиннов. Читая Пушкина (с. 240) / Новоселье, Париж; Нью-Йорк. — 1950. — № 42—44. — Печ. по этому изд.

Аглаида Шиманская. «Стучит сухая ветка...» (с. 241) /

Новоселье, Париж; Нью-Йорк. — 1950. — № 42—44. —
Печ. по этому изд.

Лидия Червинская. «Я помню о тебе, Татьяна...» (с. 241) — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Червинская Л.* Двенадцать месяцев. — Париж: Рифма, 1956.

«Сегодня очередь моя» — цитата из «Евгения Онегина» (гл. VIII, 42).

Ирина Одоевцева. «Лепестками вечности...» (с. 246). Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Одоевцева И.* Златая цепь. — Париж: Рифма, 1975.

Посвящение — Георгию Иванову (1894—1958), поэту и литературоведу, мужу И. Одоевцевой.

Игорь Чиннов. «О Воркуте, о Венгрии...» (с. 248). — Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Чиннов И.* Линии: Вторая книга стихов. — Париж: Рифма, 1960.

«Смутный сумрак спальни жаркой...» (с.249).— Первая публикация не разыскана. Печ. по: *Чиннов И.* Линии: Вторая книга стихов. — Париж: Рифма, 1960. Стихи — реминисценция пушкинских «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830). *Парка* — богиня человеческой судьбы в древнеримской мифологии.

Архиепископ Иоанн (Шаховской). Из «Поэмы о Русской любви» (с.251) — Печ. по: Вестник РХД. — 1987. — № 149. Стихи — часть ответа владыки Иоанна на анкету редакции «Вестника» «Юбилей Пушкина».

«Поэзия должна быть глуповата» — цитата из письма Пушкина к князю П. А. Вяземскому (около 22-го мая 1826 г. из Михайловского).

ИРИНА ОДОКВИЦВА

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

СТИХИ

ПАРИЖ
1973

Агнивцев Николай Яковлевич (1888--1932) — поэт, драматург, детский писатель. В эмиграции с 1921 г.; вернулся в Россию в 1923 г. О нем: Русские писатели, 1800 - 1917: Биографический словарь, М: Сов. энциклопедия, 1989. Т.1 (Далее — Русские писатели).

Адамович Георгий Викторович (1892--1972) — поэт, критик, переводчик. В эмиграции с 1923 г. Член Центрального Пушкинского Комитета в Париже. О нем: Русские писатели, т. 1.

Андреев Вадим Леонидович (1902 --1976) --- поэт, прозаик, мемуарист. Сын писателя Леонида Андреева. В эмиграции с 1917 г.; принял советское гражданство в 1946 г. О его литературной деятельности в изгнании см., напр.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1984 (по указ.; далее *Струве Г.*).

Аргус --- см. *Ейзенштадт М. К.*

Арский Б. А. --- лейтенант русского флота (не исключено, что это псевдоним). По косвенным данным, во второй половине 1930-х гг. жил в г. Осло (Норвегия).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, критик, переводчик. В эмиграции с 1920 г. Член Центрального Пушкинского Комитета в Париже. О нем: Русские писатели, т. 1.

Биск Александр Акимович (1883--1973) --- поэт, переводчик. В эмиграции с 1919 г. Книги: 1) Избранное из

Райнера Мария Рильке (Париж, 1959); 2) Чужое и свое (Париж, 1961). О нем: Русские писатели, т. 1.

Булич Вера Сергеевна (1898—1954¹) — поэт, прозаик. Дочь языковеда С. К. Булича. Член группы «Содружество поэтов» (Выборг). Книги: 1) Сказки (тт. I—II, Белград, 1931); 2) Маятник (Гельсингфорс, 1934); 3) Пленный ветер (Таллинн, 1938); 4) Бурелом (Хельсинки, 1947); 5) Ветви (Хельсинки, 1954). О ней см., напр.: *Pachmuss T. Russian Literature in the Baltic Between the World Wars. — Columbus: Slav. Publ., 1988. — p. 394-422.*

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — прозаик, поэт, переводчик. В эмиграции с 1920 г. Лауреат Нобелевской премии (1933). Товарищ председателя Центрального Пушкинского Комитета в Париже. О нем: Русские писатели, т. 1.

Гомолицкий Лев Николаевич (1903—1988) — поэт, критик. Один из учредителей литературного кружка «Домик в Коломне» (Варшава). Секретарь Союза русских писателей и журналистов в Польше. Секретарь Пушкинского Комитета в Варшаве. Книги: 1) Дом (Варшава, 1933); 2) Варшава. Поэма (Варшава, 1934); 3) Цветник. Дом (Таллинн, Новь, 1936); 4) Эмигрантская поэма (Таллинн, Новь, 1936); 5) Арион. О новой зарубежной поэзии (Париж, 1939). О нем см., напр.: *Струве Г.* (по указ.).

Гордон Анна — сведений не разыскано.

Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский; 1888—1957) — поэт, фельетонист, мемуарист. В эмиграции с 1920 г. Книги: 1) Дым без отечества (Париж, 1921); 2) Наша маленькая жизнь (Париж, 1927); 3) Накинув плащ (Париж, 1929); 4) Нескучный сад (Париж, 1935); 5) Поезд на третьем пути (Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1954); и др.

Ейзенштадт Михаил Константинович (1900—?) (псевд.: Аргус, М. Железнов) — поэт, критик.

Протоиерей Иоанн Желтонога — сведений не разыскано.

¹По другим данным: 1953.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, философ, литературовед. В эмиграции с 1924 г. Жил в Италии.

Иванов Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт, литературовед, мемуарист. Муж И. Одоевцевой. В эмиграции с 1922 г.

Архиепископ Иоани (в миру — князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902—1989) — духовный писатель, поэт, критик, редактор-издатель многих газет и журналов. Псевд.: Странник. Воспитанник Александровского Лицея. Принял постриг на Афоне в 1926 г. Был настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине, благочинным церковью Западно-Европейской епархии в Германии. С 1950 г. — архиепископ Сан-Францисский. Автор множества пушкиноведческих трудов.

Колосовский Виктор — человек, ставший в Русском Западном крае символом графоманства. Жил в Болгарии. Мемуарист пишет, что «Виктор Колосовский, на трудовые гроши издававший в Болгарии, голодая и истощаясь, свои рифмованные произведения, которые из года в год посылал в редакции всех эмигрантских журналов и газет... И никто им не занялся, никто не образумил его, не уговорил бросить это дело, а Ходасевич, тот даже приходил в восторг: «Пусть пишет, так не придумаешь... Ведь это своего рода совершенство! Почти как у капитана Лебядкина из «Бесов» (*Любимов Л.* На чужбине. — Ташкент, 1988. — С. 180). В частности, В. Ходасевич поминал В. Колосовского в статьях «О горгуловщине» и «Ниже нуля». Известна сходная реакция на труды этого человека И. Бунина и др. эмигрантов.

Криштинович Владимир — поэт, журналист. Жил в Литве.

Ладинский Антонин Петрович (1896—1961) — поэт, прозаик, мемуарист. В эмиграции с 1921 г.; в 1955 г. вернулся в СССР. Председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже. Член Центрального Пушкинского Комитета. Книги: 1) Черное и голубое (Париж, изд. Современных записок, 1931); 2) Северное сердце (Берлин, Парабола, 1932); 3) Стихи о Европе (Париж, 1937); и др.

О нем: Встречи с прошлым / (публ. Е. Ю. Филькиной) М., 1988. Вып. 6.

Лебедев Вячеслав Михайлович (1896—1969) — поэт, прозаик. Член литературного объединения «Скит» (Прага).

Lolo (Леонид Григорьевич Мунштейн; 1867—1947) — поэт, фельетонист, драматург.

Милич Елена — сведений не разыскано. По косвенным данным, во второй половине 1930-х гг. жила в Швейцарии.

Набоков Владимир Владимирович (1899—1977) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед. Псевд.: В. Сирин, Василий Шишков и др. В эмиграции с 1919 г. Один из крупнейших пушкинистов Русского Зарубежья, автор четырехтомных комментариев к «Евгению Онегину» (1-е изд. — Нью-Йорк, 1964; 2-е — Принстон, 1975; 3-е — Принстон, 1981; на англ. яз.).

Нелидова-Фивейская Лидия Яковлевна (1894—1978) — артистка, поэт. Книги: 1) Подснежники (Нью-Йорк, изд. «Нового русского слова», 1927); 2) Невольник чести. Поэма (Чикаго, изд. газеты «Рассвет», 1934; 2-е изд. — Нью-Йорк, 1936); 3) Запечатленные мгновенья (Нью-Йорк, 1952); и др. Известны хвалебные отзывы о ее творчестве Г. Д. Гребенщикова, А. Т. Гречанинова, С. В. Рахманинова и др.; на противоположных позициях стоял В. Ходасевич (в статьях «Кризис поэзии» и «Ниже нуля») и иные критики.

Несмелов Арсений (Арсений Иванович Митропольский; 1889—1945) — поэт, прозаик, журналист. В эмиграции с 1924 г. Жил в Харбине (Китай). О нем см. в кн.: *Несмелов А. Без Москвы, без России* / Сост. Е. В. Витковский и А. В. Ревоненко. — М., 1990.

Обухов Василий — поэт. Жил в Харбине. Автор сборника «Песчаный берег». О нем: Литературная учеба, — 1989. — № 6. — С. 118. — (Из воспоминаний В. Перелешина).

Одоевцева Ирина Владимировна (Гейнике Ираида Густавовна; 1901—1990) — поэт, прозаик, критик, мемуарист.

ка. В эмиграции с 1922 г.; вернулась в Россию в 1987 г. Книги: 1) Контрапункт (Париж, Рифма, 1951); 2) Стихи, написанные во время болезни (Париж, 1952); 3) Десять лет (Париж, Рифма, 1961); 4) Златая цепь (Париж, Рифма, 1975); 5) Портрет в рифмованной раме (Париж, Рифма, 1976); и др. О ней см., напр.: *Струве Г.* (по указ.).

Оцуп Николай Авдеевич (1895—1958¹) — поэт, прозаик, литературовед. В эмиграции с 1922 г. О нем см., напр.: Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост. В. Крейд. — М., 1991.

Побегайло Игнат (1899—1960) — поэт, критик. О нем: Джурич О. Русская литературная Сербия. 1920—1941 (Писатели, кружки и издания). — Београд: Српски Фонд Словенске писмености и словенских култура, 1990, по указ. (на сербохорв. яз.).

Прегель София Юльевна (1894²—1972) — поэт, переводчик, редактор-издатель нью-йоркского журнала «Новоселье». Книги: 1) Разговор с памятью (Париж, Числа, 1935); 2) Солнечный произвол (1927); 3) Берега (1953); и др.

Ратгауз Даниил Максимович (1868—1937) — поэт. Книги: 1) Мои песни (Берлин, изд. О. Дьяковой, б. г.); 2) О жизни и смерти (Прага, Чешская беллетристика, 1927).

Росимов Г. (Юрий Викторович Офросимов; 1895—1967) — поэт, критик, детский писатель. Книги: Стихи об утерянном (Берлин, изд-во И. П. Ладыжникова, 1921) и др.

Ростовский М. сведений не разыскано (возможно, это псевдоним).

Северянин Игорь (Игорь Васильевич Лотарев; 1887—1942) — поэт, критик, мемуарист. В эмиграции с 1918 г. О нем см., напр. в кн.: *Северянин И.* Стихотворения. Поэмы / Сост. В. А. Кошелев и В. А. Сапогов. — Архангельск, 1988.

Сириш В. — см. *Набоков В. В.*

¹По другим данным: 1894—1959.

²По другим данным: 1904.

Смоленский Владимир Алексеевич (1901—1961¹) — поэт. Член Центрального Пушкинского Комитета в Париже. Книги: 1) Закат (Париж, изд. Я. Поволоцкого, 1931); 2) Наедине (Париж, изд. Современных записок, 1938); 3) Собрание стихотворений (Париж, 1957); и др. О нем см., напр.: *Струве Г.* (по указ.).

Стоцкий Максим Кириллович (1891—?) — поэт. По-видимому, примыкал организационно и (или) идейно к анархистам. Книги: 1) Свободные мысли (Нью-Йорк, б. г.); 2) Среди дорог. Поэма (Нью-Йорк, 1925). О нем см., напр.: *Американские известия*, Детройт. — 1937. — № 4. — 17 декабря.

Струве Михаил Александрович (1890—1948) — поэт. В эмиграции с 1920 г. О нем: *Струве Г.* (по указ.).

Сумбатов В. — поэт. Книга: Стихотворения В. Сумбатова. — Мюнхен: Град Китеж, 1922.

Терентьев Петр Николаевич (1902—1944?) — поэт, прозаик. По образованию — инженер-химик. Жил в Риге. О нем: *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944. Библиографический справочник. — Stanford («Stanford Slavic Studies», vol. 3), 1991. Ч. 4. Ц. 148—150.

Троцкая Зинаида Самеевна (1902—1968) — поэт.

Турочеров Николай Николаевич (1899—1972) — поэт, библиограф, редактор ряда казачьих изданий. Книги: 1) Путь (Париж, 1928); 2) Стихи (Париж, 1937); 3) Стихи (Париж, 1939); 4) Стихи (Париж, 1942); 5) Сирко (Париж, изд. Кружка казаков-литераторов, 1945); и др.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт, критик, переводчик, литературовед, мемуарист. В эмиграции с 1922 г. Один из виднейших пушкинистов Русского Зарубежья. Член Центрального Пушкинского Комитета в Париже.

Храброва Нина — ученица Нарвской Русской гимназии.

Цветашева Марина Ивановна (1892—1941) — поэт, переводчик, прозаик, критик. В эмиграции с 1922 г.; вернулась

¹По другим данным: 1962.

в СССР в 1939 г. Член Центрального Пушкинского Комитета в Париже, автор многих работ о Пушкине.

Червинская Лидия Давыдовна (1907—1985) — поэт, критик. В эмиграции с 1922 г. Книги: 1) Приближения (Париж, 1934); 2) Рассветы (Париж, 1937); 3) Двенадцать месяцев (Париж, Рифма, 1956); и др. О ней см., напр.: *Струве Г.* (по указ.).

Черный Саша (Александр Михайлович Гликберг; 1880—1932) — поэт, прозаик, драматург. В эмиграции с 1920 г. О нем см., напр.: *Струве Г.* (по указ.).

Чиннов Игорь Владимирович (род. 1907¹) — поэт, критик, переводчик. До войны жил в Риге, затем перебрался во Францию, а позднее — в Америку. Книги: 1) Монолог (Париж, Рифма, 1950); 2) Линии (Париж, Рифма, 1960); и др. О нем см., напр.: *Pachmuss T.*, p. 254—264.

Шиманская Аглайда Сергеевна — поэт.

Шкляр Евгений Львович (1894—1941?) — поэт, журналист, редактор. По сведениям Т. Пахмусс, он «погиб во время войны в немецком концлагере под Каунасом» (*Pachmuss T.*, p. 47). Книги: 1) Кипарисы (Ковно, Прибалтийское, 1922); 2) Караван (Берлин, Мысль, 1923); 3) Огни на вершинах (Берлин, Отто Кирхнер, 1923); 4) Вечерняя степь (Берлин, Книгоиздательство писателей, 1923); 5) Посох (Рига, Культура, 1925); и др. Член Пушкинского Комитета в Литве. О нем см.: *Pachmuss T.*, p. 46—47.

Языков Николай Н. — поэт, журналист. Жил в 1930-е гг. в Шанхае. Книга: Записки журналиста (Шанхай, Слово, 1937).

¹По другим данным: 1909.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Афиша выставки «Пушкин и его эпоха» (Париж, 1937). Художник Ж. Кокто. — *Суперобложка*.

А. С. Пушкин. Портрет работы Ю. Анненкова. — *Фронтиспис*.

Медаль, выбитая в честь выставки «Пушкин и его эпоха» (Париж, 1937). — С. 7

Печать Всемирного Пушкинского Комитета. 1937. — С. 9

Александр Биск. Фото. — С. 18

Обложка книги Г. Росимова «Стихи об утерянном» (Берлин, изд. И. П. Ладыжникова, 1921). — С. 20

Константин Бальмонт. Фото П. Шумова. Париж, 1930-е гг. — С. 22

Титульный лист книги «Стихотворения В. Сумбатова» (Мюнхен, изд. книжного магазина «Град Китеж», 1922). — С. 27

Николай Агнивцев. Фото. — С. 30

Обложка книги Н. Агнивцева «Блистательный Санкт-Петербург» (Берлин, изд. И. П. Ладыжникова, 1923). Художник Иван Мозалевский. — С. 32

Владимир Набоков (Сирин). Фото. Берлин, после 1922. — С. 34

Георгий Адамович. Фото. — С. 38

-
- Владислав Ходасевич. Фото П. Шумова. Париж, 1931.
— С. 40
- Марина Цветаева. Фото. --- С. 48
- И. А. Бунин. Фото. 1930-е гг. --- С. 57
- Вадим Андреев. Фото. Париж, 1925. --- С. 61
- Лидия Нелидова-Фивейская. Фото. --- С. 66
- Обложка общественно-литературного сборника «Ступени» (Белград, изд. Русской студии искусств при «Земгоре», 1927). Художник. А. А. Вербицкий. --- С. 68
- Обложка книги Д. Ратгауза «О жизни и смерти» (Прага-Дейвице, «Чешская беллетристика», 1927). -- С. 70
- Саша Черный. Фото. 1920. С. 72
- Георгий Иванов. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. 1916. -- С. 77
- Обложка книги В. Лебедева «Звездный крен» (Прага, «Скит», 1929. Тираж 500 экз.). Художник Е. Н. Калабин. --- С. 79
- Обложка поэмы Л. Гомолицкого «Варшава» (Варшава, 1934. Тираж --- 100 экз.). С. 84
- Титульный лист поэмы Л. Гомолицкого «Варшава». --- С. 88
- Обложка поэмы Л. Нелидовой-Фивейской «Невольник чести» (Чикаго, изд. газеты «Рассвет», 1933). -- С. 106
- Обложка журнала «Современные записки» (Париж, 1937, т. 64). --- С. 168
- Обложка «Пушкинского календаря» (Каунас, 1937). -- С. 178
- Арсений Несмелов. Фото. --- С. 184
- Владимир Смоленский и Ю. Мандельштам. Фото. 1930-е гг. --- С. 186
- Обложка книги Н. Туроверова «Стихи» (Париж, 1937. Тираж --- 550 экз.). Художница В. Н. Ландшевская. -- С. 196

Обложка книги В. Булич «Пленный ветер» (Таллинн, 1938). — С. 216

Вячеслав Иванов. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. — С. 230

Николай Оцуп. Фото. Берлин, 1922. — С. 232

Обложка журнала «Новоселье» (Париж—Нью-Йорк, 1950, № 42-44). Художница А. Прегель. С. 236

Лидия Червинская. Фото. Париж, 1937. — С. 243

Ирина Одоевцева. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. 1921. — С. 245

Обложка книги И. Чиннова «Линии» (Париж, «Рифма», 1960. Тираж — 350 экз.). — С. 247

Епископ Иоанн (Шаховской). Фото. 1957. — С. 250

Обложка книги А. Биска «Чужое и свое» (Париж, 1961). — С. 254

Обложка книги В. Смоленского «Собрание стихотворений» (Париж, 1957. Тираж — 640 экз.). Художник Александр Икскуль. — С. 266

Обложка книги И. Одоевцевой «Златая цепь» (Париж, «Рифма», 1975. Тираж — 500 экз.). — С. 275

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаил Филин.</i> Венок на далекую могилу, или Русский пароль в изгнании	5
<i>Александр Биск.</i> Русь	19
<i>Г. Росимов.</i> «И вновь приду к тебе, покорный...»	21
<i>Константин Бальмонт.</i> Пушкин	23
<i>В. Обухов.</i> «И Пушкин был влюблен в одну звезду...»	24
<i>М. Ростовский.</i> Дорога Пушкина	25
<i>В. Сумбатов.</i> Усадьба	28
<i>Николай Агнивцев.</i> Санкт-Петербург	29
<i>Николай Агнивцев.</i> Дама из Эрмитажа	31
<i>В. Сирин.</i> Памяти Гумилева (Гексаметры)	35
<i>В. Сирин.</i> «Санкт-Петербург — узорный иней...»	35
<i>Георгий Адамович.</i> «По широким мостам...»	37
<i>Владислав Ходасевич.</i> Романс	41
<i>В. Сирин.</i> Санкт-Петербург	43
<i>Константин Бальмонт.</i> Кому судьба	44
<i>Игорь Северянин.</i> «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!»	45
<i>В. Сирин.</i> Смерть Пушкина	46
<i>Владислав Ходасевич.</i> 27 мая 1836	47
<i>Марина Цветаева.</i> Из неизданной книги «Юношеские стихи»	49
<i>Константин Бальмонт.</i> Отчего?	54
<i>Иван Бунин.</i> День памяти Петра	58
<i>В. Сирин.</i> Изгнанье	59
<i>Вадим Андреев.</i> Сонет	62
<i>Игорь Северянин.</i> Пушкин	63
<i>Виктор Колосовский.</i> Из книги «Моя лирика о Пушкине»	64
<i>Лидия Нелидова-Фивейская.</i> Первая любовь	67
<i>Игнат Побегайло.</i> (Есенин)	69
<i>Д. Ратгауз.</i> В годы эти	71
<i>Саша Черный.</i> Няня Пушкина	73
<i>Георгий Иванов.</i> «Медленно и неуверенно месяц встает над землей...»	78
<i>Вячеслав Лебедев.</i> Стихи к Музе	80
<i>Антонин Ладинский.</i> Поэту	81
<i>В. Сирин.</i> Неоконченный черновик	83

<i>Лев Гомолицкий. Варшава (Поэма)</i>	85
<i>Константин Бальмонт. Пушкин (Поэма)</i>	99
<i>Константин Бальмонт. Памяти Пушкина</i>	101
<i>Антонин Ладинский. «Все книжное: дома и флаги...»</i>	104
<i>Лидия Нелидова-Фивейская. Невольник чести</i> (Поэма).....	105
<i>Георгий Адамович. «О, если правда, что в ночи...»</i>	169
<i>Б. А. Арский. «Терзает сердце даль России...»</i>	170
<i>Л. Я. Нелидова-Фивейская, Г. В. Голохвастов. Гимн</i> <i>Пушкину</i>	171
<i>Анна Гордон. Ода памяти А.С. Пушкина</i>	172
<i>Дон-Аминадо. «Дождь был. Слякоть. Гололедица...»</i>	173
<i>Протоиерей И. Желтонога. А.С. Пушкину</i> (К 100-летию со дня его смерти, 1837—1937).....	175
<i>Владимир Кришпинович. А. С. Пушкину</i>	179
<i>Lolo. Золотая россыпь</i>	180
<i>Елена Милч. 29 января 1837—1937 гг.</i>	182
<i>Арсений Несмелов. Кого винить?</i>	183
<i>Владимир Смоленский. «Огромные двуглавые орлы...»</i>	187
<i>Максим Стоцкий. Недопетая песня (В сотую</i> <i>годовщину трагической смерти русского поэта)</i>	188
<i>Михаил Струве. Пушкин на парижских афишах</i>	191
<i>П.Н. Терентьев. Солнца луч</i>	192
<i>Зинаида Троцкая. А.С. Пушкину</i>	194
<i>Николай Туроверов. «Задыхаясь, бежали к опушке...»</i>	197
<i>Владислав Ходасевич. (Приношение Горлиным)</i>	199
<i>Владислав Ходасевич. «В Академии наук...»</i>	201
<i>Нина Храброва. А.С. Пушкину</i>	202
<i>Марина Цветаева. 1. Стихи к Пушкину. 2. Петр и</i> <i>Пушкин. 3. Станок. 4. «Преодоление костности</i> <i>русской...»</i>	204
<i>Евгений Шкляр. Смерть Пушкина</i>	213
<i>Николай Языков. К юбилею</i>	214
<i>Николай Языков. «Был стольный Петербург...»</i>	214
<i>Вера Булич. 1837</i>	217
<i>Владислав Ходасевич. «Я родился в Москве...»</i>	218
<i>Николай Туроверов. «В огне все было и в дыму...»</i>	219
<i>Аргус. Татьяна Ларина (Отрывок из романа «Евге-</i> <i>ний Онегин в Нью-Йорке)</i>	220
<i>Владимир Набоков. Русалка (Заключительная сцена)</i>	224
<i>София Прегель. Пиковая дама</i>	228
<i>Вячеслав Иванов. Из «Римского дневника 1944 года»</i>	231

<i>Николай Оцуп. Буря мглою.....</i>	233
<i>София Прегель. Стихи о Пушкине</i>	237
<i>Игорь Чиннов. Читая Пушкина.....</i>	240
<i>Аглаида Шиманская. «Стучит сухая ветка...»</i>	241
<i>Лидия Червинская. «Я помню о тебе, Татьяна...».....</i>	244
<i>Ирина Одоевцева. «Лепестками вечности вьются мотыльки...»</i>	246
<i>Игорь Чиннов. «О Воркуте, о Венгрии...»</i>	248
<i>Игорь Чиннов. «Смутный сумрак спальни жаркой...»</i>	249
<i>Архиепископ Иоанн (Шаховской). Из «Поэмы о Русской любви».....</i>	251
Примечания.....	252
Об авторах	276
Перечень иллюстраций	283

Составитель
Филин Михаил Дмитриевич

ВЕНОК ПУШКИНУ
Из поэзии первой эмиграции.

Ответственный за выпуск *Т. А. Горькова*
 Технический редактор *Л. В. Жигульская*
 Художественный редактор *Г. И. Сауков*
 Корректор *Л. М. Жукова*

Сдано в набор 29.09.93. Подписано в печать 31.01.94. Формат 70×90/32.
 Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,53.
 Усл.кр.-отт. 21,06. Уч.-изд.л. 9,97. Тираж 25000 экз. Заказ 1881. С. 28.
 ЛР № 040571 от 19 января 1993 г.

Издательство «Эллис Лак». 123242, Россия, Москва, Большая Грузинская, 3,
 стр. 1. Тел. 254-74-72, 254-26-11. Факс 227-59-40

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 5
 Министерства печати и информации Российской Федерации.
 129243, Москва, Маломосковская, 21.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·ЭЛЛИС ЛАК·